

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6991582

*Желтоглазые крокодилы : [роман] / Катрин Панколь.: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078595-7*

Аннотация

Тихая, добрая Жозефина всю жизнь изучала историю средневековой Франции и, можно сказать, жила в XII веке. Но ей пришлось вернуться к реальности, когда ее муж уехал с любовницей в Африку разводить крокодилов, а она с его долгами и двумя дочерьми осталась в холодном, циничном Париже без гроша в кармане. Здесь ее тоже окружают крокодилы, готовые наброситься в любой момент. Как ей выжить, одинокой и слабой, среди безжалостных хищников? Роман «Желтоглазые крокодилы» принес Катрин Панколь феноменальных успех, побив рекорды продаж книг Анны Гавальда.

Открыв для себя литературу, Катрин Панколь нашла способ никогда не скучать от одиночества и не грустить. Среди своих учителей она называет Бальзака, Колетт и Сименона, а первым ее читателем был Ромен Гари. Она француженка до мозга костей и одновременно космополит с бурным нью-йоркским прошлым. Завсегдатай легендарного клуба «Studio 54», где она вечера напролет веселилась с Энди Уорхолом, и удивительная домоседка.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

*Шарлотте,
Клеману,
моим любимым...*

Katherine Pankol
Les yeux jaunes des crocodiles

Печатается с разрешения издательства Les Editions Albin Michel и литературного агентства Anastasia Lester

Перевод с французского *Елены Брагинской*

© Éditions Albin Michel S.A., Paris, 2006

© Брагинская Е., перевод, 2009

© ООО «Издательство Астрель», издание на русском языке, 2013

Часть первая

Жозефина вскрикнула, овощечистка выпала у нее из рук. Нож, скользя по картофелине, глубоко порезал кожу у основания запястья. Кровь, повсюду кровь. Она смотрела на свои синие вены, на алый порез, на белую раковину, на желтую пластмассовую решетку, на блестящие, только что очищенные картофелины. Капли крови падали одна за другой, забрызгивая белую эмаль. Она оперлась руками на раковину и заплакала.

Ей надо было поплакать. Почему – она не знала. Слишком уж много было у нее на то причин. Этот порез стал удобным поводом. Она поискала глазами тряпку, взяла ее и наложила жгут. Я превращусь в фонтан, в фонтан слез, фонтан крови, фонтан вздохов; я позволю себе умереть.

Да, это выход. Просто молча дать себе умереть. Медленно угаснуть, как свечка.

Умереть стоя над мойкой. Нет, поправилась она тотчас, стоя не умирают, умирают лежа на кровати, или на коленях, засунув голову в плитку, или в ванной. Она читала в какой-то газете, что чаще всего, чтобы покончить с собой, женщины выбрасываются из окна. А мужчины вешаются. Прыгнуть в окно? Она бы никогда не решилась... Другое дело – медленно истекать кровью и плакать, глядя, как слезы смешиваются с кровью. Медленно засыпать. Ну тогда брось тряпку, погрузи руки в наполненную водой раковину! И все равно... для этого тебе придется стоять, а стоя не умирают.

Только на поле боя. Во время войны...

Но война еще не началась.

Она шмыгнула носом, поправила повязку на руке и вытерла слезы. Взглянув на свое отражение в оконном стекле, заметила, что в волосах у нее по-прежнему торчит карандаш. Давай, сказала она себе, продолжай чистить картошку... Об остальном ты подумаешь после!

В то жаркое утро – всего лишь конец мая, а уже плюс двадцать восемь в тени – на одном из балконов пятого этажа, укрывшись от солнца под навесом, мужчина играл в шахматы. Сам с собой. Сделав ход, он пересаживался на место воображаемого противника, задумчиво попыхивая трубкой. Он склонялся над доской, вздыхал, приподнимал пешку, вновь ставил ее, убирал руку, снова вздыхал, снова хватался за пешку, делал ход, качал головой и пересаживался обратно.

Это был мужчина среднего роста, кареглазый, темноволосый, холеный. Безупречная складка на брюках, ботинки сияют, будто их только что купили и вынули из коробки, засушенные рукава рубашки открывают тонкие запястья, ногти тщательно отполированы – сразу видна работа маникюрши. Ровный легкий загар явно не случайного происхождения дополнял картину – казалось, от него исходило золотисто-бежевое сияние. Он напоминал картонную фигурку в носочках и трусах, которую можно наряжать в разные бумажные костюмы: пилота, охотника, путешественника. Подобных мужчин изображают на страницах каталога, чтобы подчеркнуть достоинства мебели и внушить доверие к предлагаемой продукции.

Внезапно его лицо озарилось улыбкой. «Шах и мат, – прошептал он своему невидимому партнеру. – Старик! Ятебя сделал! Что, не ожидал?» С довольным видом пожал сам себе руку и, слегка изменив голос, поздравил: «Хорошо сыграно, Тони. Сильная партия».

Он встал, потянулся, почесал грудь. Отчего бы не пропустить стаканчик? Рановато, конечно. Обычно он пил аперитив вечером, в десять минут седьмого, когда смотрел по телевизору «Вопросы чемпиону». Передачу Жюльена Лепера он ждал, как ждут свидания, а если пропускал, страшно огорчался. Готовиться к ней начинал уже с половины шестого. Ему не терпелось сравнить себя с четырьмя чемпионами в студии, посмотреть, в каком пиджаке будет ведущий, в какой рубашке, какой выберет галстук. Он говорил себе, что пора бы самому попытаться счастья в телеигре. Каждый вечер говорил, но ничего не предпринимал.

Для участия нужно было пройти «отборочные испытания», и что-то в этом словосочетании его удручало.

Он приподнял крышку на ведерке со льдом, аккуратно взял два кусочка, бросил их в стакан, налил белого martini. Наклонился, поднял ниточку с ковра, выпрямился, сделал глоток вермута и даже причмокнул губами от удовольствия.

Каждое утро он играл в шахматы. Каждое утро одна и та же рутина. Подъем в семь, вместе с детьми, на завтрак – хорошо поджаренные тосты с маслом и абрикосовым джемом без сахара, свежавыжатый апельсиновый сок. Затем полчаса гимнастики, упражнения, укрепляющие мышцы спины, живота, груди и бедер. Чтение газет (за ними по очереди ходят девочки перед школой), изучение объявлений. Отправление резюме, если попадетс я интересная вакансия. Душ, бритье станком (мыло пенится под кисточкой), выбор одежды и, наконец, шахматная партия.

Выбор одежды – самый неприятный момент дня. Он уже не понимал, как ему одеваться. То ли в свободном стиле, более удобном, то ли все же в классическом? Один раз, когда он в спешке натянул тренировочный костюм, старшая дочь Гортензия сказала ему: «Папа, ты что, не работаешь? Ты все время в отпуске? А мне больше нравится, когда ты у меня красивый, в пиджаке, с галстуком, в наглаженной рубашке. Больше никогда не приходи за мной в школу в куртке». И потом, смягчившись, потому что он даже побледнел тогда – она впервые позволила себе говорить с ним подобным тоном, – добавила: «Это я для твоей же пользы говорю, папочка, любимый, чтобы ты оставался самым красивым папочкой в мире».

Гортензия права, к нему по-другому относятся, когда он хорошо одет.

Завершив партию в шахматы, он поливал цветы в ящике, укрепленном на бортике балкона, собирал сухие листья, обрезал мертвые ветки, опрыскивал свежие побеги, ложечкой рыхлил землю, если нужно, вносил удобрения. С белой камелией было много возни. Он занимался ею в последнюю очередь, разговаривал с ней, вытирал каждый листик.

Каждое утро одна и та же рутина, вот уже целый год.

Однако сегодня утром он нарушил свое обычное расписание. Шахматная партия оказалась трудной, нужно было внимательно следить за собой, чтобы не погрузиться в нее с головой и не забыть обо всем на свете: а это непросто, когда нечем заняться. Не потерять чувство времени, которое идет так незаметно и проходит, проходит... «Будь осторожен, Тонио, – сказал он себе, – держись. Не увлекайся, возьми себя в руки».

Он приобрел привычку думать вслух и сейчас недовольно нахмурил брови, поняв, что громко разглагольствует в тишине. Чтобы наверстать упущенное время, решил не поливать сегодня цветы.

Прошел мимо двери кухни, где жена чистила картошку. Увидев ее со спины, он в очередной раз отметил, как она располнела. Жирные бока, жирные ляжки...

Когда они переехали в этот дом в пригороде Парижа, она была тонкой и стройной, ни грамма жира.

Когда они переехали, девочки еще пешком под стол ходили...

Когда они переехали...

Совсем другое было время. Он приподнимал ее свитер, клал руки ей на грудь и вздыхал «дорогая», а она опускалась на кровать, растягивая обеими руками покрывало, чтобы не помялось. По воскресеньям она готовила обед. Девочки требовали ножи, хотели «помогать маме», оттирали кастрюли до зеркального блеска. Родители смотрели на них с умилением. Каждые два-три месяца девочек измеряли и отмечали рост на стене простым карандашом: маленькая черточка, дата, имя: Гортензия или Зоэ. И теперь, стоило ему прислониться к дверному косяку в кухне, его сразу охватывала грусть. Ощущение какой-то непоправимой утраты, воспоминание о годах, когда жизнь улыбалась ему. Такое чувство не возникало ни в спальне, ни в гостиной, именно здесь, на кухне, которая в прежние времена была средоточием

чием счастья. Тепла, покоя, вкусных запахов. Дымились кастрюли, на краю плиты сушились тряпочки, на водяной бане таял шоколад, девочки кололи орехи. Они махали вымазанными в шоколаде руками, пальчиками рисовали себе усы и слизывали их языком; от пара на окнах возникали перламутровые узоры, и ему казалось, будто он – глава эскимосского семейства в иглу на Северном полюсе.

Раньше... Раньше счастье было с ними, прочное, надежное.

На столе лежала открытая книга Жоржа Дюби. Он наклонился, прочитал заглавие: «Рыцарь, дама и священник». Жозефина работала за кухонным столом. То, что прежде было ее хобби, теперь стало единственным источником дохода. Сотрудница Национального научно-исследовательского центра, изучающая жизнь женщин в XII веке! Прежде он с трудом мог удержаться от насмешек над ее работой: «Моя жена увлечена историей, но исключительно историей XII века... Ах-ах-ах...» Ему казалось, что заниматься этим способен только «синий чулок». «Двенадцатый век – звучит как-то не очень сексуально, дорогая», – говорил он, ущипнув ее за попу. «Ты не понимаешь, именно в эту эпоху Франция совершила решающий поворот к современности: торговля, деньги независимость городов...»

Он зажимал ей рот поцелуем.

А теперь этот XII век кормил их всех. Он кашлянул, чтобы обратить на себя ее внимание. Она обернулась: причесаться с утра не успела, волосы собраны в пучок и заколоты карандашом.

– Я пойду пройдуся...

– К обеду вернешься?

– Не знаю... На всякий случай не жди меня.

– Так бы и сказал: не вернусь!

Он не любил перебранки. Лучше было уйти сразу, крикнув «Ухожу, до скорого!» – и хоп, он уже на лестнице, и хоп, подавись ты своими вопросами, и хоп, останется только выдумать какую-нибудь ерунду по возвращении. А возвращался он всегда.

– Ты просмотрел объявления?

– Да... сегодня ничего интересного.

– Для мужчины, который хочет работать, работа найдется всегда!

Да не нужна мне абы какая работа, подумал он, но вслух не произнес, потому что знал наизусть продолжение их диалога. Надо было бы уйти, а он стоял, будто его пригвоздили к косяку.

– Я знаю, что ты мне скажешь, Жозефина, я все это уже знаю.

– Ты знаешь, но при этом ничего не делаешь, чтобы изменить ситуацию. Ты можешь заняться чем угодно, чтобы просто заработать нам на хлеб с маслом...

Он легко мог продолжить за нее, он знал все наизусть: «охранник в бассейне, садовник в теннисном клубе, ночной сторож на бензозаправке...», но его вдруг остановило слово «масло». Это слово как-то смешно звучало в разговоре о поисках работы.

– Ты еще можешь улыбаться! – процедила она, сверля его взглядом. – Я кажусь тебе такой приземленной со своими разговорами о деньгах! Мсье хочет кучу золота сразу, мсье не хочет утруждать себя пустяками, мсье хочет почета и уважения! А сейчас мсье вообще в жизни нужно только одно: пойти наконец к своей маникюрше!

– О чем ты говоришь, Жозефина?

– Ты прекрасно знаешь, о КОМ я говорю!

Она уже полностью развернулась к нему лицом: плечи расправлены, запястье обмотано тряпкой; она вызывала его на бой.

– Если ты намекаешь на Милену...

– Да, я намекаю на Милену... Ты еще не знаешь, отпустят ли ее домой на обед? Поэтому не хочешь отвечать, вернешься ли ты?

– Жози, остановись, это плохо кончится!

Но было поздно. Она уже думала только о нем и о Милене. Кто же это ее просветил? Сосед, соседка?

В этом доме у них было немного знакомых, но когда нужно позлословить, все сразу становятся друзьями. Должно быть, его заметили, когда он входил в дом Милены, через два квартала отсюда.

– Вы будете обедать у нее... Она, верно, приготовила тебе мясной пирог с зеленым салатом, не очень плотный обед, потому что ей-то потом надо на работу...

Она даже скрипнула зубами, напирая на «ей-то».

– А потом вы приляжете отдохнуть, она задернет занавески, сбросит на пол одежду и прыгнет к тебе на кровать, под белый кружевной балдахин...

С ума сойти! У Милены действительно над кроватью белый кружевной балдахин. Откуда она знает?

– Ты что, приходила к ней?

Она злобно рассмеялась, свободной рукой затянула потуже узел на тряпке.

– Ах, так я была права! Да нет, просто белое кружево к любой спальне подойдет! Красиво и удобно.

– Жози, прекрати!

– Что прекрати?

– Прекрати выдумывать то, чего нет.

– То есть у нее нет белого кружевного балдахина?

– Тебе с твоей фантазией надо романы писать...

– Поклянись, что у нее нет белого кружевного балдахина.

Внезапно его охватил гнев. Он больше видеть ее не мог. Его раздражал ее тон школьной училки, ее вечные попреки, вечные указания, что и как ему делать; раздражала ее сутулая спина, бесформенные и бесцветные шмотки, красное неухоженное лицо, тонкие жидкие волосы. Все в ней было каким-то вымученным и жалким.

– Я лучше уйду, пока этот спор не завел нас слишком далеко!

– К ней идешь, да? Скажи правду, может, хоть на это тебе хватит духу, если ты, лодырь, даже работу не можешь найти!

Все, с него довольно. Гнев стиснул голову обручем, застучал в висках. Он выплевывал слова, словно хотел побыстрее избавиться от них, чтобы уже невозможно было взять их потом назад.

– Ну что ж, да! Я встречаюсь с ней каждый день в половине первого. Она греет мне пиццу, и мы едим вдвоем в ее кровати под белым кружевным балдахином! Потом мы стряхиваем крошки, я расстегиваю ее лифчик – тоже белый и кружевной – и целую везде, везде! Что, довольна? Ты сама меня вынудила, я предупреждал!

– Это ты меня вынудил! Ступай к ней, можешь не возвращаться! Собирай чемодан и уходи! Невелика потеря!

Он с трудом отлип от дверного косяка, повернулся и, как сомнамбула, побрел в спальню. Достал из-под кровати чемодан, положил на покрывало, начал наполнять. Быстро опустошил три отделения для рубашек, три ящика для маек, носков и кальсон, складывая вещи в большой красный чемодан на колесиках, этот символ его бывшего величия, память о работе в американской фирме «Ганмен и К^о», выпускавшей охотничьи ружья. Он десять лет бессменно занимал пост коммерческого директора европейского отдела, сопровождая богатейших людей планеты на охоте – в Африке, в Азии, в Америке, в лесу, в саванне и в пампе. Там сложился прекрасный образ белого человека, загоревшего под южным солнцем, энергичного и остроумного, всегда готового выпить со своими клиентами. Он представлялся «Тонио». Тонио Кортес. Это звучало куда мужественней, чем Антуан. Ему вообще никогда

не нравилось собственное имя – казалось женственным, слащавым. А ведь надо было производить благоприятное впечатление на промышленников, политических деятелей, тщеславных миллиардеров, сынков известных родителей... Он услужливо смешивал им коктейли, выслушивал их истории, вникал в их проблемы, поддакивал, успокаивал, смотрел на заигрывания мужчин и женщин, на проницательные глаза их детей, что постарели прежде, чем выросли, и гордился тем, что вращается в высшем свете, но не принадлежит к нему. «Да что там! Не в деньгах счастье!» – часто повторял он.

У него была отличная зарплата, большая премия в конце года, дорогая страховка и столько свободных дней, что в итоге он отдыхал чуть ли не вдвое больше положенного ему отпуска. Он с удовольствием возвращался в Курбеуа, в свой дом, построенный в восьмидесятые годы для таких, как он, молодых сотрудников, которые еще не заработали себе на достойную жизнь в Париже и пока лишь мечтали перебраться в один из шикарных районов столицы, глядя на огни большого города с другого берега Сены. Город сиял, как большой неоновый пирог, а они издали облизывались на него. Время не пощадило дом, фасад покрылся тонкой сетью трещин, оранжевые ставни выгорели на солнце.

Он никогда не предупреждал семью заранее о своем возвращении из очередного вояжа: просто открывал дверь, на минутку задерживался в прихожей и объявлял о своем прибытии, коротко свистнув, что означало у них: «Я здесь!» Жозефина обычно была погружена в свои исторические книжки, Гортензия бежала к нему и залезала своей ручонкой к нему в карман в поисках подарков, Зоэ хлопала в ладоши. Две девочки в домашних платьицах, одна в розовом, другая в голубом, красавица Гортензия, нахальная, вечно водившая его за нос, и сладкоежка Зоэ, кругленькая, гладенькая. Он наклонялся к ним, обнимал, приговаривая: «Ах, вы мои дорогие! Ах, вы мои дорогие!» Такой у них был ритуал. Порой ему случалось испытать легкий укол совести, когда он вспоминал о другом объятии, накануне... Но стоило сжать малышей покрепче, и воспоминание улетучивалось. Он ставил сумки и всецело отдавался роли героя. Выдумывал охоты и погони, как он прикончил ножом раненого льва, заарканил антилопу, сразил наповал крокодила. Они смотрели на него, раскрыв рты. Только Гортензия волновалась и переспрашивала: «А подарок, папочка? А подарок?»

Но потом в фирме «Ганмен и К^о» сменились хозяева, и его вежливо попросили с работы. Буквально на следующий день. «Вот вам и американская мечта, – объяснял он Жозефине. – В понедельник ты коммерческий директор с кабинетом в три окна, а во вторник ты уже в очереди на бирже труда!» Его уволили с неплохим выходным пособием, которое позволило ему еще некоторое время оплачивать квартиру, обучение детей, их лингвистические стажировки, обслуживание машины и зимние каникулы в горах. К удару судьбы он отнесся философски. Не с ним первым это случилось, но такие сотрудники на дороге не валяются, он работу мигом найдет... Правда, работа тоже на дороге не валялась. И вот, один за другим его бывшие коллеги сдавали позиции, соглашаясь на меньшую зарплату, на менее ответственную должность, на переезд за границу, а он все по-прежнему изучал колонки с объявлениями.

Теперь все его сбережения закончились, и оптимизм постепенно угасал. Тяжелее всего было ночью. Он просыпался часа в три, бесшумно вставал, наливал себе в гостиную виски, включал телевизор. Лежал на диване, тыкал в кнопки на пульте, прихлебывая из стакана. До недавнего времени он считал себя очень сильным, очень мудрым, невероятно проницательным. Подмечая ошибки коллег, ничего не говорил, а только думал про себя: «Ну уж со мной такого бы не случилось! Я-то знаю!» Услышав о смене владельца и грядущих сокращениях, он сказал себе, что десять лет в «Ганмен и К^о» – серьезный стаж, и так просто его не вышвырнут за дверь.

Однако его уволили одним из первых.

Более того, первым. Он в ярости сунул кулак в карман брюк, подкладка треснула с резким звуком, от которого у него аж зубы свело. Он скривился, покачал головой, хотел было снять брюки и отнести жене, но тут вспомнил, что уходит. И чемодан почти собран. Вывернул карманы, оказалось, порвались оба.

Он рухнул на кровать и лежал, тупо разглядывая мыски ботинок.

Поиски работы его удручали; наклеивая марку на конверт с резюме, он становился одним из многих. Он думал об этом в объятиях Милены, рассказывал ей, что в один прекрасный день станет сам себе хозяин, «с его-то опытом». Он знал множество людей, повидал мир, владел английским и испанским, умел вести бухгалтерию, легко переносил жару и холод, пыль и ветер, не боялся moskitov и рептилий. Она слушала. Верила ему. Родители оставили ей кое-какие сбережения, но ему было страшно решиться, хотелось найти более надежного партнера для своей авантюры.

Они познакомились, когда в день рождения Гортензии он привел ее в парикмахерскую. Милену поразило то, с каким апломбом держалась двенадцатилетняя девочка, и она предложила сделать ей маникюр. Гортензия милостиво протянула руки. «Ваша дочь – прямо королевское величество», – сказала она отцу, когда он забирал девочку. С тех пор, когда у нее находилось время, она полировала ногти Гортензии, и та уходила, растопырив пальцы, любуясь своими сверкающими ноготками.

Ему было хорошо с Миленой. Маленькая, подвижная, обворожительная блондинка, к тому же робкая и застенчивая, что придавало ему еще больше уверенности в себе.

Один за другим он снимал с вешалок костюмы, прекрасно пошитые, из отличного материала. Да уж, раньше у него денежки водились. И ему нравилось их тратить.

– И еще будут! – подумал он вслух. – Тебе только сорок лет, дружище! Все еще впереди!

Собрав чемодан, он притворился, что ищет запонки, расшумелся – вдруг Жозефина услышит и прибежит умолять его остаться. Наконец вышел в коридор, встал в дверях кухни. Помедлил, все еще надеясь, что она сделает шаг к примирению... Но она неподвижно стояла к нему спиной. Тогда он объявил:

– Ну вот, все готово. Ухожу.

– Очень хорошо. Ключи можешь оставить себе. Наверняка ты что-нибудь забыл и еще вернешься. Предупреди меня, чтобы я на это время куда-нибудь ушла. Так будет лучше...

– Ты права, ключи я возьму... А что ты скажешь девочкам?

– Не знаю. Я еще об этом не думала.

– Отцу положено участвовать в таких разговорах.

Она выключила воду, оперлась о раковину и, по-прежнему стоя спиной к нему, произнесла:

– Если ты не против, я скажу правду. Мне не хочется лгать им... И без того тяжело.

– И что же ты им скажешь? – обеспокоенно повторил он.

– Правду: у папы больше нет работы, папа неважно себя чувствует, папе надо проветриться, вот папа и ушел...

– Проветриться? – эхом повторил он, слегка успокоившись.

– Вот именно. Так и скажем. Проветриться.

– Это хорошо, «проветриться». Это звучит не слишком безнадежно. Хорошо.

Напрасно он вновь оперся о дверь: тоска охватила его с новой силой, пригвоздила к месту, лишила сил.

– Уходи, Антуан. Нам больше нечего сказать друг другу. Умоляю, уходи!

Она повернулась к нему, показала глазами куда-то на пол. Он посмотрел туда и увидел чемодан на колесиках, о котором совершенно забыл. Значит, все происходит на самом деле и ему пора уходить.

– Ну что ж... до свидания... если ты захочешь увидеть меня...

– Ты позвонишь... или я оставлю записку в парикмахерской. Я думаю, Милена всегда будет знать, как тебя найти?

– Цветы надо два раза в неделю поливать и удобрять...

– Цветы? Да пусть засохнут! У меня и без них теперь полно забот.

– Жозефина, ради бога! Я не могу видеть тебя в таком состоянии... Ну хочешь, я останусь...

Она испепелила его взглядом. Он пожал плечами, взял чемодан и направился к входной двери.

И тогда она зарыдала. Вцепившись руками в раковину, она плакала, плакала, сотрясаясь в рыданиях. Сперва плакала над тем, какую пустоту оставит в ее жизни этот человек, с которым прожито шестнадцать лет, ее первый мужчина, ее единственный мужчина, отец ее дочерей. Потом плакала из-за девочек, они ведь уже не смогут жить спокойно, с папой и мамой, как за каменной стеной. Плакала от страха, что одной ей не управиться. Антуан занимался счетами, налогами, оплатой кредита за квартиру, Антуан выбирал машину, прочищал раковину. На него во всем можно было положиться. Она занималась только домом и образованием дочерей.

Из состояния тупого отчаянья ее вывел телефонный звонок. Она шмыгнула носом, сглотнула слезы, подняла трубку.

– Это ты, дорогая?

Звонила Ирис, ее старшая сестра. Она всегда говорила бодрым, радостным голосом, будто объявляла по радио о скидках в супермаркете. Ирис Дюпен, сорока четырех лет, была высокой, стройной брюнеткой, ее длинные волосы, которые она носила распущенными, ниспадали ей на плечи, словно фата невесты. Ее называли Ирис за синеву глаз, напоминавших бездонные озера. В детстве ее частенько останавливали на улице. «Господи, боже мой!» – повторяли люди, восторгаясь глубиной ее темных, почти фиолетовых глаз, в которых плясали золотые искорки. «Немыслимо! Посмотри, дорогая! Я никогда не видел подобных глаз!» Ирис позволяла им любоваться собой, а потом, довольная, пресытившись их восторгами, хватала сестрицу за руку и тащила ее прочь, ворча сквозь зубы: «Вот болваны деревенские! Вообще ничего в жизни не видели! Анадо путешествовать! Путешествовать надо, ребята!» Последняя фраза ужасно веселила Жозефину, она изображала вертолет, вертелась на месте, раскинув руки, и громко хохотала.

В свое время Ирис во всем задавала тон, с легкостью получала любые дипломы, влюбляла в себя всех молодых людей вокруг. Ирис не жила, не дышала – Ирис царила.

В двадцать лет она уехала учиться в Штаты, в Нью-Йорк. Поступила на кинематографическое отделение Колумбийского университета, проучилась там шесть лет и закончила первой на курсе, получив возможность снять тридцатиминутный короткометражный фильм. Ежегодно двум лучшим выпускникам предоставлялись гранты на съемку фильма. Второй лауреат, молодой венгр, мрачный волосатый гигант, воспользовался церемонией, чтобы поцеловать ее за кулисами. Эта история осталась в анналах семьи. Имя Ирис могло прогреметь на голливудских холмах, но вдруг, неожиданно для всех она вышла замуж. Ей только исполнилось тридцать, она вернулась из Америки, удостоенная премии фестиваля «Санденс», собиралась снимать полнометражный фильм, которому сулили большой успех... Продюсер дал принципиальное согласие и... Ирис отказалась. Без всяких объяснений – оправдываться было не в ее правилах. Просто вернулась во Францию и вышла замуж.

Вот она в подвенечном уборе, перед мэром и кюре. На ее бракосочетании зал мэрии был переполнен. Пришлось ставить дополнительные стулья, некоторые гости притулились на подоконниках. Затаив дыхание, все ждали, что в последний момент она сорвет с себя белое платье и, представ обнаженной перед толпой, воскликнет: «Это была шутка!» Как в кино.

Ничего подобного не произошло.

Она казалась влюбленной по уши. Избранник, некий Филипп Дюпен, в черном фраке, что-то мурлыкал себе под нос. «Кто это, кто это?» – спрашивали приглашенные, беззастенчиво разглядывая незнакомца. Ирис рассказала, что они познакомились в самолете и это была «love at first sight»¹. Красавиц мужчина этот Филипп Дюпен. Один из самых красивых мужчин на свете, если судить по тому, как на него смотрели женщины! Он возвышался над толпой друзей невесты – непринужденный, чуть высокомерный, ироничный. «А чем он занимается? Бизнесмен... И что это они так спешат? Думаешь, есть причина?...» Не располагая точной информацией, гости всюду чесали языками. Отец и мать новобрачного присутствовали на церемонии с тем же слегка высокомерным выражением на лицах, что и у их сына: угадывался мезальянс. Гости разошлись по домам с каким-то неприятным осадком в душе. Ирис уже никого не воодушевляла. Она стала ужасающе нормальной, что с ее стороны было верхом безвкусицы. Некоторые вообще перестали с ней общаться. Королева пала, корона покатилась по земле.

Ирис заявила, что ей на эти глупости наплевать, и решила целиком посвятить себя мужу.

Филипп Дюпен был невероятно, болезненно самоуверен. Он открыл собственное агентство по оказанию услуг в области международного коммерческого права, затем наладил партнерские отношения с видными юристами Парижа, Милана, Нью-Йорка и Лондона. Этот ловкий адвокат-крюкотвор брался только за самые безнадежные дела. Он добился успеха и искренне удивлялся, почему это удастся не всем. Девиз его был краток: «Если хочешь – сможешь». Он торжественно возглашал его, утопая в удобном кожаном кресле, потирал руки, похрустывал костяшками пальцев и глядел на собеседника так, словно изрек высшую истину.

Под его влиянием Ирис вычеркнула из своего лексикона такие слова, как сомнение, тревога, колебание. Ирис сама стала восторженной и категоричной. Ребенок слушался и отлично учился, муж зарабатывал деньги и содержал семью, жена занималась домом и была достойной парой супругу. Ирис оставалась красивой, бодрой, привлекательной, ходила на массаж, бегала трусцой, посещала косметолога, играла в теннис. Конечно, она не работала, но «есть женщины, которые не знают куда себя деть, тогда как другие умеют себя занять. Праздность – это целое искусство» – утверждала она. Себя она, конечно, причисляла к последним, а откровенных бездельниц глубоко презирала.

Видно, я на другой планете живу, думала Жозефина, слушая болтовню сестры, которая на этот раз завела речь об их матери.

Раз в две недели, по вторникам, на ужин к Ирис приходила мадам Мать, и главу семьи надо было принимать должным образом. На семейных ужинах полагалось улыбаться и выглядеть счастливыми. Естественно, Антуан всеми силами старался избегать этих сборищ и каждый раз выдумывал благовидный предлог, чтобы не прийти. Он не переносил ни Филиппа Дюпена, который в разговоре с ним расшифровывал все аббревиатуры: «КБО, комиссия по банковским операциям, Антуан», ни Ирис, которая смотрела на него, как на прилипшую к туфельке жвачку. «Когда она здороваается со мной, – жаловался он, – она как будто вытесняет меня своей улыбкой, словно хочет вышвырнуть в другое измерение!» Ирис и впрямь ни в грош не ставила Антуана. «Напомни мне, куда устроился в итоге твой муж?» – это была ее любимая фраза, в ответ на которую Жозефина, запинаясь, бормотала: «Да пока никуда, по-прежнему никуда». – «А-а, ну ясно... так ничего и не решилось! – вздыхала Ирис. – Да и как оно решится: столько претензий при таких ограниченных возможностях!» Сколько же в ней все-таки фальши, подумала Жозефина, зажимая трубку между ухом и пле-

¹ Любовь с первого взгляда (англ.).

чом. Если Ирис чувствует к кому-то симпатию, то лезет в медицинский справочник – проверить, не заболела ли.

– Что-то случилось? У тебя странный голос... – между тем спросила ее Ирис.

– У меня насморк...

– Надо же, а я подумала... Так вот, насчет завтрашнего вечера... Ты про ужин с матерью не забыла?

– Что, уже завтра?

Она совершенно забыла об этом

– Ну, дорогая, что у тебя с головой?

Если б ты знала, подумала Жозефина, ища глазами носовой платок.

– Вернись в наше время, оставь ты своих трубадуров! Ты слишком рассеянна. С мужем придешь, или он опять нашел способ испариться?

Жозефина грустно улыбнулась. Назовем это как угодно: испариться, проветриться, развеемся, растаять как дым. Антуан постепенно превращался в летучую субстанцию.

– Он не придет...

– Понятно, придется придумывать новое оправдание для матери. Ты знаешь, что она не одобряет его вечные увертки...

– Вот уж на это мне глубоко наплевать!

– Доброта тебя погубит! Я бы уже давно выставила его за дверь. Ну да ладно, тебя не переделаешь, бедная моя девочка.

Ну вот, теперь начнет жалеть. Жозефина вздохнула. Ссамого детства она была малышкой Жози, гадким утенком и большой умницей. Жози любила длинные запутанные тексты, сложные ученые слова, подолгу засиживалась в библиотеке среди таких же зануд, прыщавых и неказистых. Жози отлично сдавала экзамены, но не умела красить глаза. Как-то раз, спускаясь по лестнице, Жози вывихнула лодыжку, потому что на ходу читала «О духе законов» Монтескье, в другой раз включила тостер, стоявший в раковине под струей воды, увлекшись радиопередачей о цветущих сакурах в Токио. Жози ночью долго не гасила свет в своей комнате, склонившись над тетрадями, пока ее сестра выходила в свет, блистала и пленяла. Ирис здесь – Ирис там, ну прямо как Фигаро!

Когда Жозефина поступила на отделение классической филологии, мать спросила, чем она собирается впоследствии заниматься. «Куда это приведет тебя, бедная моя девочка? В какой-нибудь лицей на окраине Парижа, где над тобой все будут потешаться? А потом изнасилуют тебя на крышке мусорного бака?» А когда она продолжила научную деятельность, защитила диссертацию и стала публиковаться в серьезных научных журналах, мать по-прежнему встречала ее недоуменными взглядами и скептическими замечаниями. «Экономический подъем и социальное развитие во Франции XI–XII веков» – деточка, ну кого это волнует? Лучше бы написала завлекательную биографию Ричарда Львиное Сердце или Филиппа Августа, людям это интересно! Из нее можно сделать фильм, а то и сериал! Хоть какая-то польза была бы от этой твоей учебы, ведь сколько лет я оплачивала ее, не жалея сил! – шипела она, как гадюка, негодующая, что детеныш ее слишком медленно ползет, потом пожимала плечами, вздыхала: – И как только я могла произвести на свет такую дочь?» Этот вопрос издавна мучил мадам Мать, буквально с первых шагов Жозефины. Ее муж, Люсьен Плисонье, обычно отвечал на это: «Аист ошибся капустным кочном». Видя, что его шутки никого не смешат, он в конце концов замолчал. Окончательно и бесповоротно. Однажды вечером 13 июля он, поднеся руку к груди, едва успел произнести: «Рановато еще лютовать-салютовать»², – и испустил дух. Жозефине было десять, Ирис – четырнадцать. Похороны были великолепны, мадам Мать – величественна. Она продумала все до мельчай-

² 14 июля во Франции отмечается национальный праздник – День взятия Бастилии. (Здесь и далее прим. перев.)

ших деталей: белые крупные цветы, брошенные на гроб, «Реквием» Моцарта, речи, заранее написанные для каждого члена семьи. Анриетта Плисонье надела точно такую же траурную вуаль, в какой хоронила мужа Джеки Кеннеди, и велела девочкам поцеловать гроб, перед тем как его опустят в могилу.

Жозефина и сама недоумевала, как могла девять месяцев провести в утробе этой женщины, считавшейся ее матерью.

Получив место в Центре научных исследований, куда приняли троих из ста двадцати трех соискателей, она радостно устремила к телефону, чтобы сообщить новость матери и Ирис, но ей пришлось повторить ее несколько раз, проорать во все горло, потому что ни та, ни другая не понимали причины ее воодушевления. Центр научных исследований? Как ее туда занесло?

Пришлось смириться: она их не интересовала. У нее еще оставались некоторые сомнения на этот счет, но в тот день они рассеялись. Единственное, что их развеселило, так это известие о ее свадьбе с Антуаном. Замужество делало ее более доступной для их понимания. Она наконец вышла из образа маленького нелепого гения и стала обычной женщиной, способной увлечься, зачать ребенка, свить гнездо.

Впрочем мадам Мать и Ирис очень скоро разочаровались: Антуан оказался ни на что не годен. Слишком ровный пробор – никакого шарма, слишком короткие носки – никакого стиля, слишком маленькая зарплата и к тому же сомнительного происхождения – торговля ружьями, какой позор! А главное, он так робел перед родственниками жены, что в их присутствии начинал обильно потеть. И потел так основательно, что у него не просто появлялись под мышками темные круги, а промокала вся рубашка, да так, что хоть отжимай. Недостаток слишком уж очевидный, приводивший всех в замешательство. Ему приходилось выскальзывать из гостиной, чтобы привести себя в порядок. Но главное, такое случалось с ним только в компании родственников жены. Никогда он не потел на работе. Никогда. «Ты просто привык быть на свежем воздухе, – пыталась объяснить Жозефина, протягивая ему чистую рубашку, которую брала с собой на все семейные сборища. – Ты никогда бы не смог работать в конторе!»

Жозефине вдруг стало безумно жаль Антуана, и она, позабыв, что собиралась держать язык за зубами, решила все рассказать Ирис.

– Я выставила его вон! Ох, Ирис, что теперь с нами будет?

– Ты выгнала Антуана? Нет, серьезно?

– Я больше не могла это терпеть. Он славный, ему было тяжело, это правда, но... мне было невыносимо смотреть, как он целыми днями ничего не делает. Возможно, мне не хватило стойкости...

– Это единственная причина? Или ты что-то скрываешь от меня?

Ирис понизила голос. Она заговорила участливым тоном, который использовала, когда хотела выудить из сестры признание. Жозефине ничего не удавалось скрыть от Ирис, ни одной своей беглой мысли, все почему-то выходило наружу. Более того, Жозефина сама доверяла сестре свои секреты, чтобы привлечь ее внимание и добиться ее любви.

– Ты не представляешь, каково жить с безработным мужем... Тружусь не покладая рук, и мне же еще за это перед ним неудобно. Работаю втихаря на кухне, между чистой картошки и мытьем кастрюль.

Она посмотрела на кухонный стол и подумала, что надо бы его освободить, скоро девочки придут из школы, а им и пообедать негде. Она давно просчитала, что обеды дома обходились дешевле, чем в школьной столовой.

– Я думала, за целый год ты уже привыкла.

– Какая ты злая!

– Прости, милая. Но ты правильно поступила. Сколько можно его защищать? И что ты теперь будешь делать?

– Понятия не имею. Буду продолжать работать, конечно, но надо найти что-нибудь еще... Уроки французского, грамматики, орфографии, ну не знаю, я...

– Найти будет нетрудно, сейчас столько лентяев развелось! Взять хотя бы твоего племянника... Александр пришел из школы с нулем за сочинение. Ноль! Ты можешь себе представить лицо его отца! Я думала, он лопнет от злости!

Жозефина не могла сдержать улыбку. Великолепный Филипп Дюпен, отец лентяя!

– У них в школе учительница снимает по три балла за каждую ошибку, она с ними не церемонится!

Александр, единственному ребенку Филиппа и Ирис Дюпен, было десять, как Зоэ. Они вечно прятались вдвоем под столом и о чем-то сосредоточенно шептались с самым серьезным видом, или же убегали подальше от взрослых, чтобы спокойно строить гигантские сооружения из конструктора. У них была целая система подмигиваний и тайных знаков, настоящий язык, который страшно раздражал Ирис. Она пугала сына отслоением сетчатки, говорила, что он вообще станет дебилом. «У моего сына скоро начнется тик, он совсем отупеет, и все из-за твоей дочки!» – предрекала она, тыча пальцем в Зоэ.

– Девочки в курсе?

– Пока нет...

– И как ты им это объяснишь?

Жозефина молчала, корябая ногтем край пластикового стола. Она скатала из грязи маленький черный шарик и отбросила его в сторону.

Ирис не унималась, она опять сменила тон и теперь говорила нежным, обволакивающим голосом, от которого Жозефина совсем расклеилась и ей снова захотелось плакать.

– Я с тобой, моя дорогая, ты ведь знаешь, я всегда с тобой, я тебя никогда не оставляю. Я люблю тебя, как себя, а это ой как немало!

Жозефина чуть не рассмеялась. Ирис умеет развеселить! Раньше они частенько хохотали до упаду, но потом сестра вышла замуж, стала важной, серьезной дамой. И как они с Филиппом живут? Ни разу она не видела, чтобы Ирис с мужем расслабились, или обменялись нежными взглядами, или поцеловались. Словно у них не жизнь, а бесконечный раут.

Тут раздался звонок в дверь, и Жозефина прервала разговор:

– Это, наверное, девочки... Все, пока, и умоляю, никому ни слова! Я не хочу, чтобы завтра все только меня и обсуждали!

– Хорошо, до завтра. Помнишь? Крюк хотел схрумкать Крика и Крока, а Крик и Крок схрыпали Крюка!

Жозефина положила трубку, вытерла руки, сняла передник, вынула из волос карандаш, немножко их распушила и побежала открывать. Гортензия ворвалась в прихожую, не поздоровавшись с матерью, даже не взглянув на нее.

– Папа дома? У меня семнадцать баллов за сочинение. Да еще у этой дуры мадам Руффон.

– Гортензия, прошу тебя, повежливее! Это все-таки твоя учительница французского.

– Ага, настоящая свинья!

Юная девица не бросилась целовать маму и не устремилась в кухню за кусочком хлеба. Она не швырнула вещи на пол, а положила портфель и повесила пальто с изяществом юной графини на первом балу.

– Ты не хочешь поцеловать маму? – спросила Жозефина и расстроилась, услышав в своем голосе умоляющие нотки.

Гортензия подставила ей свою нежную щечку, тряхнув тяжелой копной темно-каштановых волос – душно.

– Там такая жара! Тропическая, как сказал бы папа.

– Солнышко, хоть раз в жизни поцелуй меня сама, – позабыв про гордость, взмолилась Жозефина.

– Мам, ты знаешь, я не люблю, когда ты ко мне так липнешь.

Она коснулась губами материнской щеки и тут же спросила:

– А что у нас на обед?

Дочь подошла к плите и заглянула под крышку кастрюли. В четырнадцать лет она уже и выглядела, и держалась, как маленькая женщина. Одевалась довольно просто, но, подвернув рукава рубашки, застегнув воротничок, приколов брошь и затянув на талии широкий пояс, даже школьную форму легко превращала в наряд с картинки модного журнала. Ее отливающие медью волосы подчеркивали белизну кожи, большие зеленые глаза всегда смотрели чуть удивленно и презрительно, вынуждая всех соблюдать дистанцию. Именно это слово – дистанция – подходило Гортензии как нельзя лучше. «И откуда в ней столько надменности? – всякий раз спрашивала себя Жозефина, глядя на дочь. – Уж точно не от меня. Я рядом с ней такая простофиля!»

«Она будто отгородилась колючей проволокой!» – подумала Жозефина, целуя дочь, и тут же осудила себя за такие мысли, поцеловала Гортензию еще раз, а та, упрямый подросток, раздраженно высвободилась.

– Жареная картошка и яичница...

Гортензия сморщила нос:

– Не особенно диетическая пища. Ты не поджарила отбивные?

– Нет, я... Детка, я не ходила в магазин...

– Понимаю. У нас мало денег, а мясо дорого стоит.

– Видишь ли...

Жозефина не успела закончить фразу: в кухню влетела младшая и бросилась ее обнимать.

– Мамочка! Мамочка моя родная! Я встретила на лестнице Макса Бартийе, и он позвал меня к себе смотреть «Питера Пэна»! У него есть DVD! Ему отец подарил! Можно я пойду? У меня нет на завтра заданий. Пожалуйста, мамочка, пожалуйста!

Зоэ снизу вверх умоляюще смотрела на мать, в ее глазах было столько любви и доверия, что Жозефина не смогла устоять и прижала ее к себе:

– Ну конечно, конечно, радость моя, малышка моя, красавица...

– Макс Бартийе? – присвистнула Гортензия. – Ты отпускаешь ее к нему домой? Да он мой ровесник, а учится в классе Зоэ! Он все время остается на второй год! В лучшем случае станет мясником или сантехником!

– В профессиях сантехника и мясника нет ничего постыдного. Может, учеба ему не дается...

– Не желаю, чтоб он вокруг нас отирался! Вдруг это узнают в школе! У него кошмарная репутация: носит широкие штаны с клепаными ремнями и длинные волосы еще отпустил!

– Ага, трусиха, трусиха! – завопила Зоэ. – И вообще, он меня пригласил, а не тебя! Я пойду, ну пожалуйста, мамочка, скажи, что можно! Ну и пускай сантехник, мне плевать! Зато красивый! А что у нас на обед? Я умираю с голоду.

– Жареная картошка и яичница.

– Класс! Мам, а можно я желтки проткну? Можно, я их вилкой раздавлю и сверху кетчупом полью?

Гортензия пожала плечами, не одобряя энтузиазма сестренки. Десятилетняя Зоэ была еще совершеннейшим ребенком: круглые щеки, пухленькие ручки, веснушки на носу, ямочки на щеках. Она была кругленькой, как шарик, обожала звонко всех целовать, со стре-

мительностью регбиста налетала на счастливого адресата своих ласк, а потом тесно прижималась к нему и мурлыкала кошечкой, накручивая на палец прядь светло-каштановых волос.

– Макс Бартийе тебя пригласил, потому что хочет добраться до меня, – заявила Гортензия, надкусывая белоснежными зубками ломтик картофеля.

– Ах ты врушка! Тоже мне, пуп земли! Он меня пригласил, меня, и только меня! Что, съела? Он даже не заметил тебя на лестнице! Вообще не посмотрел.

– От наивности до глупости один шаг, – ответила Гортензия, меряя сестру взглядом.

– Это что значит, мама, скажи!

– Это значит, что вы сейчас прекратите болтать и спокойно поедите!

– А ты почему не ешь? – спросила Гортензия.

– Я не голодна, – ответила Жозефина, садясь с девочками за стол.

– Макс Бартийе может даже не мечтать, – сказала Гортензия. – Ему ничего не светит. Мне нужен человек красивый, сильный, сексуальный, как Марлон Брандо...

– Кто такой Марлон Брандо, мам?

– Это знаменитый американский актер, малышка.

– Марлон Брандо! Он прекрасен, как же он прекрасен! Он играл в фильме «Трамвай «Желание», меня папа водил на этот фильм. Папа говорит, что это великое кино!

– Супер! Какую ты вкусную картошечку приготовила, мамочка!

– А правда, что это папы нет? Он пошел на собеседование? – забеспокоилась Гортензия, вытирая губы салфеткой.

Момент, которого боялась Жозефина, наступил. Она встретила вопрошающий взгляд старшей дочери, перевела глаза на склоненную головку Зоэ, которая увлеченно обмакивала картошку в яичный желток, политый кетчупом. Придется объяснять. Откладывать или врать бесполезно. Они все равно узнают правду. Может, поговорить с каждой наедине? Гортензия так привязана к отцу, она его считает таким «шикарным», таким «классным», а он готов достать луну с неба, чтобы ей угодить. Он запрещал говорить при детях о финансовых проблемах и неуверенности в завтрашнем дне. И в первую очередь беспокоился не о Зоэ, а о своей старшей дочери. Их безоглядная любовь – все, что у него осталось от прежней роскоши. Гортензия помогала папе разбирать чемоданы, когда он возвращался из путешествия, нежно гладила дорогую ткань костюмов, восхищалась качеством рубашек, расправляла галстуки и аккуратно вешала их в шкаф. Ты такой красивый, папочка! Ты такой красивый! Он наслаждался ее обожанием и комплиментами, радостно обнимал ее и дарил маленькие подарки по секрету от всех. Они часто шушукались, как заговорщики. В их тайном сообществе Жозефина чувствовала себя лишней. Их семья делилась на две касты: сеньоры – Антуан с Гортензией и вассалы – она и Зоэ.

Отступать было некуда. Взгляд Гортензии стал холодным, тяжелым. Она ждала ответа на свой вопрос.

– Он ушел...

– А когда вернется?

– Он не вернется... Во всяком случае, вернется не сюда.

Зоэ подняла голову, и Жозефина прочла в ее глазах, что она пытается понять мамины слова, но у нее не получается.

– Он что... насовсем ушел? – спросила Зоэ, от изумления разинув рот.

– Боюсь, что да.

– И он больше не будет моим папой?

– Конечно, будет! Но просто не будет жить здесь, с нами.

Жозефина так боялась, так боялась. Она могла точно указать в организме место, в котором сидел страх, измерить толщину и диаметр кольца, которое сдавило ей грудь и мешало дышать. Ей так хотелось спрятаться в объятиях дочек. Слиться с ними воедино и произне-

сти магическую фразу – вроде той, про Крока и Крика. Она бы все отдала, чтобы отмотать назад пленку своей жизни, вновь услышать мелодию счастья: вот у них первый ребенок, вот второй, вот они впервые едут на каникулы вчетвером, впервые ссорятся, впервые мирятся, впервые молчат, поначалу молчат с вызовом, потом просто потому, что нечего сказать, а лгать не хочется; ей хотелось понять, когда сломалась пружина, когда милый мальчик, за которого она выходила замуж, превратился в Тонио Кортеса, усталого, раздражительного, безработного мужа; остановить время и вернуться назад, назад...

Зоэ заплакала. Ее лицо напряглось, сморщилось, покраснело, и слезы хлынули ручьем. Жозефина склонилась над ней, обняла. Спрятала лицо в мягкие кудри девочки. Главное самой не заплакать. Ей нужно быть сильной и уверенной. Ей нужно показать им обеим, что она не боится и может их защитить. Начала говорить, и голос не дрогнул. Она повторила им все то, что в книгах по психологии рекомендуется говорить детям при разводе. Папа любит маму, мама любит папу, папа и мама любят Гортензию и Зоэ, но у папы и мамы больше не получается жить вместе, и поэтому папа с мамой разводятся. Но папа все равно будет любить Гортензию и Зоэ и всегда будет с ними, всегда. Ей показалось, что она рассказывает о каких-то незнакомых людях.

– Думаю, он далеко не уйдет, – объявила Гортензия сдавленным голосом, – не мог же он так низко пасть! Сам, наверное, растерян, не знает, что делать!

Она вздохнула, отложила вилку с недоеденным ломтиком картошки, и, повернувшись к матери, добавила:

– Бедная моя мамочка, что же ты будешь делать?

Жозефина вдруг почувствовала себя жалкой, но, с другой стороны, ощутила некоторое облегчение: все-таки старшая дочь сочувствует ей, понимает. Хорошо бы Гортензия сказала что-нибудь еще, утешила ее, но она тут же себя одернула – это девочек надо утешать. И протянула ей руку через стол.

– Бедная мама, бедная мама! – вздохнула Гортензия, погладив ее руку.

– Вы поругались? – спросила Зоэ, с испугом взглянув на мать.

– Нет, дорогая, мы приняли осознанное решение, как взрослые люди. Папа, конечно, очень огорчился, потому что любит вас сильно-сильно. Он не виноват, так уж получилось. Когда-нибудь ты вырастешь и поймешь, что не все люди живут, как им хочется. Иногда им надо бы решиться, а они терпят. Папа давно уже терпит всякие неприятности, поэтому он предпочел уйти, чтобы проветриться, развеяться и не навязывать нам свое плохое настроение. Вот найдет работу и объяснит вам, что с ним творилось, через какой кошмар он прошел...

– А тогда он вернется, мам, вернется?

– Не говори глупости, Зоэ, – перебила ее Гортензия. – Папа ушел раз и навсегда. И, если хочешь знать мое мнение, он не намерен возвращаться. Я не понимаю... Все из-за этой дряни, конечно!

Она с отвращением выплюнула это слово, и Жозефина поняла, что Гортензия все знает. Знает о любовнице отца. И узнала гораздо раньше матери. Жозефине захотелось поговорить с ней, но при Зоэ не стоило этого делать, и она сдержалась.

– Беда в том, что мы теперь бедны. Я надеюсь, он будет давать нам немного денег? Вроде по закону обязан, да?

– Погоди, Гортензия... Мы еще об этом не говорили.

Она осеклась, понимая, что Зоэ не должна слышать продолжение.

– Тебе надо высморкаться, любимая, и умыть личико, – посоветовала она Зоэ, спуская девочку с колен и легонько подталкивая к двери.

Зоэ шмыгнула носом и вышла, шаркая ногами.

– Откуда ты знаешь? – спросила Жозефина Гортензию.

– Что знаю?

– Про ту... женщину.

– Ну, мам! Вся улица знает! Мне даже было неудобно за тебя! Я удивлялась, как это ты умудряешься ничего не замечать...

– Я знала, но закрывала глаза...

Это была неправда. Она узнала обо всем лишь накануне, от своей соседки по лестничной площадке, Ширли, которая высказалась в том же духе, что и дочь: «Жозефина, проснись, черт подери! Муж давно налево ходит, а ей хоть бы хны! Разуи глаза! Продавщица в булочной, и та давится от смеха, когда протягивает тебе батон!»

– А кто тебе сказал?

Гортензия испепелила ее взглядом. Ледяным, презрительным взглядом. Так смотрит женщина знающая на ту, что пребывает в неведении, так смотрит опытная куртизанка на маленькую простушку.

– Бедная моя мамочка, очнись наконец! Ну погляди, как ты одеваешься? Что у тебя на голове? Ты совершенно себя запустила. Ничего удивительного, что он пошел на сторону! Тебе давно пора выбраться из этого твоего средневековья и начать жить в нашу эпоху.

Тот же тон, то же насмешливое презрение, те же доводы, что у отца. Жозефина прикрыла глаза, зажала ладонями уши и завопила:

– Гортензия! Я запрещаю тебе так со мной разговаривать! Если мы в последнее время что-нибудь едим, то только благодаря мне и моему двенадцатому веку! Нравится тебе это или нет! И я запрещаю тебе так смотреть на меня! Я твоя мать, не забывай этого никогда, поняла, я твоя мать! И ты должна... Ты не должна... Ты должна меня уважать!

Она выглядела смешно и жалко. Страх сдавил ее горло: у нее не получается воспитывать дочерей, она для них не авторитет, она безнадежно устарела.

Открыв глаза, она увидела, что Гортензия смотрит на нее с любопытством, словно впервые видит, и то, что читалось в глубине этих удивленных глаз, еще больше расстроило Жозефину. Она пожалела, что не сдержалась. «Вечно я все путаю, – подумала она, – это ведь я должна показывать им пример, других ориентиров у них не осталось».

– Прости, малыш.

– Ничего, мам, ничего страшного. Ты устала, нервы на пределе. Иди полежи, тебе станет лучше.

– Спасибо, милая, спасибо... Посмотрю, как там Зоз.

Покормив дочерей и отправив их обратно в школу, Жозефина постучалась к соседке Ширли. Она уже начала томиться одиночеством.

Ей открыл сын Ширли, Гэри. Он был на год старше Гортензии, хоть и учился с ней в одном классе. Она отказывалась возвращаться вместе с ним из школы, называя его ужасным неряхой, а если пропускала занятия, предпочитала не делать уроки вообще, лишь бы не узнавать у Гэри задания и ничем не быть ему обязанной.

– Ты не в школе? Гортензия уже ушла.

– У нас разные факультативы, я по понедельникам хожу к половине третьего... Хочешь посмотреть на мое новое изобретение? Вот, гляди!

Он продемонстрировал ей два «тампакса», раскрутив их так, что их веревочки не переплетались. Странно: каждый раз, когда один тампон приближался к другому и беленькие ниточки вроде должны были переплестись, он останавливался, а потом начинал раскачиваться, крутиться вокруг своей оси, сперва описывая маленькие круги, затем круги побольше, а Гэри при этом даже не шевелил пальцами. Жозефина с удивлением смотрела на него.

– Я изобрел экологически чистый вечный двигатель.

– Похоже на игру в диаволо, – произнесла Жозефина, чтобы хоть что-то сказать. – А мама дома?

– На кухне. Убирается...

– А ты ей не помогаешь?

– Она не хочет, ей больше нравится, когда я изобретаю всякие штуки.

– А, ну удачи, Гэри!

– Ты даже не спросила, как у меня так получается!

Он явно был разочарован, и «тампаксы» в его руках укоряли ее, как два больших восклицательных знака.

– Да ну тебя...

На кухне Ширли хлопотала по хозяйству. В длинном фартуке, она собирала со стола тарелки, скидывала остатки еды в мусорное ведро, ставила посуду в раковину, а на плите, в больших чугунных кастрюлях уже что-то бурлило – судя по восхитительным запахам, тушеный кролик с горчицей и овощной суп. Ширли признавала только натуральные и свежие продукты. Она не употребляла в пищу никаких консервов, никаких замороженных продуктов, внимательно читала этикетки на йогуртах и разрешала Гэри съедать лишь один «химический» продукт в неделю, для поддержания его иммунитета к опасностям современного питания. Она стирала белье руками, натуральным марсельским мылом, сушила его, раскладывая на больших полотенцах, почти никогда не смотрела телевизор, каждый день после обеда слушала Би-би-си – единственную, на ее взгляд, радиостанцию для умных людей. Это была высокая, широкоплечая блондинка с густыми, коротко стриженными волосами, большими золотистыми глазами, и нежной, как у ребенка, кожей, слегка тронутой загаром. Со спины ее принимали за мужчину и толкали, а, встретившись лицом к лицу, почтительно уступали дорогу. «Я полупарень, полувамп, – усмехалась Ширли, – могу в метро уложить нахала ударом кулака, а потом реанимировать, помахав над ним ресницами!» У нее был черный пояс по джиу-джитсу.

Она рассказывала, что родилась в Шотландии, во Францию приехала учиться гостиничному делу и решила остаться навсегда. Ах, этот французский шарм! Она зарабатывала на жизнь уроками пения в консерватории Курбеуа, преподавала английский честолюбивым молодым менеджерам, пекла изумительные пироги, которые продавала по пятнадцать евро за штуку в один ресторанчик в Нейи – они заказывали десяток в неделю. А иногда и больше. Ширли готовила прекрасно, лук у нее всегда получался золотистым, тесто – пышным, шоколад – нежным, карамель – прозрачной, овощи – сочными, а цыпленок – самым аппетитным на свете. Она в одиночку воспитывала сына Гэри, никогда ничего не рассказывала о его отце, а на все намеки бурчала себе под нос что-то очень нелестное о мужчинах вообще и об этом в частности.

– Ты знаешь, с чем играет твой сын, Ширли?

– Нет...

– С двумя «тампаксами»!

– Он хотя бы в рот их не берет?

– Нет.

– Вот и отлично. По крайней мере, не растеряется, когда девушка сунет ему под нос что-нибудь подобное.

– Ширли!

– Жозефина, что ты так волнуешься? Ему пятнадцать лет, он давно не ребенок!

– Если ты будешь ему все рассказывать, показывать и объяснять, для него в жизни не останется никакой поэзии.

– Поэзия, ну ее в задницу! Эту штуку придумали, чтобы морочить людям голову. Ты вот видела когда-нибудь поэтические отношения? Мне попадались только ложь да грязь.

– Суровая ты, Ширли!

– А ты, Жозефина, просто опасна для общества с твоими иллюзиями... Ну, как у тебя дела?

– Мне сегодня с самого утра кажется, что я лечу куда-то на бешеной скорости. Антуан ушел. То есть я сама его выгнала. Рассказала сестре, рассказала девочкам! Боже мой! Ширли, я, видимо, совершила большую глупость.

Она обхватила плечи руками, будто замерзла, хотя на улице был жаркий майский день. Ширли подвинула ей стул и жестом велела сесть.

– Ты не первая покинутая женщина в двадцать первом веке. Нас столько, что и не сосчитать! И, представь себе, мы очень даже неплохо выживаем. Сначала действительно трудно, а потом одиночество становится необходимостью. Мы выгоняем самца из гнезда, как только он нас осеменит, все как в животном мире. Это истинное наслаждение! Вот я, к примеру, иногда устраиваю романтический ужин при свечах, для себя самой...

– Я в таком состоянии...

– Да уж вижу. Давай рассказывай все по порядку. Это давно должно было случиться. Гэри, тебе пора в школу, ты зубы почистил? Ох, все всё знали, кроме тебя. Даже неприлично!

– То же самое мне сказала Гортензия... Ты представляешь? Моя четырнадцатилетняя дочь знала то, о чем я и понятия не имела! Меня, наверное, считали не просто обманутой женой, но и тупицей вдобавок! Но, скажу я тебе, теперь мне на это плевать, и я думаю, может быть, было бы лучше так ничего и не знать...

– Злишься, что я об этом заговорила?

Жозефина посмотрела на подругу, на ее чистое, нежное лицо с крохотными веснушками на коротком, слегка вздернутом носу, и миндалевидными глазами медового цвета – и медленно покачала головой.

– Ну как я могу на тебя обижаться! Ты ведь бесхитростна как дитя. Ты самая лучшая в мире. А эта девица, Милена, тут вообще ни при чем! Если бы его не уволили, он бы на нее даже и не взглянул. Но теперь, понимаешь... то, что произошло с ним на работе – в сорок лет оказаться на обочине жизни – это невыносимо, бесчеловечно...

– Кончай, Жози. Ну вот, ты опять размякла. Сейчас окажется, что во всем виновата ты!

– Во всяком случае, я же его выгнала. И, наверное, зря. Я бы должна была проявить больше терпения, понимания...

– Жози, ты все путаешь. Так и должно было случиться. Куда лучше покончить с этим прежде, чем вы возненавидите друг друга! Давай, приходи в себя! Chin up!³

Жозефина опять покачала головой, не в силах произнести ни слова.

– Вы только посмотрите на эту исключительную женщину! Она готова умереть со страху, оттого что ее бросил муж! Вперед, чашечка кофе, плитка шоколада, и жизнь покажется милей.

– Не думаю, Ширли. Мне так страшно! Что с нами будет? Я никогда не жила одна. Никогда! У меня ничего не выйдет. А девочки? Ведь мне теперь нужно воспитывать их одной, без отца. А я для них вообще не авторитет.

Ширли замерла на мгновение, потом подошла к подруге, взяла ее за плечи и, глядя ей прямо в глаза, спросила:

– Жози, скажи мне, что именно тебя пугает? Когда страшно, надо уметь взглянуть своему страху в лицо и назвать его по имени. Иначе он раздавит тебя, унесет мутной волной...

– Нет, не сейчас! Оставь меня... Не хочу думать.

– Сейчас. Скажи мне, чего ты боишься...

– Кто-то что-то говорил про кофе и шоколад?

³ Выше голову! (англ.)

Ширли улыбнулась и подошла к кофемашине.

– О'кей. Но ты так легко не отделаешься.

– Ширли, а какой у тебя рост?

– Метр семьдесят девять. Не заговаривай мне зубы. Тебе арабику или мозамбикский?

– Да какой хочешь... все равно.

Ширли насыпала кофе из пакета в деревянную ручную кофемолку, зажала ее между ног и начала монотонно крутить ручку, не сводя при этом глаз с подруги. Она говорила, что когда перемалываешь кофейные зерна, мысли тоже перемалываются и ложатся так, как надо.

– Ты такая красивая в этом переднике...

– Комплименты тебя не спасут.

– А я такая уродина.

– Надеюсь, не это тебя пугает.

– Откуда в тебе столько упрямства, от матери?

– От жизни... Ну что ты резину тянешь? Все думаешь увильнуть? Отвечай.

Жозефина подняла взгляд на Ширли и, зажав ладони коленями, начала говорить, быстро, сбивчиво, повторяя одно и то же:

– Мне страшно, я всего боюсь, я комок страха... Мне бы хотелось умереть, здесь и сейчас, чтобы ничто меня больше не волновало.

Ширли смотрела на нее, подбадривала глазами: давай, давай, точнее.

– Я боюсь, что у меня ничего не получится, боюсь умереть под забором, боюсь, что меня выгонят из дома, боюсь больше никого никогда не полюбить, боюсь потерять работу, боюсь, что ничего умного больше никогда не придумаю, боюсь постареть, боюсь растолстеть, боюсь одиночества, боюсь, что разучусь смеяться, боюсь заболеть раком груди, боюсь завтрашнего дня...

Давай, говорил взгляд Ширли, а ручка мельницы все вертелась, давай, вскрой нарыв, скажи мне, что же самое страшное... что мешает тебе повзрослеть, стать той самой Жози – великолепной, непобедимой, не знающей себе равных в своем Средневековье, среди мрачных соборов, крепостей и сеньоров, вассалов и торговцев, дам и девиц, клерков и прелатов, колдунов и виселиц – той самой Жози, которая так чудесно рассказывает о средних веках, что иногда мне хочется туда вернуться... Я чувствую в тебе какую-то травму, панический страх, страшный груз, что пригибает тебя к земле и мешает идти. Я давно хочу это понять, вот уже семь лет мы живем на одной лестничной площадке, ты приходишь ко мне попить кофейку и потрепаться, пока его нет дома...

– Давай, – прошептала Ширли, – выкладывай.

– Я такая некрасивая, просто уродина. Мне кажется, меня такую никто больше не полюбит. Я толстая, не умею одеться, не умею причесаться как надо... И скоро начну стареть...

– Ну, все мы когда-нибудь состаримся.

– Нет, я состарюсь в два раза быстрее. Ты же видишь, я даже и не пытаюсь что-либо изменить, я махнула на себя рукой... Я точно знаю.

– И кто же внушил тебе эти мрачные мысли? Неужто он, перед тем как уйти?

Жозефина всхлипнула:

– Да мне и так все ясно, без посторонней помощи. Достаточно взглянуть в зеркало.

– И что дальше? Что для тебя страшнее всего на свете? С чем именно ты боишься не справиться?

Жозефина вопрошающе взглянула на подругу.

– Не знаешь?

Жозефина покачала головой. Ширли долго смотрела ей прямо в глаза, потом вздохнула:

– Вот когда ты поймешь, что за страх лежит в основе всех твоих страхов, ты перестанешь всего бояться и станешь собой.

– Ширли, ты говоришь, как прорицательница...

– Или ведьма. В средние века меня бы сожгли на костре!

И правда, странное зрелище представляли собой эти две женщины на кухне, среди дымящихся кастрюль с подпрыгивающими крышками: одна, обвязанная фартуком, прямая как струна, сжимает между длинными ногами ручную кофемолку, другая – красная, вся какая-то скукоженная, помятая, говорит неохотно, поеживается, словно от холода, потом вообще замолкает – и падает на стол, рыдает, рыдает, а та, высокая, удрученно смотрит на нее, протягивает руку и гладит по голове, как испуганного ребенка.

...– Какие планы на вечер? – спросила Беранжер Клавер у Ирис Дюпен, отталкивая кусочек хлеба подальше от своей тарелки. – Если никаких, можем вместе сходить к Марку на вернисаж.

– Нет, у меня семейный ужин. А вернисаж Марка сегодня? Я думала, на следующей неделе...

Раз в неделю они встречались в этом модном ресторане – на других поглядеть, себя показать, а заодно и поговорить. Вон за тем столиком шушукаются политики, обмениваясь ценной информацией, там – начинающая актрисулька встряхивает пышной гривой, обольщая режиссера, вон модель, а вот еще одна, и еще – плоские, как доски, и ноги едва помещаются под столом, а вон завсегдатай, один за столиком, как крокодил в засаде, подстерегает свежую сплетню.

Беранжер придвинула обратно кусочек хлеба и принялась нервно крошить его на стол.

– Всем так и хочется меня подловить. Они будут пялиться на меня так, будто пульс мне измеряют на глаз. И ничего ведь не скажут, я их знаю! Как же, воспитание не позволит! А сами так и ерзают от нетерпения: «Как она там, милашка Клавер? Верно горюет, что ее бросили? Небось уж готова себе вены вскрыть?» Марк будет расхаживать под руку с новой подружкой... А я буду сходить с ума... От унижения, бешенства, любви и ревности.

– Не знала, что ты способна на такие сильные чувства.

Беранжер пожала плечами. Разрыв с Марком был, что бы она ни говорила, достаточно болезненным для нее, и вовсе не стоило беречь эту рану публичным унижением.

– Ты же их знаешь! Все будут следить исподтишка. Ипотешаться надо мной.

– Веди себя естественно, и все отстанут. У тебя, дорогая, так натурально получаются злобные гримасы, что тебе даже усилий прикладывать не придется.

– И не стыдно тебе так говорить?

– Только не пытайся выдать уязвленное самолюбие за любовь. Эта история тебя оскорбляет, но не ранит.

Беранжер раздавила комочек хлебного мякиша большим пальцем, скатала из него длинную темную змейку и оставила ее извиваться на белой скатерти; подняв голову, она бросила ненавидящий взгляд раненой хищницы на подругу, которая в этот момент наклонилась, чтобы достать из сумки разрезавшийся телефон.

Беранжер колебалась: продолжать ли ей плакаться на свою горькую судьбу или нанести ответный удар? Ирис положила замолкший телефон на стол и смирив ее насмешливым взглядом. Беранжер решила дать сдачи. Отправляясь в ресторан, она обещала себе держать язык за зубами, обещала себе оградить подругу от настырных слухов, наводнивших Париж, но Ирис уколола ее так равнодушно и презрительно, что выбора не оставалось: нужно разить в ответ. Все ее существо взывало к реваншу. В конце концов, убедила она себя, пусть лучше узнает от меня, а то весь Париж об этом говорит, а она не в курсе.

Не первый раз Ирис обижала ее. Более того, последнее время она почему-то делала это все чаще и чаще. Беранжер осточертела легкомысленная, рассеянная жестокость Ирис, которая резала ей правду-матку тоном училки, объясняющей простейшие правила туповатому ученику. Она потеряла любовника – это так; она скучала с мужем – это тоже правда; она совершенно не справлялась с четырьмя детьми – это, конечно, неприятно; она собирала сплетни и слухи – ну, понятное дело... и все же никто не смеет травить ее безнаказанно. Однако спешить не следовало, надо подготовиться, прежде чем выпустить свою отравленную стрелу; подперев щеки ладонями и широко улыбнувшись, она заметила:

– Не очень-то приятные вещи ты мне говоришь.

– Не очень приятные, зато абсолютно верные, разве не так? Ты хочешь, чтобы я врала и притворялась? Чтобы я тебя пожалела?

Она говорила тусклым, усталым голосом. И Беранжер пошла в атаку, сладко защебетав:

– Ну не всем же повезло отхватить такого красивого, умного и богатого мужа, как у тебя! Кабы Жак был похож на Филиппа, мне бы и в голову не пришло бегать на сторону. Я была бы верной, прекрасной, доброй... И безмятежной!

– Безмятежность убивает желание, тебе ли не знать. Эти две вещи несовместимы. Можно быть безмятежной с мужем и страстной с любовником...

– Неужели... у тебя есть любовник?

Беранжер так удивили слова Ирис, что она не удержалась от прямого, бестактного вопроса. Ирис с удивлением взглянула на нее. Обычно Беранжер более обходительна. Она с оскорбленным видом отодвинулась от стола и не раздумывая ответила:

– А почему бы и нет?

Беранжер мгновенно выпрямилась и уставилась на Ирис: ее глаза сузились в щелочки, горящие от любопытства. Она приоткрыла рот, предвкушая восхитительную сплетню. Ирис заметила, что рот у нее немного кривой – левый уголок как будто бы выше правого. Женщина всегда безжалостна к внешности другой, даже если это ее подруга. Ничто не ускользнет от ее внимания, она зорко высматривает следы увядания, старения, усталости. Ирис была уверена, что как раз на этом-то и держится женская дружба: вот интересно, сколько ей лет? моложе она или старше? на сколько? Все эти быстрые, беглые подсчеты – между делом, за столом, за разговором – утешительные или нет, но именно они и связывают женщин между собой, делают их сообщницами, лежат в основе женской солидарности.

– Ты сделала коррекцию губ?

– Нет... Ну не томи... скажи...

Беранжер не могла больше ждать, она умоляла, разве что ногами не топала, вся ее поза говорила: «Я же твоя лучшая подруга, ты должна все мне рассказать в первую очередь». Это любопытство вызвало у Ирис легкое отвращение, и она попыталась его рассеять, подумав о чем-нибудь другом. Она снова посмотрела на вздернутую губу.

– А почему же у тебя рот неровный?

Она провела пальцем по верхней губе Беранжер и нащупала легкое вздутие. Беранжер раздраженно встряхнула головой, высвобождаясь.

– Нет, правда, очень странно, левый уголок выше. Может, тебя от любопытства перекосило? Видно, совсем ты помираешь со скуки, если любой слухок готова так смаковать.

– Хватит, до чего же ты злая!

– С тобой-то мне точно не сравниться.

Беранжер откинулась на спинку кресла и с независимым видом уставилась на дверь. Сколько народу в этом ресторане, но хоть бы одно знакомое лицо! Если бы она знала по имени обладателя вон той стрижки или вон того длинного носа, это ее как-то успокоило бы, обнадежило, но сегодня – ни одной известной фамилии, совершенно нечего положить в

копилочку свежих новостей! «Либо я отстала от жизни, либо вышел из моды ресторан», – размышляла она, вцепившись в подлокотники кресла с жесткой, неудобной спинкой.

– Я отлично понимаю, что тебе нужно... общение. Ты так давно замужем... Ежедневная чистка зубов бок о бок в ванной убивает любое желание...

– Ну, знаешь, нам и без чистки зубов есть чем заняться...

– Не может быть... После стольких лет брака?

«И после того, что я недавно узнала!» – добавила она про себя. И чуть помолчав, глухим, хрипловатым голосом – Ирис даже удивилась – произнесла:

– Ты слышала, что болтают про твоего мужа?

– Ничему не верю.

– Я, кстати, тоже. Ужас просто!

Беранжер тряхнула головой, словно не решаясь повторить. Тряхнула головой, растягивая время, чтобы подруга помучилась. Тряхнула головой, потому что ей сладостно было источать яд именно так, не спеша, по капле. Ирис сидела неподвижно. Ее длинные пальцы с красными ногтями перебирали каемку белой скатерти, и только это с некоторой натяжкой можно было принять за признак нетерпения. Беранжер хотелось, чтобы Ирис ее торопила, подстегивала, но, к сожалению, это было не в ее стиле. Наоборот, Ирис всегда отличалась ледяным спокойствием, едва ли не полным безразличием, будто считала себя неуязвимой.

– Говорят... Тебе рассказать?

– Если это развлечет тебя, пожалуйста.

В глазах Беранжер искрилась едва сдерживаемая радость. Тут, видимо, что-то серьезное, подумала Ирис, она бы не стала так возбуждаться из-за незначительной сплетни. Подруга называется... В чью кровать она сейчас отправит Филиппа? Разумеется, женщины вешались на него: симпатичный, стильный, состоятельный. Три «С», по классификации Беранжер. И к тому же скучный, добавила про себя Ирис, поигрывая ножом. Но об этом никто не знает, кроме его жены. Лишь она разделяет суровые будни с этим идеальным мужем. До чего же странная штука, эта дружба: ни пощады, ни снисхождения, лишь бы найти больное место и вогнать туда смертоносный шип.

Они знакомы давно. Такая вот недобрая близость двух женщин, когда видишь в подруге каждый изъян, и все же не в силах без нее обходиться. В их дружбе причудливо переплетались раздражение и нежность, они пристально следили друг за другом, готовые больно укусь или же залечить рану. В зависимости от настроения. И от масштабов опасности. Потому что, думала Ирис, если со мной произойдет что-то действительно ужасное, Беранжер первая мне поможет. Пока у обеих острые когти и крепки зубы, они были соперницами, и только несчастье могло их сплотить.

– Так тебе рассказать?

– Я уже приготовилась к худшему, – насмешливо произнесла Ирис.

– Ох, на самом деле это такая чушь...

– Ну говори уж, а то я забуду, о чем речь, и будет уже неинтересно.

Чем больше Беранжер тянула время, тем больше Ирис нервничала: раз она так мнется и крутит, видно, информация того стоит. Иначе Беранжер мигом выложила бы ее, заливаясь хохотом, вот придумают же! Отчего она медлит?

– Говорят, у Филиппа связь, серьезная и... специфическая. Мне Агнесс сказала сегодня утром.

– Та стервоза? Ты с ней до сих пор общаешься?

– Она позванивает мне иногда.

Они созванивались каждое утро.

– Ну эта может черт-те чего наговорить.

– Зато она всегда все знает, уж в этом ей не откажешь.

– И могу я поинтересоваться, кого себе подыскал мой муж?

– Тут все не так просто...

– И очень серьезно, как я понимаю?

Беранжер сморщилась и стала похожа на обиженного пекинеса.

– Серьезней некуда... – Она скорбно потупила взор.

– И потому ты так любезно решила меня предупредить...

– Ты бы в любом случае узнала, и по-моему, лучше быть к этому готовой.

Ирис скрестила руки на груди: она ждала.

– Принесите счет, – сказала она официанту, пробежавшему мимо их столика.

С королевским великодушием она решила заплатить за двоих. Ей всегда импонировала ледяная элегантность Андре Шенье, который поднимался на эшафот, на ходу дочитывая книгу.

Оплатив счет, Ирис застыла в ожидании.

Беранжер смутилась. Теперь ей хотелось взять свои слова обратно. Она злилась на себя, что так распустила язык. Радость окажется быстрой, зато неприятные последствия, как она подозревала, долго придется исправлять. Но удержаться она не могла: ей надо было выплеснуть свой яд. Ей нравилось делать людям больно. Иногда она пыталась бороться с этой привычкой, старалась не злословить, не сплетничать. Прикусывала язык, как задерживают дыхание ныряльщики, и время такой борьбы можно было засекал по секундомеру. Надолго ее не хватало.

– Ох, Ирис, мне так неприятно... Я не должна была... Я корю себя за это...

– Тебе не кажется, что несколько поздно себя корить? – ледяным тоном ответила Ирис, взглянув на часы. – Мне жаль, но если ты и дальше будешь ходить вокруг да около, мне придется уйти, дел полно.

– Ну ладно. Говорят, что он всюду ходит с этим... этим...

Беранжер в отчаянии уставилась на подругу.

– Этим...

– Беранжер, кончай мямлить! Этим кем?

– Молодым адвокатом из его конторы, – выпалила наконец Беранжер.

Помолчав мгновение, Ирис смерила подругу взглядом.

– Оригинально, – сказала она, стараясь говорить спокойно и ровно. – Не ожидала. Спасибо, что открыла мне глаза.

Она встала, взяла сумку, натянула элегантные розовые перчатки в сеточку, медленно поправляя каждый палец, словно эти размеренные движения приводили в порядок ее мысли, потом, вспомнив, чей это был подарок, сняла их и положила на стол перед Беранжер.

И вышла.

Она сохранила присутствие духа, сразу нашла машину и ключи в сумке, но, сев за руль, какое-то время не трогалась с места. Она держалась прямо, как учила мать, и твердо, как того требовала ее неискоренимая гордыня, только застыла, оглушенная болью, которую пока не ощущала, но обреченно ждала. Ирис не страдала, а растерялась, словно рассыпалась на кусочки, будто внутри нее взорвалась бомба. Десять минут сидела неподвижно. Ни о чем не думая. Ничего не воспринимая. Просто пытаюсь понять, что же творится у нее в голове и в сердце. Через десять минут она с удивлением ощутила, что в носу защипало, губы задрожали, и в уголках бездонных синих глаз засверкали огромные прозрачные слезинки. Она стерла их, высморкалась и нажала на газ.

Марсель Гробз протянул руку, чтобы привлечь к себе лежавшую рядом любовницу, но она отпихнула его задом и гордо отвернулась.

– Ну, мусечка, не злись. Ты знаешь, я этого не выношу.

– Я с тобой разговариваю о суперважном деле, а ты не слушаешь.

– Ну, давай, давай, рассказывай. Обещаю, я буду слушать.

Жозиана Ламбер смягчилась, пододвинулась ближе и всем своим полным телом в бледно-розовых кружевах приникла к любовнику. Он был изрядно пузат, золотисто-рыжие волосы обрамляли его лысину и курчавились на груди. Не молод, нет, не молод ее Марсель, только глаза остались юными, зоркими, живыми. «Зенки у тебя как у двадцатилетнего», – шептала ему на ухо Жозиана после любовных утех.

– Подвинься, ишь разлегся. Ты растолстел, смотри, жирный какой! – сказала она, ущипнув его за бок.

– Да все деловые обеды, знаешь ведь. Тяжелые времена настали. Партнеров приходится убеждать, а чтоб убедить, нужно бдительность его усыпить, дать ему выпить да закусить, выпить да закусить...

– Ладно. Налюй тебе стаканчик, и ты меня выслушаешь наконец.

– Лежи, мусечка. Давай. Слушаю тебя. Рассказывай.

– Ну вот...

Она опустила простыню пониже, под свою тяжелую белую грудь с просвечивающими бледно-фиолетовыми венами, и Марсель с трудом отвел взгляд от этих дивных полушарий, которые лишь несколько минут назад он так страстно, так жадно лобзал.

– Нужно задействовать Шавая, дать ему ответственную должность.

– Брюно Шавая?

– Да.

– Почему это? Ты в него что, влюблена?

Жозиана Ламбер зашлась низким, хрипловатым смехом, который сводил Марселя с ума; ее подбородок утонул в трех складочках на ее шее, и они задрожали, как желе.

– О, как я люблю твою шею... – зарычал Марсель Гробз, утыкаясь носом в это мягкое ожерелье. – А ты знаешь, что говорит вампир женщине, когда хочет высосать из нее кровь?

– Понятия не имею, – ответила Жозиана, которая во что бы то ни стало хотела завершить свою речь и потому бесилась, что он ее перебивает.

– К тебе и душе я...

– При чем тут душа?

– К тебе иду, шея!

– Ах, как смешно! Ну как смешно! Надеюсь, мы наконец покончили с каламбурами и дурацкими историями? Я могу продолжать?

Марсель притворился огорченным:

– Я больше не буду, мусечка...

– Ну вот, как я тебе уже говорила...

Но поскольку любовник вновь попытался проскользнуть рукой в одну из складок ее роскошного тела, она рассердилась:

– Марсель, если ты будешь продолжать в том же духе, я объявлю забастовку. Я запрещаю тебе касаться меня сорок дней и сорок ночей! И на этот раз уж точно сдержу обещание.

В прошлый раз, чтобы прервать сорокадневный бойкот, пришлось подарить ей кольцо из натурального жемчуга (первосортного, из южных морей) с круглой платиновой застежкой, усеянной мелкими бриллиантами. «И чтоб сертификат был, – настаивала Жозиана, – только при таком условии я сдамся и позволю твоим жирным лапам тискать себя!»

Марсель Гробз был без ума от тела Жозианы Ламбер.

Марсель Гробз был без ума от мозгов Жозианы Ламбер.

Марсель Гробз был без ума от крестьянского здравого смысла Жозианы Ламбер.

Ему пришлось слушать.

– Нужно повысить Шавая, иначе он уйдет к конкурентам.

– У нас почти нет конкурентов, я их всех съел!

– Ты заблуждаешься, Марсель. Ты их сделал, спору нет, но в один прекрасный день они могут очухаться и сделать тебя. Особенно если Шаваль им слегка подсобит. Давай, посерьезней! Слушай меня внимательно!

Она выпрямилась, закутавшись в розовую простыню, нахмурила брови. Вид у нее был весьма серьезный. У нее всегда был серьезный вид – и когда она занималась делами, и когда предавалась любви. Эта женщина не умела притворяться и лукавить.

– Смотри, как все просто: Шаваль одновременно превосходный бухгалтер и отличный продавец. Мне бы не хотелось увидеть в числе твоих врагов человека, который обладает обоими качествами – и ловкостью продавца, и смекалкой бухгалтера. Первый зарабатывает деньги, работая с клиентами, второй делает процесс максимально рентабельным. Как правило, у человека бывает лишь один из этих двух талантов...

Марсель Гробз оперся на локоть – весь внимание.

– Коммерсанты умеют продавать, но редко разбираются в финансовых тонкостях: способ оплаты, сроки, расходы на поставки, оговоренные скидки. Да ты сам, если меня нет под рукой, иногда затрудняешься...

– Ты прекрасно знаешь, что я уже жить без тебя не могу, моя мусечка.

– Это только слова. Мне нужны весомые доказательства.

– А все потому, что я очень плохой бухгалтер.

Жозиана улыбнулась, намекая, что так просто он не отделается, и продолжила свою речь.

– Между тем все эти финансовые мелочи очень важны, именно от них зависит, сколько ты в результате получишь – много нулей или один большой ноль!

Марсель Гробз устроился поудобнее. Сел, прислонился головой к медным прутьям кровати, размышляя над словами подруги.

– То есть ты хочешь сказать, что прежде чем Шаваль все это поймет сам, прежде чем он поднимется против меня и станет опасным...

– Мы его повысим!

– И кем мы его назначим?

– Управляющим, пускай раскручивает фирму, а мы пока будем развивать другие направления... Больше нам выжидать нельзя. Ты уже не действуешь, ты реагируешь. А ведь у тебя дар, у тебя нюх на дух времени, ты всегда чувствуешь, что людям надо. Повысим Шавалю, пусть барахтается в текущих делах, а мы поплывем на волнах будущего! Неплохо, да?

Марсель Гробз наострил уши. Впервые она произнесла «мы», говоря о предприятии. И причем сказала это несколько раз подряд. Он чуть отодвинулся, чтобы лучше рассмотреть ее: возбуждена, покраснелась, лицо сосредоточенное, брови сведены галочкой, топорщатся светлыми волосками. Он подумал, что эта женщина, эта идеальная любовница, которая в постели не знала запретов, которая была необыкновенно одаренной в любви, к тому же достаточно умна и честолобива. До чего же она отличается от его жены, у которой и по большим праздникам минета не допросишься. Сколько ей ни дави на затылок, она хоть бы хны. А вот Жозиана любит всей душой, без оглядки. Мощно работает задом, мощно работает языком, мощно работает сиськами, и вот он уже в раю, он орет «мама» от наслаждения, он снова и снова готов, а она лижет его, ласкает, стискивает могучими ляжками, и, стоит последней сладкой судороге застыть на его губах, она ласково обнимает, успокаивает, радуется тонким и умным анализом работы предприятия, а потом вновь дарит наслаждение... Какая женщина, думал он. Щедрая. Ненасытная. Нежная в страсти, жесткая в работе. Белая, пухлая, желанная, нигде ни косточки не торчит – да есть ли они вообще у нее?

Жозиана работала на него уже пятнадцать лет. Она угодила в его кровать почти сразу, как устроилась секретаршей. Невысокая, печальная и усталая женщина под его чутким руководством расцвела. При поступлении на работу она могла похвастаться только дипломом каких-то убогих курсов машинописи, знанием орфографии и весьма разнородным послужным списком, свидетельствовавшим о том, что она нигде надолго не задерживалась. Марсель решил дать ей шанс. Было в стоящей перед ним крошке что-то загадочное, необычное... он не мог понять что, но ему это нравилось. Чувствовались острые зубы и коготки. Она может стать сильной союзницей или опасной противницей. Орел или решка? – подумал он тогда и, будучи по натуре азартным игроком, решил принять ее на работу. Они же с ней из одного теста, из низов вышли. Жизнь ее потрепала, липли к ней всякие мерзавцы, терзали, тискали и мяли ее, а она не могла защититься. Марсель по себе знал, как она мечтала вырваться из этой трясины. «Плачет бедная зарплата: до чего ж я маловата, успокойте же малышку», – заявила она ему через девять месяцев работы. Он повиновался и получил в свое распоряжение хитрую, наблюдательную одалиску, у которой всего было навалом – и тела, и ума. Постепенно она разогнала всех любовниц, которые утешали его в безрадостном супружестве. Он об этом не жалел. С Жозианой скучать не приходится. Жалел он лишь о том, что в свое время женился на Анриетте. Вот уж правда Зубочистка. Совсем деревянная. Скупая на ласки, но быстрая на траты, она разбазаривала его денежки и ничем не делилась взамен – ни телом, ни душой. Ну что я за мудака, зачем я на ней женился! Думал с ее помощью подняться, в высший свет захотел. Тоже мне, сверхскоростной лифт! Да с ней дальше вестибюля не продвинешься!

– Марсель, ты меня слушаешь?

– Да, мусечка.

– Прошло время узких специалистов! Их на каждой фирме полно. Нам нужны генералисты, причем гениальные генералисты. Вот Шаваль – гениальный генералист.

Марсель Гробз улыбнулся.

– Я сам гениальный генералист, если ты помнишь.

– За это я тебя и люблю.

– Расскажи мне о нем.

И пока Жозиана расписывала ему жизнь и карьеру служащего, которого Марсель едва мог вспомнить, в голове у него вертелись картинки из его собственного прошлого. Родители, польские евреи, осели в Париже. Отец портной, мать прачка. Они поселились в районе Бастилии, в двух комнатах – это с восемью-то детьми. Вместо ласки – оплеухи, вместо шоколада – хлеб да вода. Марсель рос как трава. Он сам записался в какую-то невразумительную химическую школу, только ради диплома, и пошел служить на свечной завод.

Именно там он всему научился. Бездетный хозяин проникся к нему симпатией. Одолжил ему денег, и Марсель выкупил одну почти разорившуюся фирму. Потом другую... Они долго разговаривали по вечерам, после работы. Хозяин советовал, подсказывал. Так Марсель стал «ликвидатором предприятий». Слово ему не нравилось, но нравилось перекупать агонизирующие предприятия и реанимировать их благодаря своим знаниям и упорству. Он рассказывал, что в те времена частенько засыпал при свете свечи и просыпался, когда она еще не успевала догореть. Рассказывал, что все идеи приходили ему в голову во время прогулок, на ходу. Он кружил по парижским улицам, наблюдал за мелкими торговцами, рассматривал витрины или разложенные прямо на тротуаре товары. Слушал, как люди разговаривают, бранятся, жалуются – соображал, что им нужно, чего они хотят, о чем мечтают. Раньше других коммерсантов почувствовал, что человеку все больше хочется спрятаться в своей раковине, его страх перед внешним, чуждым миром: «Жизнь становится все тяжелее, люди хотят укрыться дома, в своем гнезде, среди уютных домашних мелочей: свечечек, скатерочек, подставочек для чайника». Он решил сконцентрировать усилия на концепции

жилища. Мой дом, «Казамиа» – так называлась сеть его магазинов в Париже и в провинции. Убыточные компании быстро реконвертировались в магазины «Казамиа» с душистыми свечами, столовыми приборами, лампами, диванами, рамками для фотографий, освежителями воздуха, занавесками, мелочами для кухни и ванной. Все по очень щадящим ценам. Все сделано за границей. Марсель одним из первых стал открывать заводы в Польше, Венгрии, Китае, Вьетнаме, Индии.

Но однажды – будь проклят тот день! – один из оптовых поставщиков сказал ему: «Товары у вас отличные, Марсель, но вашим магазинам не хватает стиля! Надо бы вам нанять дизайнера, который сможет добавить вашему производству необходимую изюминку...» Он долго обмозговывал это предложение и наконец нанял...

...Анриетту Плиссонье, сухопарую породистую вдову, которая лучше всех на свете умела красиво повесить штору или создать элегантный интерьер с помощью двух соломинок, кусочка ткани и керамической плитки. «Вот шик!» – подумал он, когда та пришла по объявлению. Муж ее недавно умер, она одна воспитывала двух девочек и у нее не было никакого опыта работы. «Только прекрасное воспитание и врожденное чувство стиля, – заявила она, смерив его презрительным взглядом. – Хотите, я докажу вам это, мсье?» И не дожидаясь ответа, поменяла местами две вазы, раскатала ковер, подвязала занавеску, переставила какие-то безделушки на столе – и тут же создало впечатление, что его кабинет превратился в картинку из модного журнала. Тогда она села и удовлетворенно улыбнулась. Он принял ее как специалиста по аксессуарам, потом сделал главным дизайнером. Она оформляла витрины, грамотно расставляла товары рекламных акций: всякие фужеры для шампанского, прихваточки, передники, светильники, абажуры, составляла заказы, придумывала цвета сезона: голубой сезон, пестрый, золотой, белый... Он влюбился в эту женщину из недоступного ему мира.

Впервые поцеловав ее, он словно коснулся звезды на небе.

Во время их первой ночи он сфотографировал ее, спящую, на поляроид и спрятал снимок в бумажник. Она об этом не знала. А когда она впервые согласилась поехать с ним за город на выходные, он повез ее в Довиль, в отель «Нормандия», но так и не уговорил хоть ненадолго выйти из номера. Сперва думал, что это все от стыдливости, они ведь еще не были женаты, и лишь потом понял, что ей просто стыдно показаться с ним на людях.

Он попросил ее руки и услышал: «Мне надо подумать, я не одна, у меня две девочки, вы же знаете». Она упорно разговаривала с ним на «вы» и заставила ждать полгода, ни разу за все это время ни обмолвившись о его предложении. Он чуть с ума не сошел. Однажды – и что вдруг ее стукнуло? – она сказала: «Помните, вы сделали мне предложение? Так вот, если оно еще в силе, я согласна».

За тридцать лет их брака он ни разу не водил ее к своим родителям. Она встретилась с ними лишь однажды, в ресторане. На выходе, натягивая перчатки и ища глазами машину с шофером, которую он предоставил в ее распоряжение, она спокойно сказала: «Отныне вы будете встречаться с ними без меня. Я не думаю, что мне необходимо продолжать эти отношения».

Это она окрестила Марселя Шефом, потому что Марсель – уж больно плебейское имя. С тех пор все называли его только Шеф. Кроме Жозианы.

Для жены он был Шеф. Шеф, который выписывает чеки. Шеф, которого на званых ужинах сажают в самом конце стола. Шеф, которого можно перебить на полуслове. Шеф, который спит отдельно в малюсенькой комнатке, на малюсенькой кровати, в дальнем углу квартиры.

А ведь его предупреждали. «Наплачешься ты с этой женщиной, – говорил ему Рене, управляющий одного из магазинов и старый друг, с которым они любили пропустить стаканчик после работы. – Небось уболтать ее нелегко, а?» Следовало признать, что Рене прав.

«Она меня не шибко-то к себе подпускает. А чтоб она хоть когда соизволила нагнуться к моему жаждущему Парню, куда там! Надо ее крепко держать да еще давить на затылок. Ляжет и лежит, как бревно. Парень торчит себе, а толку? Нет, чтоб его погладить или пососать. Целку из себя строит». «Ну и ладно, хрен с ней, брось ты ее...» Но Шеф не решился: Анриетта была его пропуском в общество. «Когда я прихожу на обед с ней, на меня уже и смотрят по-другому... Клянусь, без нее я бы никогда не сумел подписать некоторые контракты!» – «Я бы на твоём месте нанял профессионалку. Стильную шлюху, такие бывают. Найдешь классную девку, она и на переговорах пригодится, и в постели. И обойдется тебе дешевле, чем законная жена!»

Марсель Гробз хохотал, хлопая себя по ляжкам.

Но оставался с Анриеттой. В конце концов он назначил ее президентом административного совета. Пришлось, иначе она бы обиделась. Обиженная Анриетта была не просто противной, но омерзительной. Он уступил. Их брачный контракт предусматривал разделение имущества, и Марсель составил договор дарения на ее имя. После его смерти все достанется ей. В общем, она его повязала по рукам и ногам. И чем хуже она с ним обращалась, тем больше он к ней привязывался. Ему порой приходило в голову, что получив в детстве столько оплеух, он как-то приохотился к этому делу; любовь и нежность не про его честь. Это все объясняло.

И вдруг появилась Жозиана. В его жизнь вошла любовь.

Но теперь, в шестьдесят четыре года, уже поздно начинать все сначала. Если он разведется, Анриетта оттяпает половину его состояния.

– А об этом даже речи быть не может, – произнес он вслух.

– Да почему, Марсель? Можно заключить с ним такой контракт, чтоб он не мог принимать важных решений. Или пусть принимает, но так, по мелочи. Тогда он успокоится и не будет на сторону глядеть.

– Ну, если по мелочи, то ладно.

– Договорились.

– Черт, ну и жара! Все липнет. Ты не принесешь мне холодного лимонадику?

Шелестя кружевками, она вылезла из постели и, шлепая полными ляжками, отправилась на кухню. Она за последнее время еще поправилась. Марсель нежно улыбнулся. Ему нравились женщины в теле.

Он взял с ночного столика сигару, обрезал ее, помял, понюхал, зажег. Положил руку на лысый череп. Состроил рожу, как у хитрого покупателя. Не следует особенно доверять этому Шавалю. Не стоит давать ему слишком много власти и полномочий. И надо проверить, что у него там с малышкой... Черт! В тридцать восемь лет ей, верно, хочется чего-то посвежее. Да и законного места под солнцем. А тут она вечно в тени, в подполье из-за проклятой Зубочистки. Это разве жизнь, бедная моя Жозиана?

– Я не смогу сегодня остаться до вечера, мусечка. Посиделки у зубочисткиной дочки.

– У круглой или у тощей?

– У тощей. Но круглая тоже будет. Со своими дочерьми. Одна из них не передать, какая бойкая. Как она на меня смотрит! Видит прямо насквозь. Люблю ее, такая девчужка, высший класс...

– Достал ты меня со своим высшим классом, Марсель. Если б не твои бабки, эти сучки уже давно бы по миру пошли. А там прямая дорожка – или в уборщицы, либо на панель!

Марсель предпочел не спорить с Жозианой и ласково похлопал ее по спине.

– Да нестрашно, – сказала она. – У меня еще кой-какие бумажки не доделаны, а вечером позову Полеетту посмотреть фильм. Ты прав, жара несусветная! Даже в трусах жарко.

Она протянула ему ледяной лимонад, он выпил одним махом, почесал пузо и звучно рыгнул, после чего радостно расхохотался.

– Видела бы меня сейчас Анриетта, ее бы удар хватил!
– Слушай, избавь меня от разговоров об этой... А то больше не увидишь меня как своих ушей.

– Ну, сладенькая моя, не сердись... ты же знаешь, я к ней теперь вообще не прикасаюсь.

– Еще не хватало! Чтоб ты лег в постель с этой фифой!

Ей не хватало слов, она задышалась от возмущения:

– С этой вонючкой, с этой гадиной!

Она нарочно бранила Зубочистку, потому что ему это безумно нравилось. Ишь, как честит, будто четками щелкает! Он завозился на кровати, а она своим низким, хрипловатым голосом продолжала список:

– Тоже мне, куриная гузка, прынцесса, желтая как лимон, да она небось нос затыкает, когда в сортир идет, правда? Может, она без греха, может, у нее и дырочки между ногами нет? Надо бы насадить ее на хороший такой острый штырь, да проткнуть насквозь, до зубов, чтоб у нее все пломбы повылетали!

Вот это уже что-то новенькое. Словно удар шпаги пронзил ему поясницу, ноги свело от возбуждения, он весь подался вперед, ухватился за медные прутья кровати, ощущая, как напрягается и твердеет до боли его член, а она продолжала, все крепче, все похабней, брань извергалась водопадом, и у него уже не было сил терпеть, он схватил ее, прижал к себе и клялся, что сожрет, всю как есть, возьмет и сожрет...

Жозефина опрокинулась на кровать, затаив дыхание от удовольствия. Как она все-таки любит своего толстого доброго пса! Никогда прежде ей не встречался такой щедрый и сильный мужчина. Это в его-то возрасте! Он заваливал ее по многу раз на дню и не как другие, не для того, чтобы самому оттянуться, пока партнерша считает мух на потолке. Иногда ей даже приходилось его сдерживать. Неровен час, раздавит ее своими ручищами, этот оголодавший людоед.

– Что бы со мной было, кабы не ты, дорогой мой Марсель!

– Нашла бы себе такого же толстого, глупого уроды, он бы тебя холил и лелеял. Ведь ты сама любовь, голубка моя. Все мужики готовы пятки тебе целовать.

– Ох, не говори так... Я совсем разомлею. И мне будет грустно, когда ты уйдешь.

– Нет... Нет... Иди к моему Пареньку... Он так тебя хочет...

– А ты мне хоть что-нибудь оставишь, если...

– Если вдруг сыграю в ящик? Ты об этом, голубушка? Конечно, тебя-то я упомяну в первых рядах... Ты должна быть красивой в этот день. Надеть свои жемчуга и брильянты. Чтобы я мог гордиться тобой там, у нотариуса. Чтоб они все лопнули от злости. Чтоб никто не мог сказать: «И что, этой шлюхе он оставил столько добра?» Наоборот, чтобы все почти-тельно склонились перед тобой! Хотел бы я посмотреть на рожу Зубочистки в этот момент! Подругами вы явно не станете...

Успокоенная Жозиана, мурлыча, склонила голову к седому паху любовника и с аппетитом заглотила его член жадными, ненасытными губами. Тут большого ума не надо: она с детства усвоила, как угодить и осчастливить мужчину.

Ирис Дюпен вернулась домой, бросила ключи от машины и квартиры в специально предусмотренную для этих целей плошку на маленьком столике у входа. Сняла пиджак, сбросила туфли, швырнула сумку на тканый восточный ковер, купленный мрачным, холодным зимним вечером на аукционе Друо, куда они ездили вдвоем с Беранжер, попросила свою верную служанку Кармен принести ей виски со льдом и капелькой «Перье» и скрылась в маленькой комнатке, служившей ей кабинетом. Туда никто не имел права заходить, кроме Кармен, которая прибиралась там раз в неделю.

– Виски? – вытаращив глаза, переспросила Кармен. – Виски днем? Вы заболели, мадам? Не иначе землетрясение случилось!

– Именно так, Кармен, и, пожалуйста, никаких расспросов. Мне надо побыть одной, подумать и принять решение.

Кармен пожала плечами и проворчала:

– Еще не дай бог начнет пить в одиночку. А ведь такая приличная женщина.

В кабинете Ирис съежилась на диване. Обвела глазами комнату, словно в поисках доводов, зная как поступить: срочно ретироваться или же снисходительно простить. Ведь все просто, думала она, вытягивая длинные ноги на красном бархатном диванчике, покрытом кашемировой шалью, – либо я разрываю с Филиппом, объявляю ему, что жить так невыносимо, и уйду от него вместе с сыном, либо выжидаю и терплю, молясь, чтобы это грязное дельце не получило широкой огласки. Наше расставание даст лишнюю пищу для сплетен, развяжет длинные языки, подставит под удар Александра, повредит делам Филиппа, а следовательно, моим делам... И к тому же я стану объектом жалости самого дурного толка.

А если я останусь...

Если останусь, мы будем и дальше молчать по углам, как молчим уже давно. Зато я не лишусь комфорта, к которому так же давно привыкла.

Она оглядела элегантную, изящно обставленную комнатку, ее любимое прибежище. Мебель светлого дерева, низенький трехногий столик «Лелё» с круглой стеклянной столешницей, стройная ваза «Колот» яйцевидной формы из горного хрусталя с резным орнаментом, изысканная люстра «Лалик» на золоченых шнурах, пара светильников из опалового стекла с витым узором. Каждая деталь была произведением искусства. Больше всего на свете Ирис любила закрыться в своем кабинете и любоваться своими сокровищами. Всю эту красоту я получила от Филиппа, и уже не смогу без нее обходиться. Ее взгляд упал на их свадебную фотографию: она вся в белом, он в сером костюме. Оба улыбаются в объектив. Он положил руку ей на плечо, и в этом жесте столько любви и заботы, она выглядит беспечной, как будто ей в жизни больше ничего не грозит. В левом верхнем углу снимка затесалась шляпа све-крови: здоровенный розовый абажур с лиловыми и сиреневыми лентами.

– Вы теперь еще и смеетесь сама с собой? – спросила Кармен, заходя в кабинет с подносом, на котором стоял стакан виски, маленькая бутылочка «Перье» и ведерко со льдом.

– Дорогая моя Кармен! Уж лучше я буду смеяться, поверь мне на слово.

– А что, у вас есть причина плакать?

– Будь я нормальной, да... Карменсита.

– Но вы ненормальная...

Ирис вздохнула.

– Оставь меня, Карменсита.

– Накрывать на стол? Я приготовила на ужин гаспачо, салат и цыпленка по-баскски. Сейчас так жарко... Никто есть не захочет. Десерт не стала делать, может, фрукты?

Ирис кивнула и махнула рукой – уходи, оставь меня.

Взгляд ее остановился на картине, которую ей подарил Филипп на рождение Александра: Жюль Бретон, «Влюбленные». На благотворительном аукционе в помощь Детскому фонду она застыла, как громом пораженная, перед этим полотном, – и Филипп, обойдя всех на торгах, купил его для нее. На картине были изображены двое влюбленных среди полей. Женщина обвила руками шею мужчины, а он, коленопреклоненный, прижимал ее к себе. Точно Габор... Мощь Габора, густые черные волосы Габора, сверкающие белые зубы Габора, мощные бедра Габора... Никак нельзя было упустить эту картину. Она ерзала на стуле во время аукциона, и Филипп погладил ее по голове – сперва ласково, потом даже чуть надавил, мол, не волнуйся, дорогая, получишь своего Бретона.

Они ходили тогда по разным выставкам-продажам: покупали живопись, драгоценности, книги, рукописи, мебель. Их объединял охотничий азарт: выследить, узнать, выиграть торги. «Натюрморт с цветами» Брама ван Вельде они купили на аукционе Друо десять лет назад. Потом на выставке фонда Маэт ухватили «Букет цветов» Слевинского и работу Мигеля Барсело, после чего она тут же полетела на Майорку, к нему в мастерскую, чтобы купить две глиняные вазы. Длинное рукописное письмо Жана Кокто, в котором он пишет о своем романе с Натали Палей. Фраза, оброненная Натали, отозвалась в памяти Ирис: «Он хотел сына, но был столь бесплоден, как только может быть гомосексуалист, накачанный опиумом...» Если она оставит Филиппа, сразу лишится всей этой красоты. Если она оставит Филиппа, придется все начинать сначала.

Одной.

Простое слово – но она вздрогнула. Одинокие женщины внушали ей ужас. Их так много вокруг! Вечно бегают, суетятся, бледные, задерганные. До чего страшно жить, подумала она, пригубив виски. В воздухе висит какая-то тревога. А как иначе? Людей буквально берут за горло, заставляя работать с утра до вечера, превращают в животных, навязывают им ненужные, развращающие потребности. Людям запрещено мечтать, болтаться без цели, терять время. Их используют по полной. Люди больше не живут, а просто изнашиваются. Обугливаются на медленном огне. Она-то благодаря Филиппу и его деньгам пока еще не поизносилась. Не спешила никуда, читала, ходила в театр, в кино, не так часто, как могла бы, но старалась держать форму. Некоторое время назад, под большим секретом, она начала писать. Каждый день по страничке. Никто об этом не знал. Запиралась в кабинете и царапала на бумаге слова в ожидании вдохновения, но оно не приходило, и тогда она пририсовывала словам лапки и крылышки, рисовала вокруг звездочки. Дело не шло. Переписывала от руки басни Лафонтена, перечитывала «Характеры» Жана де Лабрюйера и «Госпожу Бовари», училась подбирать точные, верные выражения. Это стало для нее игрой, иногда приятной, иногда мучительной: определить ощущение и облачить его в нужное слово, как в костюм. Она мучилась над бумагой, запертая в четырех стенах. И хотя большая часть листочков потом оказывалась в мусорной корзинке, это кропотливое занятие как-то оживляло ее существование. Уже не хотелось тратить время на скучные обеды или бесконечный шопинг.

Вот раньше она писала. Создавала сценарии, по которым собиралась снимать фильмы. И забросила все это, когда вышла замуж за Филиппа.

Если захочу, начну писать снова... Если, конечно, осмелюсь. Надо иметь определенную смелость, чтобы запереться в кабинете и часами перебирать слова, пририсовывая им лапки и крылышки, заставляя их бегать и летать.

Филипп... Филипп, повторяла она, вытянув длинную ногу, покрытую золотистым загаром, и постукивая льдинками в стакане, зачем же бросать Филиппа?

Чтобы ввязаться в эту дурацкую гонку? Стать похожей на бедняжку Беранжер, зевающую в постели с мужчиной? И речи быть не может. Вокруг один плач и скрежет зубовой. Свора голодных женщин орет на весь мир: «Где мужчины? Не стало больше мужчин! Не в кого больше влюбляться».

Ирис знала их жалобы наизусть.

Мужчины бывают красивыми, мужественными, неверными... и тогда женщины плачут!

Мужчины бывают пустыми, тщеславными, ничтожными... и тогда женщины плачут!

Мужчины бывают тупыми, липучими, уродливыми... и тогда они сами плачут!

А женщины плачут от страха, что им придется плакать в полном одиночестве.

Но все равно ищут, все равно ждут. В наше время женщины отслеживают мужчин, охотятся на них, как течные самки. Да-да, охотятся не мужчины, а женщины! Это они звонят в службы знакомств и роются в Интернете. Вот тоже новый кошмар! Я не верю в Интернет,

я верю в жизнь, в плоть и кровь, в естественное желание. Если желание иссякает, значит, ты не заслужила его.

Раньше она очень любила жизнь. Ирис очень любила жизнь, пока не вышла замуж за Филиппа Дюпена.

И в этой прошлой жизни была страсть, «загадочная сила, подоплека всех явлений». Как она любила эти слова Альфреда де Мюссе! Страсть, от которой кожа воспламеняется и жаждет кожи незнакомца. Близость возникает раньше, чем они узнают друг друга. И уже невозможно обходиться без взгляда другого человека, без его улыбки, его губ, его руки. Ты сбиваешься с курса. Сходишь с ума. Ты готова бежать за ним на край света, разум шепчет: что ты знаешь о нем? Ничего, совершенно ничего, еще вчера его имя было тебе незнакомо. Хитрую ловушку подстроила биология человеку, который мнит себя таким сильным! Тело плевать хотело на мозги! Желание проникает в нейроны, приводит их в движение, и вот ты связана по рукам и ногам, ты уже не свободна. Во всяком случае, в постели.

Последний оплот первобытной жизни...

Не существует сексуального равенства. О равенстве и речь не идет, когда бушуют первобытные страсти. Самка в зверином обличье под самцом в зверином обличье. Что там недавно говорила Жозефина? Она говорила о девизе брака в XII веке, и я прямо вздрогнула. Я слушала ее как обычно вполуха, и вдруг эти слова – точно удар ниже пояса.

Габор, Габор...

Его гигантский рост, его длинные ноги, его хриплый голос, отрывистая английская речь. *Iris, please, listen to me... Iris, I love you, and it's not for fun, it's for real, for real, Iris⁴*. Он так необычно говорил «Ирис». Ей слышалось «Ириш». Он так необычно перекачивал звук «р» во рту, что ей хотелось вот так же перекачиваться под ним.

«С ним и под ним» – это и есть девиз брака XII века.

С Габором и под Габором...

Габор удивлялся, когда я стояла на своем, когда я хотела сохранить на руках все козыри свободной женщины, он раздражался неистовым хохотом дикого человека: «Ты хочешь исключить из отношений силу? Власть? Капитуляцию? Ведь именно это выбивает искру между нами. Дурочка, посмотри, кто они, эти американские феминистки: одинокие женщины. Одинокие! А для женщины не может быть ничего хуже, Ирис...»

Интересно, как сложилась его судьба. Иногда ей снилось, что он звонит в дверь, заходит, она кидается ему на шею... она бросит все, кашемировые шали, гравюры, рисунки, картины, и уедет за ним, чтобы вместе скитаться по дорогам.

Но сейчас... две маленькие цифры-близняшки омрачают ее мечту. Два красных шустрых крабика, клешнями захлопывающие приоткрытую дверцу ее фантазии: 44. Ей сорок четыре года.

Мечта разбилась. «Слишком поздно!» – хохочут крабики и злобно машут клешнями. Слишком поздно, подумала она. Она замужем и останется замужем. Таковы ее намерения.

Но ей надо бы все же обеспечить тылы. На тот случай, если супруг, охваченный страстью, сбежит с молодым человеком в черном костюме. Это надо обдумать.

И, прежде всего, надо переждать.

Она вновь пригубила виски и вздохнула. Начиная с этого вечера надо будет постоянно притворяться...

Жозефина с облегчением обнаружила, что ей не придется ехать к сестре на автобусе с двумя пересадками: Антуан оставил им машину. Садиться за руль было как-то странно и

⁴ Ирис, умоляю, выслушай меня... Ирис, я тебя люблю, я не шучу, это правда, правда, Ирис (англ.).

непривычно. Кроме того, она не знала, какой код набрать, чтобы выехать из гаража, и полезла в сумку за блокнотом.

– Два пять один три, – подсказала сидящая рядом Гортензия.

– Спасибо, милая.

Накануне позвонил Антуан и долго разговаривал с девочками. Сначала с Зоэ, потом с Гортензией. Отдав трубку сестре, Зоэ пришла в комнату матери, которая лежала на диване и читала, пристроилась рядом, уткнувшись лицом в плюшевого медвежонка Нестора и посаывая большой палец. Они долго лежали молча, потом Зоэ вздохнула: «Столько всяких вещей, которые я не могу понять, мамуль. В жизни даже сложнее, чем в школе...» Жозефина хотела сказать ей, что она сама уже ничего не понимает в жизни. Но сдержалась.

– Мам, расскажи историю про Мою Королеву, – попросила Зоэ, крепко прижавшись к ней. – Ну ты знаешь, про ту, которая никогда не чувствовала ни холода, ни голода, ни страха, которая защищала свое королевство от вражеских полчищ и была матерью принцев и принцесс. И еще расскажи, как она вышла замуж за двух королей и правила одновременно двумя королевствами.

Зоэ больше всего любила историю Элеоноры Аквитанской.

– С начала рассказывать? – спросила Жозефина.

– Расскажи про ее первую свадьбу, – ответила Зоэ, не вынимая пальца изо рта, – ну когда она в пятнадцать лет вышла замуж за Людовика Седьмого, доброго короля Франции. С самого начала рассказывай, и про купание в ванне с чабрецом и розмарином, ну ты помнишь, в той деревянной ванне, в которую ее служанка ведрами натаскала горячей воды. И про то, как она намазала себе лицо кашицей из пшеничной муки, чтобы выглядеть красивой и скрыть прыщики... И про свежую траву, которой устлали пол вокруг ванны, чтобы вода не испортила паркет! Расскажи, мамочка, пожалуйста!

Жозефина заговорила, и магия слов полностью преобразила комнату, словно они очутились в рождественской сказке: «В этот день в городе Бордо был объявлен праздник. На набережных стояли разноцветные шатры, над ними развевались знамена. В одном из шатров наследник французского престола Людовик VII, окруженный свитой, слугами, конюшими, ожидал, когда его невеста, Элеонора, закончит приготовления в замке Омбриер». Жозефина подробно описывала купание Элеоноры, говорила о травах, мазях, притираниях и духах, которые подносили ей камеристки и фрейлины, чтобы она была самой красивой женщиной Аквитании. Перебирая подробности, так волнующие воображение Зоэ, вскоре она почувствовала, что дочка прикорнула, но еще несколько минут продолжала рассказывать: «Стоял жаркий июль 1137 года, лучи солнца золотили крепостные стены замка. По обычаю того времени, свадебные празднества длились много дней и ночей. Людовик, сидящий подле ослепительно красивой девушки в алом платье с длинными рукавами, отороченными белым горностаем, казался юным, хрупким и бесконечно влюбленным, а вокруг – глотатели огня, музыканты с барабанами и тамбуринами, циркачи с учеными медведями, жонглеры. Пажи подливали в кубки вино и подкладывали в тарелки куски жареного мяса, а мясо в те времена, кстати, подавали почти холодным, потому что кухня находилась далеко от праздничного стола. Прекрасная, свежая, как цветок, Элеонора напевала песенку, которой ее научила кормилица накануне свадьбы.

*Сердце мое отдано вам,
Тело мое отдано вам.
Когда сердце к вам устремится,
Тело вам навек покорится.*

Она повторяла эти строчки много раз подряд, как читают молитву перед сном, и обещала себе быть самой лучшей королевой, самой справедливой, доброй и милостивой к подданным».

Жозефина понизила голос до шепота, прильнувшая к ней малышка казалось, отяжелела, значит, уснула. Можно уже замолчать, она не проснется.

Гортензия долго говорила с отцом, потом ушла в свою комнату, выключила свет и легла, не зайдя ее поцеловать перед сном. Жозефина решила не тревожить дочку: наверное, ей необходимо побыть одной.

– Ты знаешь, как ехать к Ирис? – уже в машине поинтересовалась Гортензия, заглядывая в зеркальце, чтобы проверить белизну своих зубов и поправить прическу.

– Ты нарядилась? – спросила Жозефина, заметив яркие губы девочки.

– Всего лишь капелька блеска для губ, мне подружка подарила. Это еще не значит краситься. Это значит проявить минимум уважения к окружающим.

Жозефина решила пропустить мимо ушей наглое замечание и сосредоточиться на дороге. В это время движение по улице Генерала де Голля было затруднено, но это единственный путь к мосту Курбеуа. После моста пробка должна рассосаться. По крайней мере, она на это надеялась.

– Предлагаю не говорить у Ирис о том, что папа ушел.

– Поздно, – откликнулась Гортензия, – я уже сказала Анриетте.

Девочки называли бабушку по имени. Анриетта Гробз отвергала всякие там «бабуля» и «ба» – она считала это плебейской манерой.

– О господи, зачем?

– Послушай, мам, давай наконец смотреть на вещи здраво: если кто-то и сможет нам помочь, то только она.

Она имеет в виду Шефа. Деньги Шефа, подумала Жозефина. Через два года после смерти их отца мать снова вышла замуж – за очень богатого и очень доброго человека. Это Шефу они с Ирис были обязаны своим воспитанием, это он оплачивал их учебу в хороших частных школах, благодаря ему они могли кататься на лыжах и на лошадях, заниматься парусным спортом и теннисом, ездить за границу, это он финансировал обучение Ирис, снимал для них шале в Межеве, яхту на Багамах, квартиру в Париже. Шеф, второй муж их матери. На свадьбу Шеф надел ядовито-зеленый пиджак с люрексом и кожаный галстук в шотландскую клетку. Мадам Мать чуть в обморок не упала. Вспомнив это, Жозефина едва сдержала смех, опомнилась, когда сзади настойчиво загудели: она застыла на светофоре, хотя уже загорелся зеленый.

– Что она сказала?

– Что ее это нисколько не удивляет. Что удивительно, как ты вообще нашла себе мужа, так что было бы просто невероятно, если бы тебе удалось его удержать.

– Она так сказала?

– Слово в слово. И она, между прочим, права. Лопухнулась ты с папой, вот что. Раз уж он замутил с этой...

– Хватит, Гортензия! Я не разрешаю тебе так говорить! Надеюсь, ты обошлась без подробностей?

Жозефина сама удивилась, как могла опуститься до такого вопроса. Конечно же, Гортензия рассказала бабке все! До мельчайших деталей: возраст Милены, рост Милены, цвет волос Милены, работа Милены, розовый халат Милены, ее фальшивая улыбка в ожидании чаевых. Наверняка еще и приукрасила, чтоб ее пожалели, бедную брошенную девочку.

– В любом случае все узнают, лучше уж сразу сказать... Будем не так глупо выглядеть.

– Значит, ты уверена, что папа не вернется? – спросила Зоэ.

– Да он мне сам вчера сказал по телефону...

– Правда, сказал? – спросила Жозефина.

И снова себя отругала. Опять попала в ловушку, расставленную Гортензией.

– Похоже, он начал жизнь с чистого листа... Если я его правильно поняла. Сказал, что выбирает проект, который профинансирует эта девица.

– У нее есть деньги?

– Какие-то семейные сбережения, и она готова ему их отдать. Верно, она от него без ума! Отец даже сказал, что она готова ехать с ним хоть на край света. Он ищет работу за границей, говорит, что во Франции у него нет перспектив, что это, мол, не страна, а сплошная безнадега, и что ему нужны новые горизонты. Кстати, у него появилась одна идея, и мне она кажется весьма интересной! Мы еще с ним это обсудим.

Жозефина была потрясена: Антуан охотней делится планами с дочерью, чем с ней! Может, он ее теперь считает своим врагом? Нет, все, надо успокоиться и смотреть на дорогу. Как ехать, через Булонский лес или по кольцевой до Порт Майо? Какой маршрут выбрал бы Антуан? Когда он вел машину, я никогда не следила за дорогой, я целиком полагалась на него, ехала себе и грезилась о своих рыцарях и прекрасных дамах, о крепостях и юной невесте, что трясется в крытом паланкине, спеша навстречу суженому, которого и в глаза не видела, а скоро он обнаженный ляжет с ней в постель. Она вздрогнула и потрянула головой, возвращаясь мыслями к маршруту. Попробуем срезать через Булонский лес, может, там все же машин поменьше.

– Не мешало бы тебе спросить меня, прежде чем говорить об этом, – заметила Жозефина.

– Слушай, мам, давай не будем мудрить, у нас не та ситуация. Нам нужны деньги Анриетты, значит, надо развести ее на эти деньги и мяукать, как бедные маленькие котята под дождем. Она обожает, когда в ней нуждаются...

– Ну уж нет. Мяукать мы не будем. Сами выкрутимся как-нибудь.

– И как же ты рассчитываешь жить на свою нищенскую зарплату?

Жозефина крутанула руль и припарковалась у кромки аллеи.

– Гортензия, я запрещаю тебе разговаривать в подобном тоне, и если ты не прекратишь, я рассержусь и буду вынуждена тебя наказать.

– Ой-ой-ой! Как страшно! – усмехнулась Гортензия. – Ты даже представить себе не можешь, как я испугалась.

– Знаю, ты от меня этого не ждешь, но я могу закрутить гайки. Я всегда была с тобой доброй и мягкой, но сейчас ты переходишь всяческие границы.

Гортензия посмотрела матери в глаза и увидела там незнакомую ей решимость; она подумала, что Жозефина и впрямь может привести свою угрозу в исполнение, к примеру, отправить ее в пансион, чего ей очень не хотелось. Она откинулась на сиденье с оскорбленным видом и надменно проронила:

– Ну давай, играй словами. В этой игре тебе равных нет. Но реальная жизнь – совсем другая история.

Жозефина вышла из себя. Она стукнула рукой по рулю и заорала так сильно, что маленькая Зоэ заплакала:

– Хочу домой, к моему медвежонку! Вы злые, злые, я вас боюсь!

Ее причитания перекрывали голос матери, и в маленькой машинке поднялся неслышимый гам: прежде они ездили в полной тишине, нарушаемой разве что тихим голосом Антуана, который любил разъяснять им названия улиц, сообщать даты постройки мостов и церквей, рассказывать о новых дорогах.

– Что с тобой случилось?! Со вчерашнего дня ты ведешь себя отвратительно! Мне кажется, ты ненавидишь меня, что я тебе сделала?

– Ты упустила папу, потому что ты некрасивая и нудная, и надеюсь, я никогда не стану такой! И поэтому я готова на все, готова стелиться перед Анриеттой, чтобы она подкинула нам денег.

– Значит, по-твоему, надо перед ней ползать на брюхе?

– Не желаю быть бедной, я боюсь бедности, бедность отвратительна, нет ничего хуже! Взгляни на себя. Ты просто жалкая уродина!

Жозефина смотрела на нее, разинув рот. Она не могла думать, не могла говорить. Ей и дышать-то с трудом удавалось.

– Да что тут непонятного? Ты никогда не замечала, что единственная вещь, которая сейчас интересует людей – это деньги. А я – как все, только мне не стыдно в этом признаться! Вот и нечего тут ангела изображать, ты, мамочка, не ангел, ты просто дура набитая!

Нужно ответить во что бы то ни стало, она просто обязана дать ей отпор...

– Ты забываешь, деточка: деньги бабушки – это прежде всего деньги Шефа! Она не может ими распоряжаться. Ты рановато на них нацелилась.

Я вовсе не это должна была ей сказать. Совсем не это. Я должна была преподать ей урок нравственности, морали, а не говорить о том, что деньги эти ей не принадлежат. Но что со мной творится? Что случилось? Все идет наперекосяк с тех пор, как ушел Антуан... Я даже думать не способна...

– Деньги Шефа – это деньги Анриетты. У Шефа нет детей, так что она по завещанию получит все. Я не идиотка, я это знаю. И точка! И вообще, хватит говорить о деньгах так, будто это дерьмо какое-то, это всего лишь короткий путь к счастью, а я, представь себе, совершенно не собираюсь быть несчастной!

– Гортензия, в жизни существуют не только деньги!

– Ох, до чего же ты устарела, мамуля. Тебя надо перевоспитывать. Давай, трогай. Еще не хватало, чтобы мы опоздали. Она терпеть этого не может. – И, обернувшись к Зоэ, тихо плакавшей в кулачок на заднем сиденье: – Кончай выть! На нервы действуешь. Черт, ну и повезло же мне с семейкой! Неудивительно, что папу все это достало.

Она взглянула в зеркальце – проверить, все ли в порядке – и взвизгнула:

– Ну вот! Весь блеск стерся! А у меня больше нет. Если у Ирис какой валяется, я его свистну. Клянусь, свистну. Она даже не заметит, она их десятками закупает. Не там я родилась... Вот угораздило!

Жозефина смотрела на дочь, как на сбежавшую из тюрьмы преступницу, внезапно оказавшуюся у нее в машине. Девочка внушала ей ужас. Она хотела что-то возразить, но не находила слов. Все произошло слишком быстро. Она словно летела с горы, и конца этому было не видно. И вот, уже на исходе сил и аргументов, она перевела взгляд на дорогу и стала разглядывать деревья в цвету вдоль аллеи Булонского леса, их мощные стволы и нежную свежую зелень, бутоны, вот-вот готовые распуститься, их длинные ветви, склонявшиеся к ней, что образовывали над дорогой полупрозрачный цветущий купол, пронизанный вечерним светом, озарявшим каждую веточку, каждую шелковистую почку. Мерное покачивание веток успокоило ее. Зоэ продолжала тихонько всхлипывать, зажмурившись и зажав руками уши. Жозефина нажала на газ и тронулась, молясь, чтобы эта дорога вывела их прямо к Порт де ла Мюэтт. А там останется только припарковаться... Что тоже непросто, вздохнула она про себя.

В этот раз семейный ужин протекал на удивление гладко. Кармен следила за переменной блюд, ее юная помощница, нанятая по случаю званого ужина, была весьма расторопна. Ирис, в длинной белой рубашке и льняных голубых брюках, все больше молчала и вступала, только чтобы поддержать то и дело затухавший разговор, что впрочем, ей приходилось делать довольно часто, поскольку беседовать сегодня явно никто не стремился. Она выгля-

дела напряженной, отстраненной – это Ирис-то, всегда такая любезная с гостями. Ее густые черные волосы были собраны в хвост, и волнистые пряди ниспадали на плечи.

Вот это грива, дай бог каждому, думала обычно Кармен, когда держала в руках эту тяжелую сияющую копну: Ирис иногда ей разрешала себя причесывать, и Кармен нравилось, как хозяйские волосы потрескивают под щеткой. После обеда Ирис заперлась в кабинете и даже ни разу ни с кем не говорила по телефону. Кармен знала об этом, потому что на кухне тоже стоял аппарат. Что она там делала одна? Последнее время такое случалось все чаще и чаще. Раньше, возвращаясь из магазина с кучей пакетов, она кричала: «Карменсита! Горячую ванну! Скорей, скорей! Вечером идем в гости!» Бросала на пол пакеты, забегала поцеловать сына в его комнату: «Как прошел день, Александр? Расскажи-ка мне, малыш, расскажи! Как отметки?» А в это время Кармен наполняла огромную ванну, облицованную сине-зеленой мозаикой, смешивала масло чабреца, шалфея и розмарина. Рукой пробовала воду, добавляла ароматические соли «Герлен» и, когда все было готово, зажигала маленькие свечки и звала Ирис. Ирис погружалась в горячую душистую воду. Порой она разрешала Кармен присутствовать при купании, тереть ей пятки пемзой, массировать розовым маслом пальчики на ногах. Крепкие пальцы Кармен крепко сжимали щиколотку, лодыжку стопы, мяли, щипали, постукивали, а потом любовно, умело поглаживали. Ирис расслаблялась, рассказывала ей о событиях дня, о друзьях, о картине, найденной в галерее, о блузке с интересным воротничком, замеченной в витрине: «...представь себе, Кармен, не отрезной, но при этом стоечкой, и расходится в обе стороны, как будто его поддерживают невидимые пластинки...», о шоколадном печенье, которое она только надкусила: «...получается, что я его не съела и значит, не поправлюсь», о фразе, услышанной на улице, о нищей старушке на тротуаре, которая ее так напугала, что она высыпала всю мелочь в старческую пергаментную ладошку: «Ох, Кармен, я жутко боюсь оказаться в таком положении. У меня же ничего нет. Все принадлежит Филиппу. На мое имя ничего не записано». И Кармен, разминая ее пальчики, массируя длинные, стройные, гладкие ноги, вздыхала: «Никогда, красавица моя, никогда вы не превратитесь в такую морщинистую старуху. Пока я жива, никогда. Я наймусь домработницей, я горы сверну, но никогда вас не покину». – «Ну скажи мне это еще раз, Карменсита, скажи!» Она закрывала глаза и погружалась в дремоту, откинув голову на свернутое полотенце, заботливо подложенное Кармен.

Этим вечером церемония купания не состоялась.

Этим вечером Ирис приняла душ, по-быстрому.

Кармен считала делом чести, чтобы каждый семейный ужин был идеальным. Особенно потому, что на нем присутствовала Анриетта Гробз.

– О! Явилась... – тихо шипела Кармен, наблюдая за ней через полуоткрытую дверь буфетной, откуда руководила процессом. – Дрянь такая!

Анриетта Гробз сидела во главе стола, прямая и неподвижная, как каменная статуя, с волосами, собранными в строгий покрытый лаком пучок, из которого не выбивалась ни одна прядь. Даже святые мощи в церкви выглядят как-то поживее, подумала Кармен. На Анриетте был легкий полотняный пиджак, каждая складочка которого была отглажена и накрахмалена. Справа от нее посадили Гортензию, а слева Зоэ; она наклонялась к ним, делая замечания, как строгая учительница. Зоэ испачкала щеку. Глаза у нее были красные, ресницы слиплись. Видно, что плакала по дороге сюда. Жозефина рассеянно ковыряла еду в тарелке. Лишь Гортензия мило болтала, улыбалась тете и бабушке и отвечивала комплименты Шефу, который чуть не мурлыкал от удовольствия.

– Ну уверяю тебя, ты правда похудел, Шеф. Когда ты вошел в комнату, я подумала: какой он красивый! Как помолодел! Или ты что-то сделал с собой? Может быть, небольшой лифтинг?

Шеф радостно расхохотался и почесал голову.

– И для кого же мне стараться, лапочка моя?

– Ну, не знаю... Может, для меня. Мне обидно, когда ты делаешься старым и морщинистым. Ты мне нужен стройный, загорелый, как Тарзан.

Вот умеет разговаривать с мужчинами эта девчонка, подумала Кармен. Папаша Гробз аж светился от гордости. Лысина сияет, как медный таз. Уж конечно сунет ей на прощание денежку. Уходя, он каждый раз незаметно вкладывал ей в руку купюру.

Довольный разговором с Гортензией, Марсель повернулся к Филиппу и обменялся с ним несколькими словами о ситуации на бирже. Какой нынче курс, на повышение или на понижение? Продавать или наоборот вкладывать? И во что вкладывать? В акции или в валюту? Что говорят в деловых кругах? Филипп Дюпен слушал тестя вполуха. А старик неплохо выглядит. Очень даже бравый вид, заметно помолодел, девчонка-то права, заметила про себя Кармен, мамаше Гробзихе впору насторожиться!

Тут помощница оторвала Кармен от ее наблюдений, спросив, куда подавать кофе: в гостиную или на стол.

– В гостиную, малышка... Я сама займусь этим, а ты убери со стола. И все сложи в посудомоечную машину, кроме бокалов для шампанского, их надо помыть вручную.

Наспех проглотив десерт, Александр утащил младшую кузину в комнату, а Гортензия осталась за столом. Она всегда сидела со взрослыми, даже в раннем детстве: минуту назад бойкая и говорливая кокетка, тут вдруг притаится, чтоб никто не заметил, сольется с обстановкой и слушает. Она наблюдала, пыталась разгадать смысл оброненного кем-то намека, замечала любую оплошность, любой промах, любую неловкость. Любит девка покопаться в дерьме, разозлилась Кармен. И никто ведь ничего не заподозрит. А я знаю все эти уловки наперед. Она и сама поняла, что я ее раскусила. Не любит меня, боится. Надо мне сегодня ее приструнить, пускай отправляется смотреть кино в маленькой гостиной.

Поскольку беседа не клеилась, Гортензии самой надоело сидеть, и она легко позволила Кармен себя увести.

В гостиной Жозефина пила кофе и молила Бога, чтобы вопросы не обрушились на нее градом. Она начала было беседу с Филиппом, но у него зазвонил мобильник, он извинился, сказал, что важный звонок, очень жаль... И с этими словами скрылся у себя в кабинете.

Шеф читал деловую газету, сидя за низким столиком. Мадам Мать и Ирис обсуждали занавески в спальне. Они жестами звали Жозефину присоединиться к ним, но она предпочла составить компанию Марселю Гробзу.

– Как жизнь, крошка Жози, все в ажуре?

У него была странная манера речи: он употреблял всеми забытые выражения. С ним как будто попадаешь в шестидесятые или семидесятые годы, ведь больше никто из знакомых Жозефины не говорил «туши свет» или «обалдемон».

– Можно и так сказать, Шеф.

Он ласково подмигнул ей, вновь уткнулся в газету, но поскольку Жозефина не ушла, понял, что следует дальше поддерживать беседу.

– Твой муж все дома сидит?

Жозефина кивнула.

– Сейчас стало трудно. Надо поднапрячься, потерпеть..

– Он ищет, ищет... Смотрит объявления по утрам.

– Ну если он ничего не найдет, он всегда может прийти ко мне. Я его куда-нибудь пристрою.

– Шеф, ты такой милый, но...

– Но нужно, чтоб он маленько научился кланяться. Уж больно он гордый, твой муж. А в наши дни гордым быть не получается. Надо стелиться перед начальством. Стелиться и повторять: «Спасибо, хозяин». Даже толстяку Марселю приходится на брюхе ползать, чтоб

найти новые рынки, новые идеи, и он каждый раз благодарит Бога, когда удается подписать новый контракт.

Он похлопал себя по пузу.

– Скажи это своему Антуану. Достоинство в наши дни – непозволительная роскошь. А у него на такую роскошь нет средств! Видишь ли, крошка Жози, мне легче, я ведь из грязи вылез, и мне очень уж неохота возвращаться туда. Есть такая сенегальская пословица: «Если ты не знаешь, куда идти, остановись и посмотри, откуда ты пришел». Я пришел из нищеты, значит...

Жозефина чуть было не проболталась Марселю, что она и сама сейчас на грани нищеты.

– Но на самом деле, Жози, по здравому размышлению... Если бы я кого и взял на работу из нашей семьи, то только тебя. Потому как ты упорная. А муж твой, кажется, рвать себе задницу не намерен. Нет, ты не подумай! – Он довольно расхохотался. – Я его не в дворники зову...

– Я знаю, Шеф... знаю.

Она погладила его по руке, благодарно улыбнулась. Он смутился, оборвал смех, откашлялся и вновь погрузился в чтение газеты.

Она посидела немного рядом с ним, надеясь еще поболтать, чтоб ускользнуть таким образом от любопытства матери и сестры, но Марсель, похоже, не собирался продолжать разговор. С Шефом всегда так. Минут пять поговорит, и считает уже, что отделался и можно заняться чем-нибудь другим. Не любит он эти семейные сборища. Как и Антуан. Мужчинам тут нечего делать, им позволено только присутствовать, для декорации. Чувствуется, что вся власть в руках женщин. Хотя и не всех. Я вот, например, исключение. Она почувствовала себя одинокой. Взглянула на Ирис – та сидела рядом с матерью, поигрывая длинными сережками, которые только что сняла, качая ногой с накрашенными ногтями, не менее ухоженными, чем на руках. Какая грация! Невозможно поверить, что мы с этим сияющим, восхитительным, изысканным созданием принадлежим к одному и тому же полу. Надо бы придумать подвиды в классификации людей по полам: А, В, С и D... Ирис будет из категории А, а я из D.

Жозефина знала, что начисто лишена той чувственной, спокойной грации, которой был окутан каждый жест сестры. Всякий раз, когда она пробовала ей подражать, эксперимент оканчивался унижением. Однажды она купила зеленые босоножки из крокодиловой кожи, увидев такие же накануне на Ирис, и сновала по квартире туда-сюда в надежде, что Антуан заметит обновку. А он заявил: «Ну и походочка у тебя. Ты с этими штуками на ногах похожа на транвестита!» Так прелестные босоножки стали «штуками», а она – транвеститом... Жозефина встала и отошла к окну, подальше от матери и сестры. Она смотрела на ветви деревьев на площади Ла Мюэтт, покачивавшиеся в мутном вечернем воздухе. Громоздкие каменные особняки розовели в лучах закатного солнца, кованые решетки ворот подчеркивали благосостояние, над нежно-зелеными, кипенно-белыми и бледно-желтыми садами поднималась легкая дымка. Все здесь дышало богатством и красотой, богатством, будто освободившимся от материальных оков, чтоб стать воздушным, приятным и ненавязчивым. Шеф богатый, но тяжелый. Ирис богатая и легкая. Деньги подарили ей невероятную непринужденность. Мадам Мать напрасно считает себя ровней дочери, она была и останется выскочкой, парвеню. У нее слишком гладкий пучок, слишком толстый слой помады, слишком лакированная сумочка, и зачем она ее все время держит в руках? Бедняцкая привычка: боится, что украдут. Даже обедает с сумочкой на коленях. Ей удалось одурачить Шефа, но других, тех, кого ей хотелось, она не одурачила, вот и пришлось ей довольствоваться Шефом, который не умеет одеваться, ковыряет в носу и сидит, раздвинув ноги. Она это понимает и потому злится на него. Он напоминает ей о ее несовершенстве и ограниченности. А Ирис удиви-

тельно раскованна, есть в ней секрет, некая тайная уверенность в себе, непринужденность, которую невозможно объяснить словами. Она изначально стоит выше простых смертных и представляет собой редкостный, уникальный экземпляр. Ирис смогла переродиться и изменить мир вокруг себя.

Оттого-то Антуан терялся и потел: он чувствовал ту незримую грань, что отделяет его от Филиппа и Ирис. Видел тонкую разницу, не имеющую отношения ни к полу, ни к сословию, ни к образованию, которая отличает настоящую элегантность от натужной элегантности выскочки. Антуан ощущал себя увальнем, тюфяком.

Первый раз Антуан начал обливаться потом в три ручья именно здесь, на этом балконе. Был майский вечер, они вместе любовались деревьями на авеню Рафаэль, и он, вероятно, ощутил себя таким несуразным, таким беспомощным перед величием деревьев, великолепием зданий, перед этими шикарными занавесками, что его внутренний термостат сломался, и он потек. Они заперлись в ванной и придумали объяснение: слишком резко открыл кран, так что залил и рубашку, и пиджак. В первый раз все поверили – а дальше как? Причем она еще больше полюбила его за это и пожалела: ведь и сама она здесь точно так же потела, вот только не явно, а в глубине души...

Тишину нарушал разве что шелест страниц: Шеф листал газету. «Что там поделявает моя курочка? – думал он с нежностью. – Интересно, в какой она позе сейчас: лежит небось на диване в гостиной, попкой вверх и смотрит какую-нибудь идиотскую комедию, ей такие нравятся. Или валяется в кровати, как пухлый блинчик, в той самой кровати, где мы сегодня с ней кувыркались... Так, стоп, прекрати немедленно! У меня встал, сейчас все заметят!» По приказу Зубочистки он надел облегающие серые брюки из тонкого габардина, которые лишь подчеркивали несвоевременную эрекцию. Это было так забавно, что он еле сдерживал смех и аж подскочил, когда к нему наклонилась Кармен:

– Сладости к кофе, мсье?

Она держала в руках блюдо, на котором были разложены маленькие пирожные с шоколадом, миндалем, карамелью.

– Нет, спасибо, Кармен, у меня задние зубы шатаются.

От этих слов Анриетту Гробз передернуло, шея ее напряглась. Шеф довольно ухмыльнулся. Не след ей забывать, за кого вышла замуж! Он не мог отказать себе в удовольствии напоминать об этом супруге от случая к случаю. Чтоб как-то выразить свой немой укор и обозначить невидимую границу между собой и Шефом, Анриетта Гробз подошла к Жозефине, по-прежнему стоящей у окна. Вульгарность этого человека – ее пожизненное наказание, ее вечный крест. Хотя она не спала с ним в одной кровати, не жила в одной комнате и не сидела в одном кабинете, ее не покидал страх заразиться от него, словно он был носителем опасного вируса! Только от отчаянья можно было выйти за этого мужлана! И притом здоров как бык! Вот, что ее особенно раздражало. Видя, как он силен и весел, она впадала в такую ярость, что у нее перехватывало дыхание и учащалось сердцебиение. Приходилось даже принимать успокоительное. Сколько еще терпеть? Она тяжело вздохнула и решила отыграться на дочери. Жозефина смотрела, как качаются деревья: поднялся легкий ветерок, душный вечер стал свежее.

– Иди сюда, детка, нам нужно поговорить, – сказала Анриетта, увлекая ее к дивану в глубине гостиной.

К ним тотчас же присоединилась Ирис.

– Итак, Жозефина, – напористо начала Анриетта Гробз, – Что ты думаешь делать?

– Продолжать... – с вызовом сказала Жозефина.

– Продолжать? – удивилась Анриетта Гробз. – Что продолжать?

– Ну как... Жить дальше.

– Но я серьезно, детка.

Если мать называет ее детка, дела плохи. Сейчас начнется – жалость, наставления и занудные нотации – куплет за куплетом.

– В конце концов, это мое дело... и тебя не касается.

Ответ вырвался у Жозефины сам собой и прозвучал агрессивно. Родительница, не привыкшая к такому отпору, нахмурилась.

– Как ты со мной разговариваешь! – оскорбленно воскликнула она.

– Решила что-нибудь? – послышался мягкий, обволакивающий голос Ирис.

– Я сама справлюсь, – сказала Жозефина, и опять получилось грубее, чем она хотела.

– Черная неблагодарность – отвергать помощь, когда тебе ее предлагают, – кисло заметила Анриетта Гробз.

– Ты права, но так уж вышло. Я не хочу больше об этом говорить, ясно вам?

К концу фразы она перешла на крик, взорвавший стоячий воздух семейного раута.

«Ну-ка, ну-ка, что стряслось? – подумал Шеф, наострив уши. – Вечно от меня все скрывают! Я тут у них пятая спица в колеснице. Семейка!» С невинным видом он пододвинулся вместе с газетой поближе, чтобы лучше слышать, о чем говорят женщины.

– И как же ты справишься?

– Буду работать, давать уроки... ну не знаю! Сейчас я чувствую, что проснулась, и пробуждение не из веселых. Думаю, я еще не осознала до конца.

Ирис смотрела на сестру, восхищаясь ее смелостью.

– Ирис, – спросила мадам Мать, – что ты об этом думаешь?

– Жози права, все настолько неожиданно. Нужно дать ей оправиться от потрясения, а уж потом расспрашивать о планах.

– Спасибо, Ирис, – вздохнула Жозефина, наивно предположив, что гроза миновала.

Не тут-то было: мадам Мать так просто не отступает от задуманного.

– Я, когда осталась с вами одна, засучила рукава и принялась работать, работать...

– Но я же работаю, мама, ты всегда об этом забываешь.

– Это не называется «работой», девочка моя.

– Потому что я не хожу в офис, не подчиняюсь начальнику и не получаю талоны на обед? Потому что моя работа не похожа на то, к чему ты привыкла? Однако я зарабатываю на жизнь, хочешь ты этого или нет.

– Гроши!

– Хотелось бы знать, сколько в начале ты зарабатывала у Шефа. Вряд ли больше.

– Не смей говорить со мной таким тоном, Жозефина.

Шеф застыл, прислушиваясь. Слава яйцам, сцепились наконец! Вечер обещает быть интересным. Герцогиня сейчас оседлает любимого конька и пойдет заливать, в красках нарисует портрет благородной вдовы и примерной матери, которая пожертвовала всем ради своих детей! Этот трагический монолог он уже знал наизусть.

– Да, было трудно. Пришлось нам тогда затянуть пояса, но благодаря моим выдающимся способностям Шеф сразу меня заметил... И я сумела подняться...

Она надулась от гордости, все еще взволнованно переживая потрясающую победу, которую ей удалось одержать над злодейкой судьбой, смакуя образ, складывающийся из ее слов: сильная, красивая, великая женщина, словно статуя на носу корабля, бесстрашно рассекающая бурные волны, ведет за собой двух сироток с покрасневшими от слез носами. Это ее медаль за доблесть, ее Марсельеза, ее орден Почетного Легиона – она одна сумела воспитать двух дочерей!

«Еще бы ты не сумела подняться, я же тебе то и дело подбрасывал конверты с купюрами, а ты будто бы не замечала, чтобы не пришлось благодарить, – подумал Шеф, посплюнвив палец и переворачивая страницу газеты. – Ты сумела подняться, потому что ты хитрая

ведьма, продажная и безжалостная, хуже любой шлюхи. Но я тогда увяз по уши, мне важно было тебе понравиться, облегчить тебе жизнь».

– И когда мои достижения признали все, даже конкуренты Шефа, он решил удержать меня у себя любой ценой...

«Я так хотел тебя соблазнить, что назначил тебе зарплату зама, хотя ты об этом даже не просила. Я рассказывал, как ты всем вокруг нужна, чтобы ты не чувствовала себя оскорбленной, когда брала у меня деньги. Ну и дурак я был! Тупой, как пробка! Ну-ну, давай, строй из себя непорочную деву! Не желаешь рассказать дочке, как ты меня окрутила? Как обвела вокруг пальца? Хотел быть мужем, а стал лакеем. Когда я умолял тебя родить ребеночка, ты рассмеялась мне в лицо! Ребеночек! Маленький Гробз! Ты выплонула тогда мое имя с таким видом, будто тебе уже делали аборт. И засмеялась. Ты такая уродина, когда смеешься, какая же ты уродина! Что ж, давай, расскажи им правду! Пусть знают! Расскажи им, что все мужчины – просто умственно отсталые дети! Что они, как бычки, пойдут за тобой, стоит помахать у них перед носом красной тряпкой! Что они будут строиться, как солдатики! Кстати, пора бы задуматься и насчет мусечки. Не нравится мне эта история с Шавалем».

– Вот я и возьму с тебя пример. Буду работать. И выкручусь как-нибудь.

– Ты, между прочим, не одна, Жозефина! Тебе двух дочерей кормить.

– Нет нужды напоминать, мама, я знаю. И никогда не забывала.

Ирис слушала их и думала, что вскоре ее, возможно, постигнет та же участь. Если Филипп, преисполнившись безоглядной смелости, потребует свободы... Она представила его отважным, бестрепетным мушкетером, улыбнулась. Ну нет! Они запутались в одной и той же сети, их поработила респектабельность. Тут волноваться не о чем. И что она вечно боится всего на свете?

– Мне кажется, ты чересчур легкомысленна, Жозефина. Я всегда знала, что ты слишком наивна для современной жизни. Слишком незащищенна, бедная моя деточка!

У Жозефины от гнева потемнело в глазах. Все те слезливые, жалостливые слова, которые она выслушивала от матери долгие годы, теперь взорвались в ее сердце подобно снарядам, и она не выдержала:

– Ты достала меня, мама! И твои благоразумные речи меня достали! Видеть тебя не могу! Думаешь, я тупо глотаю твои поучительные истории про достойную мать? Думаешь, я не знаю, что ты сделала с Шефом? Что я не догадывалась о твоих гнусных маневрах? Ты вышла замуж за его деньги! Вот, как ты «поднялась», и никак иначе! Не потому, что ты была смелой, работающей и полной всяких достоинств! Так что не читай мне мораль. Если бы Шеф был бедным, ты бы даже не взглянула в его сторону. Нашла бы кого-нибудь другого. Я не такая простофиля, как ты думаешь. Я приняла это, поняла, что ты старалась ради нас, я даже сочла бы твой поступок красивым и благородным, если бы ты все время не выставляла себя жертвой, не говорила бы обо мне с таким презрением, словно я жалкая неудачница... Мне надоело твое лицемерие, твоя ложь, твои скрещенные на груди руки и снисходительный тон... Ты мне нотации тут читаешь, а сама по сути занималась древнейшей профессией!

Потом обернулась к Шефу, который уже слушал не таясь:

– Прости меня, Шеф...

И глядя в его славное лицо с открытым от удивления ртом, смешное, но такое доброе лицо, она вдруг почувствовала ужасные угрызения совести и только растерянно повторяла:

– Прости меня, прости... Я не хотела сделать тебе больно...

– Полно, малышка Жози, я не вчера родился...

Жозефина покраснела. Она не хотела и слова о нем сказать, но не смогла сдержаться

– Как-то само вырвалось.

Ясно, вырвалось, никто и не сомневался. Тем временем ее мать, безмолвная и бледная, рухнула на диван и, обмахиваясь рукой как веером, закатила глаза, чтобы привлечь к себе внимание.

Жозефину передернуло от бешенства. Сейчас потребует стакан воды, выпрямится, попросит подушку под спину, примется стонать, дрожать и сверлить ее враждебным взглядом, в котором отразится давно всем известный текст: «Я столько для тебя сделала, и вот она, твоя благодарность, не знаю, смогу ли тебя простить, если ты хочешь моей смерти, ждать осталось недолго, лучше умереть, чем иметь такую дочь...» Она мастерски умела пробуждать у близких чувство жесточайшей вины, чтобы человек, дерзнувший возразить ей, потерялся и начал просить прощения. Жозефина не раз наблюдала, как она проделывала это сначала с ее отцом, потом с отчимом.

Надо срочно покинуть гостиную, посидеть с Кармен на кухне, прийти в себя. Сполоснуть лицо холодной водой, выпить аспирин. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Разбитой, но... счастливой, потому что впервые увидела себя настоящей, той самой Жозефиной, женщиной, которую она толком-то и не знала, с которой прожила сорок лет, практически не обращая на нее внимания, и с которой сейчас ей ужасно хотелось подружиться. Впервые эта женщина осмелилась противоречить матери, сказать то, что думала. По форме получилось не слишком-то элегантно, даже грубовато и сумбурно – тут не поспоришь, – но содержание порадовало ее безмерно. Теперь надо было закрепить успех этой новой женщины, и, подойдя к стенающей на диване матери, она добавила тихо, но твердо:

– Кстати, мама, запомни! Я никогда ничего у тебя не попрошу, ни единого гроша, ни единого совета. Справлюсь уж как-нибудь одна, без посторонней помощи, даже если мы с девочками будемдохнуть от голода! Вот тебе мое торжественное обещание: я больше не стану мяукать, как маленький бедный котенок, чтобы ты своими наставлениями вывела меня на верный путь. Перед тобой взрослая ответственная женщина, и я тебе это докажу.

Все, хватит, меня понесло, надо остановиться.

Анриетта Гробз резко отвернулась, словно ей было невыносимо видеть дочь, и невнятно пробормотала что-то вроде: «Пусть уходит! Пусть уходит! Я этого не вынесу! Я сейчас умру!»

Жозефина, про себя усмехнувшись столь предсказуемой реплике, пожала плечами и пошла прочь. Толкнула дверь гостиной – раздался приглушенный крик: Гортензия подслушивала, прижавшись ухом к деревянной панели.

– А тебе чего тут надо, детка?

– Опять ты намудрила! – сказала ей дочь. – Ну что, добила своего? Теперь тебе, надеюсь, легче стало?

Жозефина предпочла не отвечать и заскочила в соседнюю комнату. Это был кабинет Филиппа Дюпена. Сперва она не увидела хозяина, лишь услышала голос. Он стоял за тяжелыми красными шторами с позументом и что-то тихо говорил, прижимая к уху телефон.

– Ох, прости! – сказала она, закрывая за собой дверь.

Филипп тут же прервал разговор. Она услышала: «Я перезвоню».

– Я не хотела тебя беспокоить...

– Извини, разговор затянулся...

– Просто думала отдохнуть... Подальше от...

Она вытерла пот со лба, топчась на месте в надежде, что он предложит ей присесть. Не хотелось мешать ему, но еще больше не хотелось возвращаться в гостиную. Он некоторое время смотрел на нее, обдумывая, что сказать, как связать воедино прерванный разговор и эту несусальную, стеснительную женщину, которая чего-то ждала от него. Он всегда чувствовал себя неловко с теми, кто чего-то ждал от него. Он их не выносил и не испытывал ни малейшего сочувствия к тем, кто его об этом просил. Мгновенно становился холод-

ным и высокомерным, стоило только кому-то покуситься на его внутренний мир. Однако Жозефину он жалел – омерзительное ощущение! Уговаривал себя быть любезным, помочь ей, хотя в действительности хотел лишь одного: поскорее от нее избавиться. Вдруг у него появилась идея.

– Послушай-ка, Жозефина, ты знаешь английский?

– Английский? Ну конечно! Английский, русский и испанский.

От радости, что он наконец заговорил, она вдруг гордо выдала эту похвальбу и, смущенно кашлянув, замолчала. Вот ведь расхвасталась! Вообще-то ей было не свойственно так выставляться, но недавняя вспышка гнева словно смела все прежние запреты.

– Я слышал от Ирис, что ты...

– Вот как! Она все рассказала?

– Могу предложить тебе работу. Нужно перевести важные деловые контракты. Скука смертная, зато неплохо оплачивается. У нас этим занималась одна сотрудница, но она ушла. Говоришь, еще и русский? И как ты им владеешь? Сможешь учесть все тонкости в деловом документе?

– Да, я хорошо знаю русский.

– Ну тогда проверим. Я дам тебе документ на пробу...

Филипп Дюпен некоторое время молчал. Жозефина не решалась заговорить. Она всегда робела перед этим идеальным мужчиной, но, как ни странно, он оказался весьма человечным. У него вновь зазвонил мобильный, но он не ответил. Жозефина была ему за это благодарна.

– У меня к тебе одна просьба, Жозефина, никому об этом не говори. Вообще никому. Ни матери, ни сестре, ни мужу. Пусть все останется между нами. В смысле, между тобой и мной.

– Оно и лучше, – вздохнула Жозефина. – Не представляешь, как надоело оправдываться перед всеми этими людьми, которые считают меня квелою и вялой...

Слова «квелою» и «вялой» вызвали у него улыбку и мигом сняли напряжение. А ведь бедняжка права. Какая-то она... пресная, что ли. Как раз такие слова он бы употребил, если бы пришлось составлять ее портрет. Он почувствовал симпатию к своей неуклюжей, но трогательной свояченице.

– Я очень тебя люблю, Жозефина. И очень уважаю. Не надо краснеть. Ты добрая и смелая...

– Раз уж не красивая и не загадочная, как Ирис.

– Ирис действительно очень красива, но у тебя другая красота.

– Ох, Филипп, хватит! А то разревусь... Я сейчас чувствительна не в меру... Если бы ты знал, что я сейчас натворила...

– Антуан ушел, да?

Она имела в виду не это, но тут же вспомнила: и правда, Антуан ушел.

– Да...

– С каждым такое может случиться...

– Да, – криво улыбнулась Жозефина, – видишь, даже в своем несчастье я не оригинальна.

Они улыбнулись друг другу, помолчали. Потом Филипп Дюпен встал и заглянул в ежедневник.

– Давай завтра в три часа дня в моем кабинете. Годится? Я познакомлю тебя с сотрудницей, ответственной за переводы...

– Спасибо, Филипп. Большое спасибо.

Он приложил палец к губам, напоминая, что все нужно держать в секрете. Она кивнула в ответ.

В гостиной, сидя на коленях у Марселя Гробза и глядя его лысину, Гортензия размышляла, о чем это так долго разговаривают ее мать с дядей, запершись в кабинете, и как ей исправить очередную мамину глупость.

Часть вторая

Сидя за кухонным столом, Жозефина разбирала счета.

Октябрь. Начался новый учебный год. Она все осилила: книжки и тетрадки, лабораторные халаты, портфели, физкультурную форму, школьные обеды, страховки, налоги и квартплату.

– И все сама! – вздохнула она, положив карандаш.

Настоящий подвиг.

Конечно, это благодаря переводам для конторы Филиппа. Она напряженно работала в июле и августе. Осталась в городе, никуда не поехала отдыхать. Единственное развлечение – полить цветочки на балконе! Белая камелия доставляла много хлопот. Антуан, как и договорились, забрал девочек в июле, а в августе Ирис пригласила их в Довиль. Жозефина приезжала к ним на недельку в середине августа. Девочки выглядели прекрасно. Загорели, отдохнули, подросли. Зоэ выиграла конкурс по строительству замков из песка и хвасталась призом: цифровым фотоаппаратом. «Ого! – сказала Жозефина, – сразу видно, что вы живете в богатом доме!» Гортензия неодобрительно взглянула на нее. «Ох, дорогая, так прекрасно расслабиться и нести всякую чушь!» – «Да, конечно, но ты рискуешь обидеть Ирис и Филиппа, а они к нам так добры».

Жозефина пообещала впредь быть осмотрительней и не говорить все, что взбредет в голову. Она гораздо свободней чувствовала себя с Филиппом: как будто они с ним коллеги, хотя это было явным преувеличением. Как-то вечером они оказались вдвоем на деревянном понтоне, выступающем далеко в море; он рассказал ей о деле, за которое только что взялся, о том, что именно благодаря ее переводу смог составить о нем верное представление. Они выпили за здоровье нового клиента. Жозефине было очень приятно.

Жили они в красивом доме, с одной стороны море, с другой – дюны; каждый вечер устраивали праздники, ездили на рыбалку, жарили пойманную рыбу на решетках, изобретали новые коктейли, девочки валились в песок и ужасно воображали оттого, что слегка напились.

Она скрепя сердце вернулась в Париж. Но когда посмотрела на чек, выписанный секретаршей Филиппа, жалеть перестала. Сперва подумала: тут какая-то ошибка. У нее возникло подозрение, что Филипп ей переплачивает. Она редко его видела; как правило, имела дело с секретаршей. Иногда он оставлял ей записки, в которых благодарил за прекрасную работу. Однажды даже добавил: «P.S. От тебя я другого и не ожидал».

Сердце Жозефины бешено забилося: она вспомнила разговор в его кабинете и тот вечер, когда... когда поссорилась с матерью.

А потом помощница Филиппа, та, которой она обычно сдавала работу, спросила, по плечу ли ей переводить с английского литературные произведения. «В смысле, книги?» – переспросила Жозефина, вытаращив глаза. – «Ну да, именно...» – «Настоящие книги?» – «Да...» – ответила сотрудница, несколько раздраженная дурацкими вопросами. – Один из наших клиентов – издатель, ему требуется быстрый и качественный перевод биографии Одри Хепберн. Я тут же подумала о вас». – «Обо мне?» – повторила Жозефина сдавленным голосом, потрясенная до глубины души. – «Ну конечно, о вас», – ответила мадемуазель Каролина Вибер, уже заметно нервничая. – «Ох... я с удовольствием! – сказала Жозефина, стараясь сгладить впечатление. – О чем речь! А когда нужно сдавать работу?»

Мадам Вибер дала ей телефон издателя, и все мгновенно решилось. За два месяца надо было перевести книгу «Жизнь Одри Хепберн», 352 страницы мелким шрифтом! Два месяца, подсчитала Жозефина, значит, к концу ноября.

Она вытерла пот со лба. Ведь у нее были и другие дела. Она должна была выступить на конференции в Лионском университете, подготовив доклад страниц на пятьдесят о работах швейных мастерских XII века. Средневековые женщины трудились не меньше, чем мужчины, но выполняли другие функции. По документам суконщиков на сорока одного работника мастерской приходилось двадцать женщин. Им были заказаны профессии, которые считались утомительными, связанными с тяжелым физическим трудом. Например, работа на ткацком станке требовала постоянного напряжения рук. Многие превратно представляют себе эту эпоху, воображая, что женщины затворялись в своих замках, затянутые в корсеты и закованные в пояса целомудрия, но на самом деле они вели довольно активную жизнь, особенно представительницы низших сословий. Аристократки – в меньшей степени, конечно. Жозефина задумалась, как начать доклад. Может, историческим анекдотом? Или статистикой? Или для начала вывести общие закономерности?

Карандаш застыл в воздухе: она размышляла. Как вдруг посторонняя мысль бомбой взорвалась у нее в голове: она забыла спросить, сколько заплатят за Одри! Как трудолюбивая швея, взяла работу, а про деньги забыла. Ее охватила паника – вот вляпалась! Как поступить? Позвонить и сказать: «А кстати, сколько вы мне заплатите? Глупо, конечно, но я совсем забыла это с вами обсудить». Спросить у Каролины Вибер? Ни в коем случае. Квеляя и вялая, квеляя и вялая, квеляя и вялая. «Все произошло слишком быстро!» – сокрушалась она. Ну а как иначе? Людям не дают времени на раздумья. Зря она не записала на бумажке все вопросы, отправляясь на собеседование. В следующий раз надо соображать и действовать быстрее. Это ей-то, бедной ученой улисточке...

Ширли здорово помогала ей в переводе. Жозефина отмечала слова или выражения, в которых сомневалась, и бежала к соседке. Так и бегала туда-сюда.

Зато теперь ее подсчеты ясно показывали, что она неплохо справляется. В радостном возбуждении Жозефина развела руки в стороны, словно устремляясь в полет. Счастлива! Счастлива! Потом она стала молить небо, чтобы чудо продлилось, не исчезло. Она никогда не говорила себе: все потому, что я работаю, неустанно работаю. Нет! Никогда Жозефина не пыталась установить связь между работой и вознаграждением. Никогда не поздравляла, не хвалила себя. Она благодарила Бога, небо, Филиппа или мадам Вибер и даже не думала урвать себе хоть частицу славы за те часы, что провела, склонившись над словарем и листом бумаги.

Надо бы купить компьютер, так дело пойдет быстрее. Нет, это немалые деньги, сказала она себе и махнула рукой.

В одной колонке значились доходы, в другой расходы. Карандашом она записывала вероятные прибыли и траты, красной ручкой – те, в которых была уверена. И округляла, сильно округляла, причем не в свою пользу. Чтобы оставался некоторый запас и можно было не бояться непредвиденных трат. Но, как ни печально, запаса почему-то не оставалось! Слуцись что-нибудь – разразится катастрофа!

А помочь некому.

Вот оно, истинное значение слова «одиночество». Раньше, вдвоем было проще. Раньше Антуан следил за всем. Она подписывала везде, где он показывал пальцем. Он смеялся и говорил: «Ты ведь так можешь любую ерунду подписать», а она отвечала: «Ну конечно! Я же тебе доверяю!» Он целовал ее в шею, пока она расписывалась.

Теперь ее никто не целует в шею.

Они так и не завели речь о разводе. Она все так же легко подмахивала все бумажки, которые он ей давал. Без лишних вопросов. Закрывая на все глаза, лишь бы длилась эта связь между ними. Муж и жена, жена и муж. В горе и в радости.

Он продолжал «проветриваться». С Миленой. Полгода – достаточный срок, чтобы развеяться, подумала Жозефина, чувствуя, как в ней закипает гнев. Последнее время эти внезапные вспышки гнева случались все чаще и чаще.

Когда он приехал за девочками в начале июля, ей стало больно. Очень больно. Хлопнула дверца лифта. «Пока, мамуля, хорошо тебе поработать!» – «А вам хорошо отдохнуть! Развлекайтесь как следует!» И тишина на лестничной клетке. А потом... она выбежала на балкон и увидела, как Антуан грузит чемоданы в багажник. Из переднего окна рядом с водителем, где обычно сидела она, торчал локоть. Локоть, обтянутый тонкой красной тканью.

Милена!

Он берет ее на каникулы с девочками.

Милена!

Она сидит на ее месте.

И даже не скрывается, высунула локоть в окно. Свой красный локоть.

У Жозефины возникло минутное желание побежать вниз за девочками и за шкуру вырвать их из когтей отца, но она сдержалась. Антуан имеет право. Ничего не поделаешь.

Она так и осела на бетонный пол балкона. Прижала сжатые кулаки к глазам и плакала, плакала. Долго. Не шевелясь. В голове крутились одни и те же кадры. Антуан знакомит Милену с девочками, Милена улыбается. Антуан ведет машину, Милена смотрит карту. Антуан предлагает заехать куда-нибудь перекусить, Милена выбирает ресторан. Антуан снимает квартиру. Комната девочек, их комната с Миленой. Он спит с Миленой, а девочки спят в соседней комнате. Утром они завтракают вместе. Все вместе! Антуан идет на рынок с девочками и Миленой. Он бежит по пляжу с девочками и Миленой. Он везет девочек и Милену на сельский праздник. Покупает Милене и девочкам сладкую вату. Слова сплетались в бесконечный припев «девочки и Милена, Антуан и Милена». Она набрала побольше воздуха в легкие и заорала: «Дружная семейка, вашу мать!» И так удивилась своему крику, что перестала плакать.

В тот день Жозефина поняла, что ее браку конец. Локоть, обтянутый красной тканью, оказался эффективнее, чем все слова, которыми они обменялись с Антуаном. «Конец», – произнесла она, рисуя на листке бумаги треугольник и раскрашивая его ярко-алым цветом. Ко-нец. Финиш.

Она повесила красный треугольник на кухне над тостером, чтобы любоваться им каждое утро.

На следующий день снова погрузилась в свои переводы.

Потом уже, приехав к Ирис в Довиль, она узнала, что Зоэ много плакала тогда в июле. Ей сказала об этом Ирис, а той рассказал Александр – Зоэ доверилась только ему. «Антуан посоветовал им привыкать к Милене, потому что он собирается жить с ней, они затеяли какой-то бизнес... Какой? Никто не знает». Девочки молчали. Жозефина решила умерить свое любопытство и ничего не выпрашивать.

«Неудачно бедняжки вступают в жизнь, – объявила мадам Мать в разговоре с Ирис. – Бог мой, какие горести выпадают на долю детей в наши дни! И еще удивляются, что в обществе все идет кувырком. Раз уж родители не умеют держать себя в руках, чего же ждать от детей?»

Мадам Мать. Жозефина с ней больше не встречалась. С того майского вечера. С той ссоры в гостинной Ирис. Ни звонка. Ни письма. Ничего. Жозефина не то чтобы все время об этом думала, но если видела на улице свою ровесницу, склонившуюся к пожилой женщине и называющую ее «мама», ноги у нее подкашивались и она спешила присесть на скамейку.

Тем не менее она не собиралась делать первый шаг. Ни об одном слове, сказанном тогда, она не жалела.

Ей даже казалось, что именно эта ссора с матерью дала ей силы для работы. «Когда не врешь, начинаешь верить в себя. В тот день ты не стала врать и вон, смотри, как ты продвинулась!» Это была теория Ширли. Возможно, Ширли права.

Одна. Без Антуана, без матери. Без мужчины.

Недавно в библиотеке она шла по узкому проходу между стеллажами, не заметила идущего навстречу мужчину и, столкнувшись с ним, рассыпала книги, что держала в руках. Он наклонился, помог их собрать. Потом уставился на нее так, что на нее напал дикий смех. Ей пришлось выйти, чтобы успокоиться. Когда зашла обратно, он подмигнул ей с заговорщическим видом. Жозефина почувствовала, как все внутри перевернулось. Она еще долго пыталась вновь поймать его взгляд, но он больше не поднимал головы от своих записей. Когда она в очередной раз посмотрела в его сторону, его уже не было за столом.

В другой раз он заметил ее, махнул рукой и ласково улыбнулся. Высокий, худой, волосы падают на глаза, щеки такие впалые, что кажется, он их втянул. Он аккуратно вешал свое темно-синее шерстяное пальто на спинку стула, отряхивал его, расправлял, а потом балетным движением усаживался верхом на стул. У него были длинные тонкие ноги, и Жозефина представляла его на сцене, танцующим чечетку в черном трико, черной куртке и черном цилиндре. Лицо на удивление подвижное: то вдохновенное, романтическое, а через секунду – бледное и грустное. Жозефина не могла ручаться, что узнала бы его на улице, потому что порой забывала, как он выглядит, и вспоминала с трудом.

Она не решилась рассказать о нем Ширли. Та, конечно, посмеялась бы над ней. «Да надо было пригласить его на чашечку кофе и все выяснить, и как его зовут, и по каким дням он ходит в библиотеку! Вот дуреха!»

Ну да... Я дуреха, это для меня не новость, вздохнула Жозефина, в который раз пересчитывая приходы-расходы. Я все вижу, я все чувствую, тысячи мелочей вонзаются в мой мозг, словно занозы, и рвут его на части. Тысячи мелочей, которых не замечают другие, потому что у них кожа толстая, как у крокодилов.

Самое трудное – не поддаваться панике. Паника, как правило, накатывала по ночам. Жозефина чувствовала все нарастающее ощущение опасности, неизбежной и непредотвратимой. Она крутилась в постели без сна. Коммунальные услуги, взносы, налоги, наряды Гортензии, бензин, страховка, телефонные счета, абонемент в бассейн, каникулы, билеты в кино, обувь, походы к зубному... Она перебирала в уме расходы, глядя в темноту широко открытыми глазами, потом оборачивалась простыней и старалась ни о чем не думать. Бывало, проснется среди ночи, сядет в кровати и подсчитывает, подсчитывает, пока не убедится, что нет, ничего не выйдет, хотя вчера днем цифры говорили другое! Она в панике зажигала свет, шла искать клочок бумаги со своими подсчетами, пересчитывала все заново до тех пор, пока наконец не успокаивалась, и гасила свет, совершенно разбитая.

Она боялась ночей.

Бросив последний взгляд на цифры, написанные простым карандашом, и на цифры, написанные красной ручкой, Жозефина с облегчением поняла, что пока можно не волноваться. Мысли ее вернулись к конференции: нужно подготовиться. Вспомнился отрывок из одной книги. Она подумала, что его хорошо бы переписать и использовать в докладе. А когда нашла, поняла, что это отличное начало.

«Все исследователи, изучающие экономическую историю, придают большое значение эпохе с 1070 по 1130 год: для этого времени характерны появление новых городов и расширение старых, проникновение товарно-денежных отношений в деревню, установление торговых связей между городами. Однако эта динамичная, новаторская эпоха характеризуется так же увеличением всякого рода податей и налогов со стороны сеньоров. Как соотносятся между собой эти два факта: экономический подъем происходит вопреки усилению феодального давления или же благодаря ему?»

Пока Жозефина писала, елозя локтем по клеенке, в голове вертелся вопрос: а не эта ли закономерность просматривается и в ее жизни? Оставшись один на один со счетами, по которым надо платить, она многому научилась и стала мудрее. Как будто опасность подстегивала ее, заставляла двигаться быстрее и работать, работать...

Если деньги не будут улетучиваться так быстро, следующим летом на каникулы я смогу снять девочкам дом, покупать им ту одежду, которая им нравится, водить их в театры, на концерты... Хотя раз в неделю мы будем наряжаться и ужинать в ресторане! Я схожу в парикмахерскую, куплю себе красивое платье, Гортензия перестанет стыдиться меня...

Жозефина немного замечталась, но сразу опомнилась: ведь она обещала Ширли помочь отвезти пироги на свадьбу. Большой заказ. Кто-то должен держать коробки, чтобы пироги не рассыпались в машине, и остаться за рулем, если не удастся припарковаться.

Она аккуратно сложила листочки с вычислениями и счета, положила на место карандаш и красную шариковую ручку. Некоторое время сидела неподвижно, покусывая колпачок, потом встала, накинула пальто и направилась к Ширли.

Подруга ждала ее на площадке, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. Ее сын Гэри стоял в дверном проеме. Он махнул Жозефине рукой и закрыл дверь. Жозефина едва не вскрикнула от удивления, и Ширли это заметила.

– Что случилось? Ты увидела призрак?

– Нет, но Гэри... Я вдруг увидела в нем мужчину, того мужчину, каким он станет через несколько лет. До чего красив!

– Да, я знаю, женщины уже начинают обращать на него внимание.

– А он сам знает?

– Нет! И я не собираюсь ему об этом сообщать. Не хочу, чтобы он погруз в самолюбования.

– Погруз в самолюбования, Ширли, не погруз.

Ширли пожала плечами. На полу стояли коробки с горячими пирогами.

– Скажи... Его отец, наверное, был хорош собой?

– Отец его был одним из самых красивых мужчин на свете... Это было главным его достоинством.

Она нахмурила брови и махнула рукой, словно отгоняя неприятное воспоминание.

– Ну ладно... Что будем делать?

– Как скажешь... Ты у нас все знаешь, вот и решай.

Ширли тут же наметила план.

– Спускаемся вниз, ты стоишь с пирогами, я подгоняю машину, грузимся и едем. Вызывай лифт и держи дверь.

– А Гэри едет с нами?

– Нет. Заболел его учитель французского. Что-то он все время болеет. Вместо того, чтобы учиться, парень валяется на диване и читает Ницше. У кого-то растут прыщавые балбесы, а у меня, видишь ли, интеллигент! Пошли, теряем время на болтовню, move on⁵!

Жозефина молча повиновалась.

Через несколько минут коробки были погружены в машину, Жозефина села рядом, придерживая их рукой.

– Взгляни на карту, – велела Ширли, – мы можем как-то объехать авеню Бланки?

Жозефина взяла с пола план и стала его изучать.

– До чего ты медлительная, Жози!

– Это не я медлительная, это ты все время спешишь. Дай мне спокойно посмотреть.

⁵ Шевелись! (англ.)

– Ты права. Хорошо, что ты со мной поехала. Я должна спасибо тебе сказать, а не рвякать на тебя.

Вот за что я люблю эту женщину, подумала Жозефина, изучая карту. Если не права – всегда признает ошибку. Она предельно честна. Всегда и говорит, и делает то, что думает. Нет в ней ни лжи, ни фальши.

– Ты можешь проехать по улице Артуа, повернуть на Марешаль-Жофф, а там первый поворот направо, и ты попадаешь на улицу Клеман-Маро...

– Спасибо. Я должна была приехать туда к пяти, а тут они перезвонили и сказали, что надо быть в четыре, иначе я могу засунуть свои пироги куда мне угодно. Это важный клиент, он знает, что я буду его низкопоклонничать.

Когда Ширли волновалась, она делала ошибки, хотя в целом ее французский был безупречен.

– Общество издевается над людьми. Оно ворует у них время, единственную вещь, которой нет цены, которой каждый волен распоряжаться как хочет. Все устроено так, чтобы мы положили наши лучшие годы на алтарь экономики. И что же после этого нам остается, а? Годы более или менее мерзкой старости с ее вставными зубами и подгузниками! Есть в этом какая-то подлость, ну согласись!

– Наверное, ты права, но я не знаю, как это изменить. Тогда уж нужно менять все общество. Некоторые до нас пытались, и результаты были неутешительные. Если ты пошлешь куда подальше своего клиента, он найдет себе кого-нибудь еще, а ты потеряешь рынок сбыта своих пирогов.

– Да знаю, знаю... Я просто ворчу, потому что мне от этого легче! Выпускаю пар... А потом, можно же и помечтать.

Их подрезал какой-то мопед, Ширли выдала длинную тираду английских проклятий.

– Какое счастье, что Одри Хепберн разговаривала не так, как ты! Мне трудно было бы это перевести.

– Откуда ты знаешь? Может, она порой и облегчала душу крепким словцом. Просто этого не пишут в биографии, вот и все.

– Ну, она производит впечатление безупречно воспитанного человека. Ты обратила внимание, что все ее романы кончались замужеством?

– Опять же так написано у тебя в книжке! На съемках «Сабрины» она крутила роман с Уильямом Холденом, а он был женат.

– Да, но в итоге она ему отказала. Он признался ей, что стерилизован, а она хотела кучу детей. Она была создана для этого. Для брака и детей... Как и я, – тихо добавила Жозефина.

– Да уж, после того, что она пережила в юности, ей только и грезился home, sweet home...⁶

– А-а! Ты тоже удивилась, да? Глядя на нее никогда не подумаешь, что эта нежная хрупкая девочка на такое способна.

Во время Второй мировой войны пятнадцатилетняя Одри Хепберн участвовала в голландском Сопротивлении. Она была связной, проносила важные донесения под стельками туфель. Однажды, когда она возвращалась с задания, ее задержали нацисты и с десятком других женщин повели в комендатуру. Ей удалось сбежать и спрятаться в подвале дома. В ее школьной сумке был только яблочный сок и кусок хлеба. Почти месяц она просидела в обществе голодных крыс, а на дворе уже стоял август 44-го, до освобождения страны оставалось два месяца. Полуживая от голода и страха, она как-то ночью вылезла из подвала и пробралась домой.

⁶ Здесь: родной очаг (англ.).

– А еще я обожаю историю про самую сексуальную женщину в мире, – сказала Жозефина.

– Что за история?

– После дебюта в Англии ее часто приглашали на вечеринки. А она была девушкой закомплексованной, стеснялась своих больших ног и маленькой груди. И придумала такую штуку: садилась в дальний угол и повторяла про себя: «Я самая желанная женщина в мире! Мужчины так и падают к моим ногам, мне остается только собирать их!» – повторяла, повторяла, и это срабатывало! К концу вечера вокруг нее так и роились мужчины!

– Надо и тебе попробовать.

– Мне?.. Ты что!

– Да, знаешь... ты чем-то похожа на Одри Хепберн.

– Хватит издеваться надо мной.

– Нет, правда! Осталось только сбросить лишние килограммы! У тебя уже есть большие ноги, маленькая грудь, огромные карие глаза и жидкие каштановые волосы.

– Вредина!

– Вовсе нет! Ты же меня знаешь: что думаю, то и говорю.

Жозефина чуть помялась, потом – очертя голову:

– Я заметила одного типа в библиотеке.

Она рассказала Ширли, как столкнулась с ним, уронила книги, расхохоталась, и как между ними сразу возникла некая связь.

– Каков он из себя?

– Похож на вечного студента... Носит шерстяное английское пальто с капюшоном. Такие пальто, как правило, носят вечные студенты.

– Или режиссер, который собирает материал, или кабинетный ученый, или историк, который пишет диссертацию о сестре Жанны д'Арк... Вариантов масса.

– Я впервые обратила внимание на какого-то мужчину с тех пор, как... – Жозефина запнулась. Ей все еще трудно было говорить об уходе Антуана. Сглотнув, продолжила: – С тех пор, как ушел Антуан...

– А с тем парнем ты еще виделась?

– Один или два раза. Каждый раз он мне улыбался. Мы не можем поговорить в библиотеке, там это не принято, всем нужна тишина. Переговариваемся глазами. Он красивый, до чего же он красивый! И романтичный!

Они остановились на светофоре, Жозефина воспользовалась этим, чтоб достать из кармана карандаш и листок бумаги.

– Ты знаешь, Одри ведь еще снималась с Гэри Купером... У него какой-то странный английский.

– О, это был настоящий ковбой. Он родом из Монтаны. Он говорил не «yes» и «no», а «уир» и «поре». Человек, о котором грезил миллионы женщин, говорил, как простой рабочий! И – не хочу тебя разочаровывать – он был не семи пядей во лбу.

– Вот он там еще говорит: «Am only in film because ah have a family and we all like to eat!» Как бы ты это перевела, чтобы сохранить ковбойскую речь?

Ширли почесала в затылке, нажала на газ, крутанула руль влево, потом вправо, обругала пару водителей, выбралась из пробки и выдала:

– Можешь написать так: «Дык я с энтим кином связался, тока шоб семейство свое прокормить, они ж все кушать хочут». Что-то в этом роде. Посмотри по карте, могу ли я повернуть направо, а то здесь все забито.

– Можешь. Но потом нужно будет опять налево.

– Я не я буду, если не доеду вовремя.

Жозефина улыбнулась. Рядом с Ширли жизнь всегда набирала обороты. Она не считалась с общепринятыми нормами, условностями и предрассудками. Она точно знала, чего хотела, и прямо шла к намеченной цели. Все для нее было просто и понятно. Жозефину иногда шокировала ее манера воспитывать Гэри. Она разговаривала с сыном, как со взрослым, ничего от него не скрывала, даже рассказала, как его отец сбежал сразу после его рождения, и обещала открыть имя беглеца, если Гэри захочется с ним поговорить. Объяснила, что была безумно влюблена, что родила его отнюдь не случайно, что сейчас мужчинам тяжело живется, женщины требуют от них все больше, а у многих силенок нет все это выдержать. Вот они и сбегают. Больше Гэри ни о чем ее не спрашивал.

На каникулы Ширли уезжала в Шотландию. Она хотела, чтобы сын узнал родину предков, выучил английский, приобщился к другой культуре. Последний раз Ширли вернулась мрачной, проронила что-то вроде: «На будущий год поедем в другое место...» – и больше не возвращалась к этой теме.

– О чем ты думаешь? – спросила Ширли.

– Я думаю о твоей тайной жизни, о том, что ты мне не рассказываешь...

– Так это и к лучшему! Скучно знать о ком-то все.

– Ты права... Но знаешь, иногда мне хочется состариться побыстрее и понять наконец, что я за человек.

– Мне кажется... это, конечно, мое личное мнение... но стоит покопаться в своем детстве. Что-то там такое произошло, отчего тебя заклинило. Я часто не понимаю, почему ты так пренебрежительно к себе относишься, почему ты настолько неуверена в себе...

– Представь себе, я тоже не понимаю.

– Уже хорошо, начало положено. Вопросы – первая деталь пазла, который тебе надо собрать. Многие люди никогда не задают себе никаких вопросов, живут с закрытыми глазами и ничего не ищут...

– Это явно не про тебя!

– Точно. А теперь, надеюсь, и не про тебя. Раньше ты была полностью погружена в семью, и свои исследования, но теперь ты высунула голову наружу и сможешь узнать много интересного, поверь! Как начнешь шевелиться, жизнь вокруг тебя тоже сдвинется с места. Никуда от этого не денешься. Далеко нам еще?

Ровно в четыре они увидели ограду дома, в котором располагалась домовая кухня Парнелла. Ширли припарковалась прямо у входа, перекрыв въезд и выезд другим машинам.

– Ты посидишь здесь и отгонишь машину, если кто будет возмущаться, а я пошла.

Жозефина кивнула, пересела на водительское место и смотрела, как Ширли управляется с пирогами. Широко шагая, она несла стопку коробок, прижав их к груди и придерживая обеими руками и подбородком. Ее и правда со спины можно принять за мужчину! В этом рабочем комбинезоне и куртке она похожа на какого-то мельника. Но стоило взглянуть ей в лицо, как она превращалась в Уму Турман или Ингрид Бергман – такую вот белокурую, высокую, плечистую красавицу с обаятельной улыбкой, белой кожей и кошачьими глазами.

Назад Ширли прибежала вприпрыжку, звонко расцеловала Жозефину в обе щеки.

– Дело в шляпе! Снимаемся с мели! Этот клиент, конечно, нервы мотает, но зато платит как следует! Сходим в кафе, съедим по мороженому??

Обратно они ехали не спеша. Под уютное урчание мотора Жозефина лениво обдумывала доклад и вдруг подскочила, забыв обо всем на свете: высокий мужчина пересек улицу перед их машиной.

– Гляди! – воскликнула Жозефина, хватая Ширли за рукав. – Вон там, перед нами.

Мужчина с довольно длинными каштановыми волосами неторопливо переходил дорогу, засунув руки в карманы английского пальто.

– Не особенно нервный парень... ты его знаешь?

– Это он и есть, тот парень из библиотеки! Ну этот... видишь, какой он красивый и какой... беспечный.

– Беспечный – не то слово!

– Какая походка! Он еще красивее, чем казался в библиотеке.

Жозефина откинулась на сиденье, испугавшись, что он ее заметит. Потом, не выдержав, привстала и уткнулась носом в лобовое стекло. Молодой человек в английском пальто обернулся и бурно замахал руками, показывая на светофор: уже зажегся зеленый.

– Ого! – воскликнула Ширли. – Нет, ты погляди!

Молодая, стройная, прелестная блондинка бросилась к нему, обняла. Одну руку положила в карман пальто, другой погладила его по щеке. Мужчина прижал ее к себе и поцеловал.

Жозефина опустила голову и тяжело вздохнула.

– Все ясно...

– Что ясно? – взревела Ширли. – Ясно, что он тебя не видел! Ясно, что он вполне может поменять мнение. Ясно, что тебе пора стать Одри Хепберн и охмурить его! Ясно, что надо поменьше лопать шоколада во время работы! Ясно, что ты должна похудеть! Ясно, что когда от тебя останутся одни глазищи и осиная талия, он упадет к твоим ногам! И тогда ты будешь совать руку ему в карман пальто! И тогда вы оба будете порхать от счастья! Именно так ты должна рассуждать, Жози, и только так.

Жозефина слушала ее, не поднимая головы.

– Видно, я не создана для бурных романов.

– Только не говори мне, что ты уже сочинила себе целый роман!

Жозефина уныло кивнула.

– Боюсь, что да...

Ширли нажала на газ, вцепилась в руль, машина резко рванула вперед, впечатав ярость хозяйки в горячий асфальт.

Утром, как только Жозиана пришла на работу, позвонил ее брат и сказал, что умерла мать. Хотя от матери ей никогда в жизни ничего, кроме тычков, не доставалось, она заплакала. Оплакивала умершего десять лет назад отца, свое детство, полное невзгод и страданий, материнскую нежность, которой не знала, веселье, которое не с кем было разделить, и добрые слова, которых никто не говорил, всю эту мучительную пустоту внутри. Она ощутила себя круглой сиротой и поняла, что стала ею на самом деле, отчего заплакала еще пуще. Она словно наверстывала упущенное: в детстве ей плакать не разрешали. Только наморщишь нос да пустишь слезу, как оплеуха свистя рассекает воздух и обжигает щеку. И сейчас, проливая слезы, она понимала, что тем самым протягивает руку помощи той маленькой девочке, которая не могла поплакать всласть, утешает ее, обнимает и жалеет. Смешно, она будто раздвоилась: тридцативосьмилетняя хитрая и решительная Жозиана, которая своего не упустит, и та, другая – маленькая чумазная неуклюжая девочка, у которой вечно болит живот от голода, холода и страха. Они соединились в этих рыданиях, и обеим было хорошо.

– Что здесь, в конце концов, происходит? Это какой-то кабинет плача, честное слово. И вы вдобавок к телефону не подходите!

Анриетта Гробз, прямая, как палка, в шляпе, похожей на огромный блин, разглядывала стоявшую у стола Жозиану, которая только сейчас заметила, что звонит телефон. Она подождала, когда звонки прекратятся, достала из кармана скомканный одноразовый платочек и высморкалась.

– Моя мама... – всхлипнула Жозиана, – умерла...

– Понимаю, печально, и тем не менее... Все рано или поздно теряют родителей, и надо быть к этому готовым.

– Ну что делать. Значит, я не была готова.

– Вы уже не ребенок. Возьмите себя в руки. Если все служащие понесут на предприятия свои личные проблемы, во что превратится Франция?

Взрыв чувств на работе – такую роскошь может позволить себе начальник, но никак не секретарша. Потерпела бы до вечера, а дома рыдай, сколько влезет! Она всегда недолюбливала Жозиану. Ей не нравилась ее самоуверенность, не нравилось, как она ходит, крутя задом, вся такая гладкая, полная, грациозная, как кошка, не нравились ее пышные светлые волосы, а особенно глаза. Ах! Какие у нее глаза! То смелые, живые, дразнящие, то плывущие, томные... Анриетта часто просила Шефа уволить ее, но он не соглашался.

– Мой муж здесь? – спросила она у Жозианы, которая, выпрямившись, упрямо глядела в сторону и следила за мухой, лишь бы не смотреть в лицо ненавистной старухе.

– Он где-то в здании, скоро вернется. Можете посидеть у него в кабинете, он будет с минуты на минуту... Дорогу знаете!

– Повежливей, деточка, вы не смеете говорить со мной в подобном тоне, – ответила уязвленная Анриетта.

Жозиана вскинулась, как гремучая змея:

– А вы не смейте называть меня деточкой! Я Жозиана Ламбер, и вовсе не ваша деточка! К счастью! А то бы давно уже сдохла.

Как же мне не нравятся ее глаза, подумала Жозиана. Маленькие, холодные, злые, скупые глазки, расчетливые и подозрительные. Как же не нравятся мне ее сухие тонкие губы и белесый налет в уголках рта. Гипс, что ли, во рту у этой женщины? Вечно обращается со мной, как с прислугой. Нашла чем гордиться: тем, что вышла замуж за хорошего парня и выехала на нем из нищеты. Пристроилась, нашла себе тепленькое местечко – а я вот возьму и перекрою ей отопление. Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

– Будьте осторожны, крошка Жозиана, учтите, муж со мной считается, а я могу решить, что вам не место в нашей фирме. Секретарш кругом полно. На вашем месте я бы следила за своей речью.

– А я на вашем месте не была бы так самоуверенна. Не мешайте мне работать и подождите в кабинете, – заявила Жозиана настолько властным тоном, что Анриетта Гробз послушалась и проследовала в кабинет скованной походкой робота.

На пороге она обернулась и, нацелив на Жозиану угрожающий перст, добавила:

– Мы не закончили, крошка Жозиана. Вы еще обо мне услышите, и могу я вам дать добрый совет: пакуйте вещички.

– Там будет видно, мадам. Я таких паршивок немало встречала, и ничего, справлялась. Зарубите это себе на носу.

Она услышала, как хлопнула дверь кабинета Шефа и довольно улыбнулась. Старая ведьма в бешенстве! Один-ноль в мою пользу. Зубочистка ее возненавидела с первой встречи. Жозиана никогда не опускала глаз перед ней, смотрела с вызовом. Эдакая дуэль двух фурий. Одна сухопарая, костлявая, злобная, другая – пухлая, розовая, игривая. Но обе яростные и непримиримые!

Она позвонила брату узнать, когда похороны, подождала немного – номер был занят – перезвонила еще раз, еще подождала... «Сможет ли она в самом деле меня выгнать? – внезапно подумала она, слушая короткие гудки в трубке. – Сможет или нет? Вообще-то не исключено. Мужчины такие трусы! Возьмет да переведет меня в другой офис. В филиал. И я окажусь далеко от командного пункта, где я с таким трудом освоилась и где уже начинаю пожинать плоды». Ту-ту-ту, пищала трубка. Надо быть начеку. Ту-ту-ту... Она не позволит заморочить ей голову красивыми словами, хотя Марсель на них мастак!

– Алло, Стефан. Это Жозиана...

Похороны состоятся в субботу, на кладбище в деревне, где жила мать, и Жозиана, поддавшись внезапному порыву сентиментальности, решила поехать. Посмотреть, как ее мать

навсегда опустят в черную яму и закопают. Тогда можно будет попрощаться и, наверное, шепнуть ей, что она была бы рада ее любить...

- Она завещала себя кремировать.
- Да ну? С чего бы это?
- Боялась проснуться в темноте...
- Я ее понимаю.

Мамочка боялась темноты. Жозиану охватила внезапная нежность и жалость к матери, она вновь заплакала. Положив трубку, высморкалась и вдруг почувствовала чью-то руку на плече.

- Что-то случилось, мусечка?
- Да мама умерла...
- Тебе плохо?
- Ну да...
- Иди ко мне...

Шеф сел на ее место, обнял за талию и усадил к себе на колени.

– Обними меня за шею и сиди так... Как будто ты мой ребенок. Знаешь, я всегда мечтал, чтобы у меня был свой малыш.

- Да, – всхлипнула Жозиана. Ей стало полегче в этих больших ласковых ручищах.
- А она так и не захотела мне его родить.
- Может, это и к лучшему... – сморкаясь, прошептала Жозиана.
- Хорошо, что ты у меня есть – сразу и жена, и ребенок.
- Не жена, а любовница... Жена в кабинете ждет.
- Что?

Шеф подскочил, словно ему в задницу воткнули гвоздь.

- Ты уверена?
- Мы тут перекинулись словечком...

Он растерянно потер лоб.

- Поругались?
- За что боролась, на то и напоролась.

– Ах ты ж! Мне сейчас позарез нужна ее подпись! Сумел сбегать англичанам проговоревший филиал, ну ты знаешь, тот самый, в Мюрпене, я давно хотел от него избавиться... Надо чем-нибудь ее подмазать! Вот отчего бы тебе, мусечка, не подождать и не пособачиться с ней в другой день? Что мне теперь делать?

- Она потребует у тебя мой скальп...
- Что, прям настолько?

Он был явно обеспокоен. Принялся шагать взад-вперед по комнате, вертелся на месте, махал руками, разговаривал сам с собой, потом стукнул ладонью по столу и бессильно рухнул на стул.

- Ты так ее боишься?

Он горько улыбнулся, как поверженный воин, и поднял руки вверх, прося пощады.

- Пойду все же к ней...
- Да, посмотри, наверняка роется у тебя в ящиках.

Шеф с огорченным видом пошел к двери, хлопая себя по бокам, словно извиняясь за свое постыдное поражение. Вдруг обернулся, сутулый, подавленный, и робко, тихо спросил:

- Обиделась, мусечка?
- Иди уже...

Она все знала про мужскую отвагу и не надеялась, что он ее защитит. Много раз видала, как он дрожал после встречи с Зубочисткой. Ничего она от него не ждала, разве только ласки и тепла в постели. Просто дарила своему толстому добряку радость, которой он был начисто

лишен в жизни, и сама тоже радовалась, ведь в любви отдавать не менее важно, чем получать. До чего же здорово чувствовать, как он млеет под ее тяжестью и замирает от счастья! Закатывает глаза, открывает рот в безмолвном крике. Она наслаждалась своим могуществом, своей почти материнской властью. Сколько их у нее было! Одним больше, одним меньше... Этот хотя бы славный, добрый. Она привыкла к ощущению власти, сроднилась и с ним, и с ее милым пупсиком, таким щедрым в любви. Может, и впрямь надо было помолчать в тряпочку? Жозиана мужчинам не доверяла. Впрочем, как и женщинам. Она и себе не очень-то доверяла! Порою собственные поступки ставили ее в тупик.

Она встала, потянулась и решила выпить кофе, чтобы привести мысли в порядок. Перед уходом еще раз подозрительно покосилась на дверь кабинета. Что там, интересно, делается? Уступит ли Шеф шантажу, принесет ли ее в жертву на алтарь чистогана? Мать так и называла деньги – бог Чистоган. Его, бога, все любят, но только мы, малые и сырые, пресмыкаемся перед ним. Мы не принимаем деньги как должное, не отнимаем у других, – мы их возвышаем, обожествляем. Готовы ползать на карачках за любой мелкой монеткой, подбираем ее, протираем до блеска, вдыхаем ее запах. Смотрим, как побитые собаки, на богача, который ее обронил и даже не удосуживается за ней нагнуться. И я ведь тоже, сколько бы ни прикидывалась сильной свободной женщиной, на самом-то деле всю жизнь лишь ему поклонялась – богу Чистогану, которому обязана и потерей девственности, и первыми тумачами, который унижал меня и с грязью смешивал, а все равно – как увижу богатого, ничего не могу с собой поделаться, смотрю на него снизу вверх, как на нового Мессию, готова курить ему фимиам и умащать его миррой.

Разозлившись на себя, она резко одернула платье и решительно направилась к кофейному автомату. Бросила монетку, дождалась, когда аппарат устанет плевать черной желчью, двумя руками обхватила пластиковый стаканчик, словно пытаясь согреться.

– Какие планы на вечер? Старика ждешь?

Это был Брюно Шаваль, тоже пришел за кофе. Достал сигарету, постучал ею по пачке, прежде чем закурить. Он курил сигареты в желтой маисовой бумаге – высмотрел такие в старых фильмах.

– Не называй его так!

– Что, любовь вернулась, курочка моя?

– Я не выношу, когда ты зовешь его Стариком, ясно?

– Значит, все-таки любишь своего толстого папика?

– Ну да, разумеется.

– Надо же! Раньше ты мне этого не говорила...

– Да мы вроде на разговоры никогда времени не тратили.

– Видать, ты не в духе, я лучше помолчу.

Она пожала плечами и прижалась щекой к горячему стаканчику.

Некоторое время они стояли молча, не глядя друг на друга, и пили кофе маленькими глотками. Потом Шаваль подошел поближе и, прижавшись к ней сбоку, как ни в чем не бывало красноречиво качнул бедрами, просто чтобы проверить, сердится ли она. Поскольку Жозиана не двигалась, но и не отстранялась, он уткнулся носом в ее шею и вздохнул:

– М-м-м... ты вкусно пахнешь хорошим мылом. Страшно хочется повалить тебя и нюхать, нюхать, не торопясь.

Жозиана высвободилась, тяжело вздохнув. Будто бы он с ней не торопился! Будто бы он ее не спеша ласкал! Он позволял любить себя, это точно. Лежал, как бревно, а она с ним возилась, пока он не начнет стонать и двигаться в такт. А после едва удостоивалась благодарности или небрежной ласки.

Очаровательный циник Шаваль, изящно изогнув тонкую талию, картинно покуривая необычную сигарету, небрежно отбросив со лба темную прядь, наблюдал за Жозианой, как

хозяин любит новую покупку. Он умел ее завести, умел добиться от нее всего, чего хотел. И ужасно загордился, когда сумел затащить ее в постель. Не такой уж великий подвиг, но завоевание полезное. Отныне он мог управлять Шефом через нее, и власть оказалась буквально на расстоянии вытянутой руки. Да уж, он теперь не простой служащий, он приобрел к руководству! Мужчины всегда так, немножко повезло – и уже распускают павлиньи хвосты. С тех пор, как Жозиана обещала поговорить со Стариком по поводу повышения, он аж трясся от нетерпения. Искал ее по коридорам, в лифтах, во всех уголках конторы, ждал ее ответа. Ну, подписал? Подписал? Она отталкивала его, но он всегда возвращался. «Ну пойми же, я весь на нервах! Не могу больше выносить это напряжение! Да скажи ты хоть что-нибудь!» – стонал он.

И в этот раз ему страстно хотелось спросить: «Ну что? Что он тебе сказал?» Но сейчас явно не время. Ничего, подождем.

Жозиана не умела долго сердиться. Она была доброй бабой, легко прощала мужчин. «Ну как же так, почему я не могу на них обидеться? – ругала она себя. – Почему же я так люблю заниматься сексом? Даже с толстяками, с уродами, с грубиянами, которые силой заставляли меня делать это, даже на них я не обижалась. Может, оно мне и не в радость, а возвращаюсь все равно. И если им удастся замаскировать грязную похоть притворной нежностью, бегу к ним на всех парах. Стоит поговорить со мной по-человечески, стоит приласкать, стоит проявить минимальное уважение, и я вновь становлюсь ребенком. Проходит гнев, проходит горечь и обида, и я уже готова жертвовать собой, лишь бы они по-прежнему показывали, что ценят и уважают меня, лишь бы говорили добрые слова и прислушивались к моему мнению... Вот дура!

– Ну что, ласточка, мир? – прошептал Шаваль и положил руку на бедро Жозианы, прижимая ее к себе.

– Хватит, нас могут увидеть.

– Да ладно! Подумают, что добрые приятели мило болтают.

– Нет же, говорю тебе! Они с Зубочисткой в кабинете. Если он выйдет и увидит нас, мне конец.

А возможно, мне уже конец! Возможно, он уже пожертвовал мною ради успеха фирмы! Так мечтает сбавить кому-нибудь завод в Мюрпене, что готов на все, лишь бы она подписала. Принесет ей мою голову на блюде, ведь я значу для него куда меньше, чем этот контракт! И не видать мне, как своих ушей, ни Шефа, ни Шавалья, ни бога Чистогана. Им-то что, а я опять окажусь с голым задом на соломе, как всегда. При этой мысли смелость оставила ее, она обмякла и, обессилев, прильнула к Шавалю.

– Ну ты меня хоть чуточку любишь? – спросила она, вымаливая капельку нежности.

– А ты что, сомневалась, красавица моя? С ума сошла. погоди чуток, я тебе докажу.

Он обхватил ее ягодицы, стиснул.

– Нет, но... а если вдруг у меня ничего не получится, всяко же бывает? Ты меня не бросишь?

– Как это? Он что-то плохое про меня сказал? Давай, выкладывай...

– Да нет, просто я вдруг испугалась.

Бог Чистоган угрожающе размахивал ножом, готовясь перерезать ей горло. Она вся дрожала; внутри было так пусто... Закрыла глаза и буквально повисла на Шавале. Он хотел было отстраниться, но заметив, что она белая, как мел, решил поддержать и обнял за талию. Она шептала: «Несколько слов, только несколько нежных слов, я боюсь, понимаешь, я так боюсь...» Он занервничал. Господи, как сложно с этими женщинами! Минуту назад она меня посылала, а теперь просит о помощи. Он в полной растерянности крепко ее обнимал, чувствуя, что если разожмет руки, то она тут же рухнет. Такая слабая, и вся дрожит. Он рассеянно погладил ее по голове, не решаясь спросить, подписал ли Шеф его назначение, и этот

вопрос словно щекотал его изнутри, он держал Жозиану, как держат громоздкую посылку, которую некуда поставить. Что же с ней делать? Прислонить к кофе-машине? Посадить? Тут рядом ни одного стула нет... Ах, сетовал он про себя, вот что значит доверить судьбу свою девке... Больше всего на свете ему сейчас хотелось от нее отвязаться. Потрахались, и ладно, и не надо нам ваших сюсей-пусей. Не надо клятв в вечной любви и слюнявых поцелуев. Чем ближе подходишь, тем больше от них вони.

– Давай, Жозинька, приди в себя. Теперь нас и впрямь могут увидеть. Сейчас ты все на фиг испортишь!

Она взяла себя в руки, отстранилась, шатаясь. Вытерла нос, пробормотала «извини»... Но было поздно...

Анриетта и Марсель Гробз стояли перед лифтом и молча смотрели на них. Анриетта поджала губы, ее лицо аж перекосилось под огромной шляпой. Марсель казался совершенно раздавленным: его щеки тряслись, черты исказило горе.

Анриетта Гробз отвернулась первой. Схватила Марселя за пиджак и втащила в лифт. Едва за ними закрылись двери, она дала волю своей злобной радости.

– Вот видишь, говорила я тебе, что эта девка – потаскуха! И такая тварь еще смеет мне хамить... А ты все ее защищаешь. Бедный наивный Марсель...

Марсель Гробз, уперев взор в коврик на полу лифта, считал прожженные сигаретами дырочки и изо всех сил старался удержать подступавшие к горлу слезы.

Письмо с яркой маркой, судя по штампу, было отправлено неделю назад. Адресовано Гортензии и Зоэ Кортес. Жозефина узнала почерк Антуана, но открывать не стала. Она положила письмо на стол, поверх книг и бумаг, и все кружила, кружила возле него, подносила к глазам, пыталась разглядеть внутри фотографию или чек... Все напрасно. Придется подождать, когда девочки вернутся из школы.

Первой письмо заметила Гортензия и тут же его схватила. Зоэ завопила: «И я! И я хочу письмо!» Жозефина усадила их за стол, села сама, взяла Зоэ на колени и попросила Гортензию прочесть вслух. Та вскрыла конверт ножом, достала шесть тонких листков, разложила на столе и каждый заботливо разгладила тыльной стороной ладони. Затем начала читать.

«Красавицы мои дорогие!

Как вы очевидно догадались по марке на конверте, я в Кении. Вот уже целый месяц. Хотел сделать вам сюрприз и поэтому не сказал ничего, когда уезжал. Но надеюсь, что вы сможете приехать сюда ко мне, когда я нормально обустроюсь. Может, на каникулы? Я договорюсь с мамой.

Кения – посмотрите в энциклопедии – это государство на восточном побережье Африки, недалеко от Сейшельских островов, омывается Индийским океаном, граничит с Эфиопией, Сомали, Угандой, Руандой и Танзанией. Вам это что-нибудь говорит? Нет? Надо вам посерьезней заняться географией. Прибрежная часть, в которой я живу, – наиболее изученный район страны, которая до 1890 года подчинялась султану Занзибара. Арабы, португальцы, а потом и англичане вели за Кению долгую борьбу, и она получила независимость только в 1963 году. Но хватит на сегодня истории! Я уверен, что вас интересует один лишь вопрос: а как папу занесло в эту Кению? Прежде чем ответить, должен вас предостеречь... Вы сидите, девочки? Точно сидите?»

Гортензия снисходительно улыbnулась и вздохнула: «Папа в своем репертуаре...» Жозефина лихорадочно пыталась осмыслить события: уехал в Кению! Один или с Миленой? Красный треугольник над тостером смеялся над ней. Казалось, он ей даже ехидно подмигивает.

«...Я занимаюсь разведением крокодилов...»

Девочки от изумления разинули рты. Крокодилы!

Гортензия продолжила читать, еле успевая переводить дыхание, вид у нее был озадаченный.

«...для китайских промышленников! Вы наверняка знаете, что Китай постепенно становится мощной индустриальной державой, что у них масса как природных, так и финансовых ресурсов, что они производят все, от компьютеров до автомобильных двигателей, и вообще, самые разнообразные товары, ну так вот, китайцы решили использовать крокодилов в качестве сырья! Некий мистер Вэй, мой босс, построил в Килифи образцовую ферму и надеется в ближайшем будущем поставлять на рынок большие партии крокодильего мяса, крокодильих яиц, а также сумок, обуви и кошельков из крокодиловой кожи... Вы будете удивлены, если я вам открою все планы моих инвесторов и все их гениальные идеи! В общем, они решили выращивать рептилий в природных условиях, в специальном парке. Мистер Ли, мой китайский заместитель, рассказал мне, как они заполнили несколько «Боингов-747» десятками тысяч крокодилов из Таиланда. Тайские фермеры в связи с азиатским кризисом были вынуждены от них избавиться: цены на крокодилов упали на 75 процентов! И мы купили их за бесценок. Уцененные получились крокодилы!»

– Папа, конечно, шутник, – заметила Зоэ, посасывая палец. – Но мне не нравится, что он работает с крокодилами. Крокодилы – это гадость!

«Их поселили в руслах нескольких рек и огородили питомник железной проволокой, тут и понадобился «deputy general manager». Так что я теперь deputy general manager Крокодильего парка, или Крокопарка, как мы его называем.»

– Это вроде заместителя генерального директора, – подумав, объявила Гортензия. – Как раз именно так я и написала в школьной анкете, когда спрашивали о профессии отца.

«...И у меня в подчинении семьдесят тысяч крокодилов! Представляете?»

– Семьдесят тысяч крокодилов! – охнула Зоэ. – А ну как он пойдет гулять по своей ферме да и шлепнется в воду? Нет, мне это совсем не нравится.

«Мне это место подыскал один давний клиент, мы с ним были знакомы еще со времен «Ганмен и К°», и вот, как-то раз встретились июньским вечером в парижском панорамном баре отеля Конкорд-Лафайет, в Порт Майо. Вы помните, я вас туда не раз водил. Я сказал ему, что ищу работу и хочу уехать из Франции, и он вспомнил обо мне, когда услышал о крокодиловой ферме! Я согласился на эту авантюру, поскольку знаю, что Китай действительно переживает сейчас бурный экономический рост. Как Япония в восьмидесятые годы. Все, чего касаются китайцы, превращается в золото! В том числе крокодилы. Словом, процветание крокодилов стало для меня делом чести. Может, когда-нибудь за их акции будут драться на бирже! Вот будет забавно, а? Китайские рабочие, которых сюда прислали, живут в самановых бунгало. Они все время улыбаются и смеются. Я вот думаю, неужели они и во сне смеются? Такие забавные – ножки тоненькие, шорты широкие. Одна беда: на них часто нападают крокодилы, и они все в шрамах: ноги, руки, даже лицо. И угадайте, что они делают? Они сами зашивают себе раны. Иголкой и ниткой. С ума

сойти, да? Есть, конечно, медсестра, которая обязана их зашивать, но она принципиально занимается только посетителями.

Ведь я забыл вам сказать, что Крокопарк открыт для туристов. Для европейцев, американцев, австралийцев, которые приезжают в Кению на сафари. Наша ферма указана в каталоге экскурсий, который им предлагается турфирмами. Они платят за вход, получают бамбуковую «удочку» с веревкой и две куриных тушки, чтобы кормить крокодилов, которые, надо признать, довольно прожорливы. И при этом злобные твари! Сколько мы ни упрощаем посетителей быть осторожнее, они, расхрабрившись, порой приближаются слишком близко, и зверюге удается их тяпнуть: крокодилы очень стремительны, а зубы у них острые, как зубья пилы! Случается, что они оглушают людей ударом хвоста и перегрызают им горло. Мы стараемся не афишировать эти случаи. Но те, кого сильно покусали, не слишком рвутся к нам опять, и я не могу осудить их за это!»

– Еще бы, – признала Гортензия. – Я, когда туда приеду, буду смотреть на них только в бинокль.

Жозефина была ошарашена. Крокодиля ферма! Почему бы не разводить божьих коровок?

«Сразу хочу вас успокоить: лично я ничем не рискую, я занимаюсь делами в стороне, а к ним даже не приближаюсь. Предоставляю это китайцам. Дело обещает быть очень выгодным. Во-первых, потому что Китай получает сырье, необходимое для производства более дешевых копий всяких французских и итальянских марок: сумочек, обуви, аксессуаров. Во-вторых, у китайцев мясо и яйца крокодилов считаются деликатесами, мы будем тщательно их обрабатывать и, сохраняя в надлежащих условиях, отправлять в Китай на кораблях. Чувствуете, какие у меня перспективы? Я больше не безработный! Живу в так называемом «хозяйском доме» – это большое деревянное одноэтажное строение в центре фермы, там несколько спален и есть бассейн, заботливо окруженный колючей проволокой – на случай, если крокодилу захочется в нем поплескаться. Такое уже бывало! Директор парка, который служил здесь до меня, один раз оказался в воде нос к носу с крокодилом, и с тех пор требования безопасности были усилены. В каждом углу фермы стоит вышка, и на ней – вооруженный охранник, который освещает территорию большим прожектором; иногда ночью аборигены пробираются к нам, чтоб украсть крокодила и съесть: знаете, у них невероятно вкусное мясо!

Вот, мои дорогие девочки, теперь вы знаете все или почти все про мою новую жизнь. Сейчас у нас раннее утро, мне пора отыскать своего заместителя и дать ему поручения на сегодня. Я скоро напишу вам и вообще писать буду часто, потому что очень скучаю и постоянно о вас думаю. На столе у меня в кабинете стоят ваши карточки, и всем, кто спрашивает: «А кто эти красивые барышни?» – я гордо отвечаю: «Это мои дочки, самые прекрасные девочки на свете!» Напишите мне. Попросите маму купить вам компьютер, тогда я смогу вам прислать фотографии дома, крокодилов и маленьких китайцев в больших шортах! Сейчас можно найти недорогую модель, это не очень-то большая трата. Целую вас крепко и люблю,

Ваш папа.

P.S. Тут еще письмо для мамы...»

Гортензия протянула последний листок Жозефине, которая сложила его и сунула в карман кухонного фартука.

– Ты не будешь сейчас читать? – спросила Гортензия.

– Нет... Хотите, поговорим о папином письме?

Девочки молча смотрели на нее. Зоэ сосала палец. Гортензия размышляла.

– Крокодилы противные! – упрямо повторила Зоэ. – И почему он не мог остаться во Франции?

– Потому что во Франции не разводят крокодилов, что тут непонятного, – вздохнула Гортензия. – Да он и раньше твердил, что хочет уехать за границу. Когда мы с ним виделись, он только об этом и говорил... Вот интересно, она с ним уехала?

– Надеюсь, ему будут хорошо платить и он полюбит свою работу, – быстро добавила Жозефина, чтобы сменить тему: она не хотела, чтобы девочки говорили о Милене. – Для него так важно было сменить обстановку, снова почувствовать себя нужным, отвечать за какое-то дело. Мужчине трудно без дела сидеть... И потом, это же его стихия. Он всегда так любил дальние дали, путешествия, Африку...

Жозефина попыталась скрыть за этими словами свой шок. «Совсем спятил! – думала она. – Надеюсь, он не вкладывал деньги в эту аферу? Да и откуда у него деньги? От Милены? Я бы вряд ли могла ему помочь. Но вдруг он меня попросит?» Она вспомнила, что у них общий счет в банке. Надо поговорить с господином Фожероном, ее банковским поверенным.

– Пойду почитаю о крокодилах в моей книжке о рептилиях, – сказала Зоэ, соскакивая с маминых колен.

– Был бы Интернет, тебе бы не пришлось копаться в книжках.

– Но у нас же нет Интернета, – ответила Зоэ, – значит, нужно посмотреть в книге.

– Хорошо бы ты купила нам компьютер, – размечталась Гортензия. – У всех моих подружек есть.

Если он взял у Милены деньги, значит, это всерьез и надолго. Может быть, они даже поженятся...

«Да нет, идиотка, он не может жениться на Милене, мы ведь еще не развелись!» – Жозефина шумно выдохнула.

– Мам, ты не слушаешь!

– Нет-нет, слушаю...

– И что я сказала?

– Что тебе нужен компьютер.

– Ну и?..

– Не знаю, малыш, надо подумать.

– Раздумьями на компьютер не заработаешь.

А та, наверное, хороша в роли хозяйки! Розовенькая, свеженькая, тоненькая. Жозефина представила себе, как она ждет Антуана на крылечке их дома, как прыгает в джип, чтобы объехать с ним парк, как готовит на кухне, как листает журнал, уютно устроившись в кресле-качалке. А вечером, когда он возвращается с работы, бой подает им ужин, они зажигают свечи... Наверное, он думает, что начал жизнь заново. Новая жена, новый дом, новая работа. А они, все втроем, верно, кажутся ему скучными и убогими с их маленькой квартиркой в Курбевау.

Утром мадам Бартийе, мать Макса, спросила ее: «Ну что, мадам Кортес, есть новости от мужа?» Она ответила что-то – лишь бы ответить. Мадам Бартийе очень похудела, и Жозефина спросила, не сидит ли она на диете. «Вы будете смеяться, мадам Кортес, я на картофельной диете!» Жозефина действительно расхохоталась, но мадам Бартийе упорствовала: «Нет, я серьезно: одна картофелина каждый вечер, через три часа после ужина, и потом совершенно не хочется сладкого! Вроде как эта картошка, если съесть ее перед сном, освобождает какие-то два гормона, которые нейтрализуют потребность в сахаре и углеводах в мозге. Вам больше не хочется есть между основными приемами пищи. Ну и вы худеете, все

вполне научно обосновано. Макс нашел мне это в Интернете. У вас есть Интернет? А то я бы сказала вам адрес сайта. Конечно, эта диета кажется странной, но она работает, уверяю вас».

– Мам, это ведь не роскошь, а необходимость, рабочий инструмент... Он бы и тебе пригодился, и нам для школы тоже.

– Знаю, дорогая, знаю.

– Ты так говоришь, но тебе вовсе не интересно. А между тем речь идет о моем будущем...

– Послушай, Гортензия, я все делаю для вас. Все! Если сказала, что подумаю, значит просто не хочу давать пустых обещаний, но вполне возможно, у меня все получится.

– О, спасибо, мама! Спасибо! Я знала, что могу на тебя положиться.

Гортензия обняла мать и уселась к ней на колени, словно Зоэ.

– Ну что, мамуль, уместаюсь я тут или мне уже поздновато?

Жозефина рассмеялась, прижала ее к себе. Она вдруг расчувствовалась, непонятно почему. Держать ее на ручках, чувствовать ее тепло, вдыхать сладкий запах ее кожи и легкий аромат духов от одежды... даже слезы на глаза навернулись.

– Ох, малышка, как же я тебя люблю, если бы ты знала! Я так страдаю, когда мы ссоримся.

– Мы не ссоримся, мама, мы спорим. У нас просто разный взгляд на вещи. И знаешь, если я иногда нервничаю, это все оттого, что папа ушел, мне плохо, очень плохо, вот я и кричу на тебя, ты-то рядом...

Жозефина уже с трудом сдерживала слезы.

– Ты единственный человек, на которого я могу рассчитывать, понимаешь? Вот я и прошу от тебя многого, поскольку ради меня, мама, ты все сможешь, все сумеешь... Ты такая сильная, такая смелая, такая надежная.

К Жозефине и впрямь от ее слов возвращались смелость и сила. Она больше не боялась и была готова на любые жертвы, лишь бы Гортензия вот так прижималась к ней, лишь бы чувствовать ее нежность.

– Обещаю, солнышко, будет тебе компьютер. На Рождество. Подождешь до Рождества?

– Ох, спасибо, мамуля! Лучше не придумай!

Она обхватила Жозефину за шею и прижалась так сильно, что та закричала: «Пощади! Пощади! Ты мне шею сломаешь!» Потом Гортензия помчалась в комнату к Зоэ сообщить ей радостную весть.

Жозефине было легко и весело. Дочкина радость светила в ней, все заботы словно свалились с плеч. С тех пор как она взялась за переводы, девочки обедали в школьной столовой, на ужин меню разнообразием не отличалось: в основном ветчина да пюре. Зоэ кривилась, но ела. Гортензия вяло ковырялась в тарелке. Жозефина доедала за ними, чтобы ничего не выбрасывать. «Вот так я и толстею, – подумала она, – ем-то за троих». После еды мыла посуду (посудомоечная машина сломалась, а денег на ремонт или покупку новой не было), протирала клеенку, доставала из шкафа книги и вновь садилась за работу. Девочки смотрели телевизор, она переводила.

Иногда до нее доносились обрывки их разговоров. «Когда я вырасту, буду стилистом, – говорила Гортензия, – открою собственный дом моделей...» – «А я буду шить платья для моих кукол», – отвечала Зоэ. Жозефина поднимала голову, улыбалась и вновь с головой погружалась в жизнь Одри Хепберн. Отрывалась только, чтобы проверить, почистили ли они зубы, и потом приходила поцеловать их на ночь.

– Макс Бартийе больше не приглашает меня в гости, мам... Почему, как ты думаешь?

– Не знаю, детка, – рассеянно отвечала Жозефина. – У всех свои заботы...

– Мам, если я собираюсь быть стилистом, – заявляла Гортензия, – мне надо уже сейчас хорошо одеваться. Я не могу носить все подряд.

– Все, спать, девочки! – объявляла Жозефина, спеша вернуться к работе. – Завтра вставать в семь утра.

– Думаешь, родители Макса разведутся? – спрашивала Зоэ.

– Не знаю, родная моя, спи.

– А можешь дать мне немножко денег на одну маечку «Дизель», скажи, мам? – упрашивала Гортензия.

– Спать! Ни слова больше!

– Споконночи, ма...

Она вновь садилась за перевод. Что бы сделала Одри Хепберн в ее ситуации? Работала бы, старалась бы сохранять достоинство и думать лишь о благополучии детей. СОХРАНИТЬ ДОСТОИНСТВО И ДУМАТЬ О БЛАГОПОЛУЧИИ ДЕТЕЙ. Вот как ей следует жить дальше: стать достойной, любящей и худой, как палка. С того вечера Жозефина села на картофельную диету.

Холодной, дождливой ноябрьской ночью Филипп и Ирис Дюпен возвращались из гостей домой. Они были у одного сослуживца Филиппа. Большой званый ужин на двадцать персон, метрдотель, следивший за переменной блюд, в дорогих вазах – изысканные букеты, в камине потрескивают поленья, отсветы пламени на стенах и лицах и, конечно, беседы, до того светские, что Ирис могла бы их все пересказать заранее. «Богатство, роскошь и... скука», – подытожила она, откинувшись на подушках шикарного лимузина. Филипп молча вел машину. За весь вечер ей ни разу не удалось встретиться с ним взглядом.

Ирис смотрела в окно на ночной Париж: как все-таки красивы эти здания, памятники, мосты... В Нью-Йорке она скучала по Парижу, по этим улочкам, по светлому камню зданий, по тенистым аллеям, по террасам кафе, по мирному течению Сены. Ей и фотографии были не нужны, стоило только прикрыть глаза, и родной город вставал перед нею, как живой.

Пожалуй, именно это ей и нравилось больше всего в светских раутах: возвращаться домой на машине. Сняв туфли, вытягивать длинные ноги, опираться затылком на подголовник и в полудреме любоваться дрожащими огнями города.

Ирис смертельно скучала на этом приеме, она сидела между молодым начинающим адвокатом-энтузиастом и маститым нотариусом, который постоянно говорил о повышении цен на недвижимость. Скука приводила ее в ярость. Хотелось встать и опрокинуть стол. Вместо этого она мысленно раздвоилась и наблюдала, как «та, другая» мадам Дюпен успешно исполняет роль «жены такого-то». Она со стороны слышала свой смех, смех счастливой женщины, и с трудом скрывала бешенство.

В первые годы брака она еще пыталась поддерживать разговор, интересовалась деловой жизнью – биржей, прибылями, дивидендами, слиянием компаний, экономическими стратегиями, способами сокрушить конкурента или завоевать союзника. Но она происходила из другого круга и получила другое образование: в Колумбийском университете спорили о книгах, сценариях, фильмах, поэтому здесь ей досталась роль неловкой и несмелой дебютантки. Потом постепенно поняла, что все равно она вне игры. Ее приглашают лишь за красоту, обаяние – и за то, что она жена Филиппа. Они приходили вдвоем. И стоило соседу по столу спросить ее: «Чем вы занимаетесь, мадам?», а ей – ответить «Да так... ничем особенным, я посвятила себя ребенку...», как он отворачивался и заговаривал с кем-нибудь еще. Поначалу это ее задевало, но потом прошло, привыкла. Иногда мужчины слегка ухаживали за ней, но как только разворачивалась оживленная дискуссия, про нее забывали.

А вот сегодня все было иначе...

Когда ее сосед, обаятельный издатель, известный своими успехами в делах и у женщин, иронически поддел ее: «Ну что, моя милая Ирис, ты все Пенелопой, все при доме? На тебя уже скоро чадру наденут!», она, вдруг оскорбившись, выдала, сама того не желая:

– Не поверишь, я начала писать.

Едва она это произнесла, в глазах издателя зажегся интерес.

– Роман пишешь? И какой?

– Исторический. – Ей сразу пришла на ум Жозефина с ее трудами по средневековью.

Сестра словно вклинилась между ней и этим человеком.

– Ах! Как интересно! Французы просто без ума от истории и исторических романов... Ты уже начала?

– Да, – с апломбом заявила она, призвав на помощь сестру и ее науку. – Действие разворачивается в XII веке. Во времена Элеоноры Аквитанской. Об этой эпохе часто судят неверно. А между тем это поворотный момент в истории Франции... та эпоха странным образом напоминает нашу: денежные отношения заменяют натуральный обмен и начинают доминировать в жизни людей, деревни пустеют, развиваются города, Франция подвергается влиянию других стран, в Европе распространяется торговля, молодежь, не находя себе места в обществе, бунтует и неистовствует. Всем заправляет Церковь, это одновременно политическая, экономическая и законодательная сила. Духовенство обладает властью, какой в наше время может похвастаться разве что аятолла, и среди них немало фанатиков, которые всюду суют свой нос. Кроме того, это эпоха великих свершений: строятся соборы, университеты, больницы, написаны первые любовные романы, проходят первые философские диспуты...

Ирис импровизировала. Все аргументы Жозефины алмазными потоками лились из ее уст, а пораженный издатель, почуяв жилу, не сводил с нее глаз.

– Слушай, это потрясающе! Надо бы нам встретиться, пообедать, а?

О, как прекрасно снова жить, действовать, быть не просто «женой такого-то» и матерью семейства... У нее будто крылья выросли.

– Я зайду к тебе. Как только будет что показать.

– Только никому не показывай до меня, обещаешь?

– Обещаю.

– Я на тебя рассчитываю. Заключим с тобой отличный договор, с Филиппом шутки плохи.

Он дал ей свой прямой номер телефона и, уходя, напомнил об обещании.

Филипп высадил ее перед домом и поехал ставить машину.

Она заперлась в комнате, разделась, лихорадочно размышляя о своей выходке. Какая дерзость! И что ей теперь делать? Потом успокоилась: он забудет, а если нет, я ему скажу, что только начала книгу и мне нужно время...

Бронзовые часы на камине пробили полночь. Ирис вздохнула: как приятно! Как чудесно вновь играть роль! Стать другой. Придумать себе жизнь. Она словно переместилась в прошлое, во времена своей учебы в университете. Когда они изучали основы режиссуры, актерское мастерство, диалоги, операторскую работу. Она показывала начинающим актерам, как воплощать персонажей. Изображала мужчину, потом женщину, сначала невинную жертву, потом коварную злодейку. Жизнь всегда была тесной для ее многогранной натуры. Габор поддерживал ее в работе. Вместе они сочиняли сценарии. Они были командой...

Габор... Ее мысли все время возвращались к нему.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение.

Впервые за долгое время она ожила. Может, и не совсем честно, но с другой стороны, обман-то пустяковый.

Сидя в изножье кровати в кремовом кружевном белье, Ирис расчесывала щеткой свои длинные черные волосы. Это был обязательный ритуал. Героини всех романов, прочитанных ею в детстве, непременно причесывались, утром и вечером.

Она водила щеткой по волосам и думала о прошедшем дне – долгом, тоскливом, тусклом. Еще один день, когда она ровным счетом ничего не делала. В последнее время она

все чаще сидела дома, давно утратив вкус к развлечениям, к пустому порханию по жизни. Днем она обедала в одиночестве и слушала болтовню Бабетты, прислуги, помогавшей по утрам Кармен. Она изучала Бабетту, словно амебу под микроскопом в лаборатории. Жизнь Бабетты напоминала роман: брошенный ребенок, жертва изнасилования, воспитывалась в приемных семьях, отличалась строптивостью, хулиганила, в семнадцать выскочила замуж, в восемнадцать родила, вечно откуда-то сбегала и что-то вытворяла, но никогда не бросала свою дочь Мэрилин, везде таскала ее с собой, изливая на нее всю любовь, которой сама когда-то недополучила. В тридцать пять лет она решила «завязать», вести приличный образ жизни, честно работать, чтобы оплачивать обучение дочери (та как раз заканчивала школу). Бабетта устроилась домработницей, поскольку ничего другого делать не умела. Она стала образцовой домработницей, лучшей из домработниц. С богатых драла по двадцать евро в час. Ирис, заинтригованная этой маленькой блондинкой с нахальными голубыми глазами, наняла ее и с тех пор наслаждалась ее рассказами! Две женщины, такие разные во всем, частенько вели на кухне весьма любопытные разговоры.

Этим утром Бабетта слишком жадно впиалась в яблоко, и в мякоти застрял передний зуб. Она вынула его под испуганным взглядом Ирис, промыла под краном, достала из сумки тюбик клея и приклеила обратно.

– И часто у тебя так?

– Что? А, зуб-то... Да бывает.

– Почему ты не идешь к дантисту? Ты ведь рискуешь его потерять.

– Вы знаете, почему эти дантисты берут? Сразу видно, у вас-то денежки водятся...

Бабетта жила с неким Жераром, продавцом в магазине электротоваров. Она снабжала дом всевозможными лампочками, розетками, тостерами, электрочайниками, фритюрницами, холодильными шкафами, посудомоечными машинами и прочими штуками по невероятно низкой цене: сорок процентов скидки. Кармен была весьма довольна. Любовь Жерара и Бабетты представляла собой сериал, за развитием которого Ирис жадно следила. Они постоянно ссорились, расставались, мирились, изменяли и... любили друг друга! «Вот про жизнь Бабетты и надо мне написать!» – подумала Ирис, замерев со щеткой в руке.

Пока Ирис обедала в кухне, Бабетта чистила плиту. Она то исчезала в духовке, то выныривала назад, как поплавок.

– Вот почему ты всегда веселая? – спросила Ирис.

– Да не знаю, во мне ничего особенного нет. Нас таких даже чересчур много.

– Но ты столько пережила!

– Не больше других.

– Ну все-таки...

– Это вам так кажется, просто с вами никогда ничего не случалось.

– Неужели у тебя нет ни забот, ни тревог?

– Да на что они мне?

– Ты счастлива?

Бабетта высунула голову из духовки и уставилась на Ирис так, словно та спросила ее, есть ли Бог.

– Ну и вопросыки у вас! Сегодня идем пить портвейн к друзьям, я довольна, а завтра будет новый день, кто его знает.

– Как у тебя так получается? – завистливо вздохнула Ирис.

– Вы что, несчастны?

Ирис не ответила.

– Надо же! Будь я на вашем месте, я бы прыгала от радости. Больше никакой экономии, еды полно, отличная квартира, отличный муж, отличный сынок. Я бы вообще ни о чем не думала!

Ирис бледно улыбнулась.

– В жизни все не так просто, Бабетта.

– Может, и не просто. Вам видней.

Ее голова опять скрылась в духовке. Ирис слышала, как она там ворчит, дескать, эти самоочищающиеся духовки ни хрена не самоочищаются, потом что-то насчет вонючего масла... Она еще побурчала и, наконец вынырнув, заключила:

– Может, нельзя иметь все сразу. У меня жизнь клевая, но я бедна, а вы вот мааетесь, зато вы богаты.

Выйдя из кухни и оставив Бабетту ковыряться в духовке, Ирис почувствовала себя ужасно одинокой.

Вот бы позвонить Беранжер... Она уже давно с ней не виделась и чувствовала себя так, словно утратила частицу самой себя. Конечно, не лучшую часть, но надо признать, Беранжер ей не хватало. Не хватало ее дурацкой болтовни и грязных сплетен.

«Я смотрю на нее свысока, я повторяю, что у меня нет с этой женщиной ничего общего, но мне до дрожи охота с ней потрепаться. Словно сидит во мне какая-то фурия, это ведь извращение: я страстно желаю того, что ненавижу больше всего на свете. И я не в силах сопротивляться. Полгода мы не общались, – подсчитала Ирис, – полгода я вообще не знаю, что творится в Париже, кто с кем спит, кто разорился, кто чуть не повесился».

Всю вторую половину дня она провела у себя в кабинете. Перечитала рассказ Генри Джеймса. Наткнулась на фразу, которую переписала в блокнот: «Что особенно характерно для большинства мужчин? Их способность проводить бездну времени с заурядными женщинами. И они, наверное, даже скучают при этом, но охотно мирятся со скукой, не срываются с поводка, и, значит, не так уж и скучают»⁷.

– А я – скучная женщина? – прошептала Ирис большому зеркалу в дверце шкафа.

Зеркало не ответило. Ирис спросила еще тише:

– А Филипп сорвется с поводка?

Зеркало ответить не успело: зазвонил телефон. В трубке раздался возбужденный голос Жозефины.

– Ирис... Можно поговорить с тобой? Ты одна? Я знаю, что уже поздно, но мне обязательно нужно с тобой поговорить.

Ирис уверила, что сестра ее не разбудила и не отвлекла.

– Антуан прислал девочкам письмо. Он в Кении. Разводит крокодилов.

– Крокодилов? С ума сошел!

– Вот и я так думаю.

– Я не знала, что крокодилов вообще разводят.

– Он работает на китайцев и...

Тут Жозефина предложила просто прочесть ей письмо. Ирис выслушала его, не разу не прервав.

– И что ты об этом думаешь?

– Если честно, Жози, думаю, он окончательно потерял голову.

– Но это не все.

– Он влюбился в одноногую китайку в шортах?

– Нет, не угадала!

Жозефина рассмеялась. Ирис порадовалась за нее. Хорошо, что она смеется над этим новым эпизодом супружеской жизни.

– Он написал листочек специально для меня... и ты не поверишь...

– Ну что? Давай, Жози, говори!

⁷ Генри Джеймс, «Зверь в чаще», перевод Н. Дарузес.

– Ну так вот, я положила его в карман фартука, ну ты знаешь, такой большой белый фартук, я его надеваю, когда готовлю... И только перед сном вспомнила, что он там так и лежит... Я про него забыла... Ну разве не здорово?!

– Объясни, Жозефина, до меня иногда не доходит, что ты имеешь в виду.

– Да пойми же, я забыла прочесть письмо Антуана! Яне помчалась сразу его читать. Выходит, я потихоньку выздоравливаю, правда?

– Да, действительно. А что было в этом письме?

Ирис услышала шелест разворачиваемого листка, и звонким голосом сестра зачитала:

– «Жозефина... Я знаю, я трус, я сбежал, тебя не предупредив, но звонить не решился, потому что боялся тебя обидеть. Мне было так плохо! Здесь я хочу начать жизнь с нуля. Надеюсь, получится. Я заработаю много денег и смогу сторицей вознаградить тебя за то, что ты делаешь для детей. Дело выгорит, я заработаю большие деньги. А во Франции я чувствовал себя раздавленным. Не спрашивай, почему. Жозефина, ты добрая, милая, умная и благородная женщина. Ты была мне прекрасной женой. Я этого никогда не забуду. Я плохо вел себя с тобой и хочу наверстать упущенное. Облегчить тебе жизнь. Я буду вам регулярно писать. Тут в конце письма – мой номер телефона, звони, если что. Целую тебя и помню о нашем былом счастье. Антуан». А еще два постскриптума. Первый: «Здесь меня зовут Тонио... Это если ты позвонишь и попадешь на боя» и второй: «Странно, здесь очень жарко, а я совсем не потею». Вот... Что ты об этом думаешь?

Первое, что пришло в голову Ирис: «Как же он жалок! И сколько пафоса!» – но, сомневаясь в готовности Жозефины к таким словам, не зная, насколько она на самом деле освободилась, ответила дипломатично:

– Важнее, что ты об этом думаешь.

– Раньше ты жестче к нему относилась.

– Раньше он был членом семьи. Можно было его третировать...

– А-а, так вот зачем тебе семья!

– Ты тоже не очень-то церемонилась с матерью полгода назад. Нагрубила ей так, что она больше и слышать о тебе не хочет.

– И ты не можешь себе представить, насколько лучше я с тех пор себя чувствую.

Ирис задумалась на мгновение, потом спросила:

– Когда Гортензия дочитала письмо, ты как себя чувствовала?

– Честно говоря, не очень... Но все же я не помчалась читать письмо, адресованное мне, это же хороший знак? Наваждение прошло.

Жозефина помолчала, потом добавила:

– Хотя у меня сейчас столько работы, что времени на размышления просто не остается.

– Ты справляешься? Может, деньги нужны?

– Нет-нет, пока все нормально. Берусь за все подряд, за любую работу, – и, резко меняя тему, спросила: – А как Александр? Как у него с диктантами, есть прогресс?

Бедный Александр все лето вынужден был писать длинные диктанты, пока его кузины развлекались на пляже и ходили на рыбалку.

– Не знаю, не спрашивала... Он стал таким скрытным, таким молчаливым... Странно, но я как-то робею перед ним. Не умею разговаривать с мальчиками. Если, конечно, не надо их соблазнять! Иногда я жалею, что у меня не девочки. С ними, наверное, легче.

Ирис внезапно растерялась. Материнская любовь казалось ей вершиной, которую невозможно покорить. Невероятно, подумала она, я не работаю, и по дому почти ничего не делаю, только выбираю цветы да свечи, у меня один ребенок, а я и им-то почти не занимаюсь. Все, что Александр запомнит обо мне, это шуршание пакетов, которые я ставлю у входа, да шелест моего платья, когда я захожу поцеловать его вечером, прежде чем уйти! Ребенок, получающий воспитание на слух...

– Все, дорогая, прощаюсь, муж идет. Целую тебя и не забывай: Крюк хотел схрумкать Крика и Крока, а Крик и Крок схрумкали страшного Крюка!

Ирис положила трубку и подняла глаза на Филиппа, который стоял на пороге комнаты. «Вот и его я тоже не понимаю, – вздохнула она про себя, продолжив расчесывание своих волос. – Мне кажется, будто он шпионит за мной, крадется по пятам, ощупывает спину взглядом... Уж не нанял ли он кого, чтобы за мной следить? Может, он хочет меня подловить, чтобы подать на развод?» Молчание раз и навсегда воцарилось между ними, как очевидная необходимость, как Иерихонская стена, которую не обрушит звук трубы, потому что они не кричали, не били посуду, не хлопали дверями – даже голос не повышали. Счастливы те семьи, в которых бывают скандалы, думала Ирис. После славной ссоры становится легче. Оба выкладываются по полной и, обессиленные, падают в объятия друг друга. Наступает передышка, оба сложили оружие, поцелуи стирают обиды, смягчают упреки, объявляется временное перемирие. А у них с Филиппом – только тишина, холод, убийственная ирония, и с каждым днем пропасть между ними все глубже, расставание все неизбежнее. Ирис не хотела даже думать об этом. Она утешала себя тем, что они не одни такие, что многие пары вот так затворяются в вежливом безразличии. И никто не разводится при этом. Это всего лишь очередной этап отношений, пусть и неприятный, и может тянуться довольно долго, зато в итоге он может незаметно перейти в мирную совместную старость.

Филипп сел на кровать, разулся. Сначала снял правый ботинок, потом левый. Потом правый носок, потом левый. Каждый его жест сопровождался звуком: тук, тук, шурр, шурр.

– У тебя завтра трудный день?

– Встреча с клиентом, деловой обед, рутина, в общем.

– Надо тебе работать поменьше... Кладбища переполнены незаменимыми...

– Может, ты и права. Но я не представляю, как изменить свою жизнь.

Они говорили об этом много раз. Словно совершали один и тот же вечерний обряд. И все каждый раз кончалось одинаково: вопросом, повисшим в воздухе.

Сейчас он пойдет в ванную, почистит зубы, наденет длинную футболку и ляжет, вздыхая при этом: «сейчас, наверно, усну, как убитый...» Она ответит... Она ничего не ответит. Он поцелует ее в плечо, скажет: «Спокойной ночи, дорогая». Наденет маску для сна, поправит ее, повернется на другой бок и уснет. А она уберет свои щетки, зажжет ночник у изголовья, возьмет книгу и будет читать, пока глаза ее не закроются.

И тогда она станет сочинять историю. Историю любви, а может, какую-нибудь другую. Иногда ночью она закутывалась в простыни, прижимала к груди подушку и встречала Габора. Вот они на Каннском фестивале, на берегу моря. Идут навстречу друг другу по песчаному пляжу. Он один, под мышкой сценарий. Она тоже одна, бредет, подставляя лицо солнцу. Они сталкиваются. У нее падают очки. Он наклоняется, чтобы поднять их, выпрямляется и... «Ирис!» – «Габор!» Они страстно обнимаются, целуются, он говорит: «Как же я скучал по тебе! Только о тебе и думал!» Она шепчет: «Я тоже!» Они ходят по улицам Канна, по гостиницам. Он привез на фестиваль свой новый фильм, она везде его сопровождает, они поднимаются по ковровой дорожке, держась за руки, она подает на развод...

А иногда выходила другая история. Она написала книгу, книга имела огромный успех, она дает интервью иностранным журналистам в холле шикарного отеля. Книга переведена на двадцать семь языков, права на экранизацию куплены «Метро-Голдвин-Майер», на главную мужскую роль пробуются Том Круз и Шон Пенн. Доллары сами складываются в бесчисленные зеленые горки. Все говорят только о ней, ее фотографируют в кабинете, в кухне, спрашивают ее мнение обо всем на свете...

– Мама, можно я с вами посплю?

Филипп обернулся и резко ответил:

– Нет, Александр! Мы уже тысячу раз об этом говорили! В десять лет мальчики не спят с родителями.

– Мам, ну пожалуйста!

Ирис заметила тревогу в глазах сына, склонилась к нему, обняла.

– Что случилось, малыш?

– Мне страшно, мамочка... Правда страшно. Мне приснился кошмар.

Александр подошел к кровати и сделал попытку забраться под одеяло

– Иди в свою комнату! – зарычал Филипп, сдернув свою голубую маску.

В глазах сына читалась паника. Ирис встала, взяла его за руку.

– Пойду уложу его.

– Это не метод! Чего ты добиваешься? Чтобы он вырос маменькиным сынком? Боялся собственной тени?

– Я просто уложу его в кровать... Глупо делать из этого трагедию. Идем, малыш.

– Это возмутительно! Просто возмутительно! – повторил Филипп, ворочаясь в кровати. – Этот мальчик никогда не станет взрослым.

Ирис увела Александра в его комнату. Зажгла ночник у изголовья, откинула одеяло и велела ему лечь. Он скользнул в постель. Она положила руку ему на лоб и спросила:

– А чего ты боишься, Александр?

– Мне страшно...

– Александр, ты еще мальчик, но скоро ты станешь мужчиной. Тебе придется жить в жестоком мире, надо закалять себя. А если ты каждый день будешь прибегать со слезами к родителям...

– Я не плакал!

– Ты поддался страху. Он оказался сильнее тебя. А ты должен победить его, иначе навсегда останешься малышом.

– Я не малыш.

– А кто ж ты?.. Если ты хочешь спать с мамой и папой, как маленький.

– Нет, я не малыш!

Он скривился от горя и гнева. Он злился на мать, которая не понимала его, и в то же время ему действительно было страшно.

– Ты злая!

Ирис не знала, что ответить. Она смотрела на него, открыв рот, но не могла вымолвить ни слова. Она не знала, как с ним разговаривать. Они с Александром словно стояли на разных берегах реки и молча смотрели друг на друга. Так было с самого его рождения. Еще в роддоме. Когда Александра принесли и положили в кроватку с прозрачными стенками рядом с ней, она подумала: «Ну вот, новый персонаж в моей жизни!» Никогда она не произносила этого слова – «малыш»...

Замешательство Ирис еще больше встревожило Александра. Значит, дело серьезное, раз мама не может со мной говорить. Раз вот так смотрит и молчит.

Ирис поцеловала сына в лоб и собралась уходить.

– Мам, а ты можешь посидеть со мной, пока я не засну?

– Папа ужасно рассердится.

– Ну мамочка, мамочка, мамочка!

– Я понимаю, родной мой, понимаю. Я посижу, но обещаю, что в следующий раз ты будешь сильным и к нам не пойдешь.

Он не ответил. Она взяла его за руку.

Он вздохнул, закрыл глаза, она положила руку ему на плечо, погладила. Худенький, с длинными темными ресницами, с черными кудрями... Он отличался хрупкой грацией нервного, беспокойного ребенка. Даже сейчас, во сне, у него тревожная складка между бровями,

а грудь вздымается, словно придавленная непосильным грузом. Дышит прерывисто – от недавнего страха и нынешнего облегчения.

Он пришел к нам в комнату, потому что почувствовал, что нужен мне. Дети – чуткие создания. Она вспомнила, как сама громко смеялась папиным шуткам, как паясничала, стараясь разогнать мрачные тучи, сгушавшиеся над родителями. И вроде бы ничего ужасного между ними и не происходило, однако как же ей было страшно... Папа – такой кругленький, добрый, нежный. Мама – сухая, худая, резкая. Два совершенно чужих человека, спавшие в одной постели. Она долго продолжала кривляться: ей легче было смешить их, чем высказать, что у нее на душе. Но когда впервые услышала от посторонних: «Какая красивая девочка! Какие глаза! В жизни таких не видал!» – сменила клоунский наряд на амплу красавицы. Новая роль!

Как же мне сейчас плохо. Образ раскованной и непринужденной женщины, который я столько лет тщательно создавала, вот-вот рассыпется. Меня раздирают противоречия. В конце концов я должна буду сделать выбор. Но какой? Только тот, кто нашел себя, кто в ладу с собой, кто себе не лжет, может быть действительно свободным. Он знает, кто он на самом деле, пользуется этим и никогда не скучает. Он наслаждается жизнью в гармонии с самим собой. Живет по-настоящему, а у других жизнь утекает сквозь пальцы, как песок...

Моя жизнь утекает сквозь пальцы. Смысла в ней я не нашла. Не живу, а блуждаю вслепую. И с другими мне плохо, и с собой. Я злюсь на людей за то, что они видят во мне лишь тот образ, который я сама же и создала... но он мне не нравится, а другой я создать не способна. Бегаю по кругу, не в силах ничего изменить. Стоит лишь раз подчиниться чужим законам, чужим представлениям о тебе, и твоя душа умирает и разлагается. Остается лишь видимость. Но – ужасная мысль! – а вдруг уже слишком поздно? Вдруг я уже и вправду стала той женщиной, образ которой вижу в глазах Беранжер? Она даже вздрогнула и крепко сжала руку Александра, а он во сне стиснул ей руку в ответ, пробормотав: «Мама, мама». Слезы навернулись ей на глаза. Она прилегла рядом с сыном, положила голову на подушку и закрыла глаза.

– Жозиана, вы купили мне билеты в Китай?

Марсель Гробз, стоя перед секретаршей, разговаривал с ней, как с мебелью. Глядя куда-то поверх ее головы. У Жозианы все сжалось внутри, она застыла на стуле.

– Да... они на столе в кабинете.

Она не знала теперь, как к нему обращаться. Он говорил с ней на «вы». Она заикалась, подбирала слова и выражения. Избегала личных местоимений, использовала неопределенные и безличные формы.

Он с головой ушел в работу, постоянно был то в разъездах, то на деловых обедах и встречах с клиентами. Каждый вечер за ним приезжала Анриетта Гробз. Она, не поворачивая головы, проходила мимо Жозианы. Длинная палка в круглой шляпе. Жозиана смотрела, как они уходят: он – понуро сгорбившись, она – чванливо задрав нос.

С тех пор, как Марсель застал их с Шавалем возле кофейного автомата, он избегал ее. Пролетал мимо в свой кабинет, выходил оттуда только вечером, отвернувшись, бросал «до завтра». Она и рта открыть не успевала...

«Не иначе скоро выкинут отсюда. Возвращение на позицию «старт». Рассчитает он меня, оплатит отпуск, страховку, напишет рекомендательное письмо, пожелает удачи, пожмет руку и хоп! Пока, курочка! Иди гуляй! – Она шмыгнула носом, глотая слезы. – Ну и мудака этот Шаваль! А сама-то не лучше! Не могла держать себя в руках! Не могла быть повнимательней! Главное, ведь я ему говорила – на службе никаких интимных жестов, даже намеков на поцелуй! Полная секретность. Работа, только работа. И надо же ему было руки

распустить прямо под носом у Марселя! Выброс тестостерона, что ли? Тоже мне Тарзан. И ведь тут же сбросил меня со своей пальмы...»

Красавчик Шаваль послал ее куда подальше! А перед этим еще наорал! Такие потоки проклятий вылил на ее голову, что у нее аж дух захватило. Даже она такого в жизни не слышала.

С ее-то опытом!

Теперь она лила слезы.

Теперь – каждый день одна бодяга. Должно быть, я похожа на жертву авиакатастрофы. На выброшенную из самолета. У меня было все: и любимый старый пузан, и бойкий молодой любовник, и бог Чистоган валялся у меня в ногах. Стоило только дернуть за веревочку, и все – узелок готов. До красивой жизни было рукой подать. А теперь я даже обдумать ничего не могу: в голове будто пластилин какой-то. На похоронах старухи я надела черные очки, и все вокруг решили, что я схожу с ума от горя. Оно и лучше.

Похороны матери...

Жозиана приехала туда на поезде, с пересадкой в Кюльмон-Шалендри, потом взяла такси (тридцать пять евро плюс чаевые). Когда она под дождем вошла на кладбище, то увидела там сгрудившихся под зонтами всех тех, от кого удрала, издевательски махнув ручкой, двадцать лет назад. Счастливо, ребята! Качусь от вас колбаской! Вернусь в карете или вперед ногами. Да, плохая была идея – вернуться скромно, без всякой помпы, без фанфар, без всяких штучек-дрючек, чтоб им всем нос утереть. «Ты приехала на поезде? А что, у тебя нет машины?» Машина в их семье означала высший класс, символ благополучия и карьеры. Символ сладкой жизни. Символ сыра в масле. «Нет, у меня нет машины, потому что в Париже сейчас модно ходить пешком». – «Вон оно что...» – отвечали они, утыкаясь носами в черные траурные воротники, словно хихикая: «Нет машины, нет машины! Вот толстая дура, неудачница!»

Она подошла к черной яме, где лежала маленькая урна с прахом. На самом дне. И вдруг... В ее голове все смешалось, чаша переполнилась: мама, Марсель, Шаваль, я одна на свете, у меня никого больше нет, и денег нет, и перспектив никаких, и ничего мне уже не светит. Как будто мне снова восемь лет – я сжалась в ожидании пощечины. Мне восемь лет, и я трясусь от страха. Мне восемь лет, и дедушка тихонько входит в мою комнату ночью, когда все спят. Или делают вид, что спят, потому что им так спокойнее.

Она плакала не по матери – она плакала по себе. Оплакивала ту девочку, что была зачата на одной из попоек и всю жизнь могла рассчитывать только на себя, с самого детства, которого у нее и не было. Из-за той, что теперь покоится в сырой яме и плевать хотела, что ее дочь насиловали, эксплуатировали и она просто несчастна! Ну и дела! Если мне еще удастся свести дружбу с богом Чистоганом, надо будет как-нибудь сходить к шарлатану-психологу, плюхнуться на его кушетку и рассказать ему о своих родичах! Посмотрим, что он на это скажет.

После кладбища были поминки. Красное вино текло рекой, стол ломился от сосисок и рулетов, пицц и паштетов, сыра и чипсов. Все ее так и сверлили взглядами, так и щупали глазами. «Ну что? Как там в Париже?» «Шик-блеск», – говорила она, выставляя напоказ брильянт, окаймленный рубинами, что подарил ей Марсель, и вытягивая шею с ожерельем из натурального жемчуга южных морей с замочком из платины и брильянтов. Она вытягивала шею, как жираф, лишь бы отстали. «А что у тебя за работа? Хорошо платят? А твой патрон к тебе нормально относится?» «Лучше некуда», – отвечала она, сжимая зубы, чтобы не разреветься. Каждый подходил к ней по очереди – и все одни и те же вопросы, одни и те же ответы, те же круглые от удивления рты: надо ж, как она поднялась! Они ошалело смотрели на нее и подливали себе вина. «Вот свинство! – сокрушались они. – У нас даже чтоб продавицей в супермаркет устроиться, нужно жопу порвать! Вообще работы нет! Куда только

жизнь уходит...» Старики говорили: «В наше время в тринадцать лет начинали, где угодно, кем угодно, лишь бы работа была. А сейчас никакой нет». И подливали себе вина. Сейчас напьются до сизых пузырей и станут горланить свинские песни. Она решила уйти прежде, чем это начнется. Когда они накачаются, от них всего можно ожидать. Полезут спорить, грызться, как звери, сводить старые счета, бить бутылки и друг друга убивать.

У нее вдруг закружилась голова, и она попросила открыть окно. «У тебя что, токсикоз? Че, ветром надуло? Отца-то знаешь?» Раздался грубый смех, его подхватили, он уже шел отовсюду, грохотал, они ржали и подталкивали друг друга локтями, как в каком-то народном танце. «Честное слово, вам что, кроме как обо мне, и поговорить не о чем? – бросила она, не успев перевести дух. – Хорошо, что я приехала, а то бы вы так и сгнили тут на корню, сдохли бы со скуки!»

Они оскорбленно замолкли. «А ты не изменилась! – сказал ей кузен Поль. – Все такая же зубастая. Неудивительно, что тебя до сих пор никто не обрюхатил! Не родился еще такой, кто на это отважится! Лучше уж на каторгу пойти, чем посадить себе на шею такую бабу сволочную! Нужно быть обдолбанным по уши или вообще дебилом!»

Ребенок! Ребенок от Марсея! Почему ей раньше это не приходило в голову? Тем более что он мечтал о ребенке. Он постоянно ругал Зубочистку, которая отказала ему в этом законном счастье. Стоило ему увидеть в рекламе ангелочков, измазанных кашей или гуляющих в вонючих «памперсах», у него сразу влажнели глаза.

Время остановилось и наполнилось смыслом.

Люди за столом застыли, словно она нажала кнопку «Пауза» на пульте. Слова обрели плоть. Ди-тя. Малыш. Младенец Иисус. Маленький щекастый Гробзик. Уж он-то родится в рубашке. Да что я говорю, в какой рубашке! В десяти рубашках, с целым гардеробом! Вот чем она поразит его – младенцем! Какая же она дура! Точно, именно это ей надо сделать: помириться с Шефом, залететь и потом ее хрен выгонишь с работы! Счастливая улыбка озарила ее лицо, вздох облегчения всколыхнул ее внушительную грудь.

Она обвела потеплевшим, растроганным взглядом своих кузин, братьев, дядюшек, тетюшек и племянниц. Как же она любила их за то, что они подали ей эту светлую мысль! Как радовалась их пошлой болтовне, грубым шуткам и тупым рожам! Слишком долго она жила в Париже. Слишком уж стала городской, пообтесалась. И потеряла хватку! Забыла о борьбе классов, полов и кошельков. Надо приезжать сюда почаще, вновь познавать законы джунглей. Древняя истина: как сохранить мужчину? Выпустить чертика из табакерки. Сюрприз! Надо же было упустить из виду проверенный тысячелетиями рецепт, благодаря которому создавались династии и наполнялись закрома!

Ей захотелось обнять их всех, но она сдержалась и, напустив на себя вид оскорбленной целки, «нет-нет, я об этом даже не думала», извинилась, что сорвалась: «Я так расстроилась из-за мамы... Нервы на пределе, сами понимаете»; и, поскольку кузен Жорж уезжал на машине в Кюльмон-Шалендри, попросила взять ее с собой – так она могла обойтись без пересадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.